

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ШЕПОТ КАРДИНАЛА:
ТЕНИ ВЕРСАЛЯ

Эдуард Сероусов

Шепот кардинала: Тени Версаля

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Шепот кардинала: Тени Версаля / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Франция, XVII век. Молодой провинциальный дворянин Жан-Батист Ламбер получает таинственное приглашение от кардинала Ришелье и попадает в водоворот придворных интриг. Обладая феноменальной памятью, он становится личным секретарем кардинала, но вскоре обнаруживает существование тайного общества "Хранители печати", веками манипулирующего европейскими монархиями. В компании загадочной красавицы Селесты, Жан-Батист раскрывает древние тайны, скрытые в Версале, и оказывается на перекрестье политических заговоров, вековых пророчеств и мистических ритуалов, способных изменить судьбу Франции и всей Европы.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 4: Двойная игра	50
Глава 5: Испытание верности	68
Глава 6: Красная книга	87
Глава 7: Заговор	103
Глава 8: Строительство Версаля	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Эдуард Сероусов

Шепот кардинала: Тени Версаля

ПРОЛОГ

Париж, 1678 год

Чернила расплывались на пожелтевшей бумаге. Старческая рука дрожала, словно ветвь под порывами ноябрьского ветра. Жан-Батист Ламбер, семидесятилетний тайный советник покойного кардинала Мазарини, раздраженно отложил перо и потер воспаленные глаза.

«О, мой любопытный читатель! Как объяснить тебе то, что я сам едва понимаю? Как описать историю, где истина сплетается с ложью в такой тесный узор, что даже я, проживший эту жизнь, порой не могу их различить?»

За окном его скромного парижского особняка бушевала гроза. Капли дождя барабанили по стеклу, как чьи-то нетерпеливые пальцы. Огонь в камине бросал причудливые тени на стены кабинета, заставляя старинные гобелены оживать в дрожащем свете.

Ламбер поднял взгляд на портрет кардинала Ришелье, висевший над камином. Проницательные глаза Красного герцога, казалось, следили за каждым его движением.

– Вы все еще преследуете меня, ваше высокопреосвященство? Даже сорок лет спустя?

Тишина в ответ. Лишь треск поленьев в камине.

Он вздохнул и снова взялся за перо. Времени оставалось мало. Они наверняка уже в пути. Возможно, уже в Париже. Мемуары должны быть завершены до их прихода. История должна сохраниться. Ради Франции. Ради истины. Ради его бедной Селесты...

«Моё имя – Жан-Батист Ламбер, и я был глазами и ушами самого могущественного человека во Франции. Не короля, нет. Настоящая власть редко носит корону. Я был доверенным секретарем кардинала Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришелье. Человека, создавшего Францию, которую мы знаем сегодня. Человека, который...»

Станный звук на улице заставил его замереть. Скрип колес по мокрой брусчатке? Он прислушался. Звуки копыт... Остановка под его окнами... Приглушенные голоса...

Ламбер поспешно сложил исписанные листы и спрятал их в потайной ящик письменного стола. Они пришли раньше, чем он ожидал.

Отворив старинный шкаф, он извлек из тайника запечатанный конверт с личным гербом Людовика XIII – последний подарок давно умершего монарха. Затем подошел к камину и бросил туда несколько листов, наблюдая, как пламя жадно пожирает бумагу.

– Не все тайны Версаля должны быть раскрыты, – прошептал он, глядя на сторающие секреты. – По крайней мере, не сейчас.

Громкий стук в дверь эхом разнесся по дому. Его преданный слуга Пьер, единственный оставшийся в доме, неуверенно постучал в дверь кабинета.

– Месье... К вам посетители. Они говорят... Они говорят, что от имени короля.

Ламбер улыбнулся. Разумеется, от имени короля. Они всегда приходят от имени короля.

– Скажи им, что я буду через минуту, Пьер.

– Они очень настойчивы, месье.

– Я знаю, друг мой. Знаю.

Когда слуга ушел, Ламбер достал из ящика стола маленький перстень с выгравированной золотой пчелой. Символ, который преследовал его всю жизнь. Символ, с которого всё началось.

Он надел перстень на палец и подошел к потайной двери, искусно скрытой за книжными полками. Механизм, разработанный ещё при Ришелье, работал безупречно. Полка бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий проход.

– Ищите меня, господина Хранителя Печати. Ищите, как искали все эти годы, – прошептал старик, шагнув в темноту прохода. – Но тайны Версаля не должны умереть вместе со мной.

Дверь закрылась за ним за мгновение до того, как в кабинет ворвались люди в черных плащах.

Жизнь Жана-Батиста Ламбера подходила к концу. Но его история – история, которая изменила судьбу Франции – только начиналась.

ЧАСТЬ I: ВОСХОЖДЕНИЕ (1630-1642)

Глава 1: Призвание

Прованс, май 1630 года

Прованское солнце безжалостно жгло спину Жана-Батиста Ламбера, когда он поднимался по крутой тропинке к отцовскому дому. Двадцать три года – возраст надежд, мечтаний и амбиций. Но только не для сына обедневшего дворянина из глухой провинции.

Отцовский дом, некогда гордость местной знати, теперь представлял собой печальное зрелище: обвалившаяся черепица, потрескавшиеся стены, заросший сорняками двор. Война и долги не пощадили рода Ламберов.

В руке Жан-Батист сжимал конверт – странное послание, полученное утром в деревенской таверне. Письмо без подписи, лишь с алой печатью в виде кардинальской шапки. «Явится в Париж, в особняк кардинала Ришелье, 15 июня сего года. Ваше будущее зависит от этой встречи».

Отец встретил его на пороге, опираясь на трость. Месье Анри Ламбер постарел раньше времени. Глаза, когда-то ясные и живые, теперь смотрели устало и безразлично.

– Что привело тебя домой в разгар дня, сын? – спросил он, пропуская Жана-Батиста в прохладную тень дома.

Гостиная встретила их затхлым запахом и пылью. Портреты предков в потускневших рамках смотрели с укоризной на потомков, не сумевших сохранить фамильную честь.

– Отец, я получил странное письмо. Из Парижа.

Анри Ламбер нахмурился и протянул дрожащую руку. Письмо перешло от сына к отцу. Старик долго разглядывал печать, затем медленно прочитал короткий текст.

– Кардинал Ришелье, – произнес он с благоговейным страхом. – Красный герцог. Истинный король Франции...

– Что ему может быть нужно от меня? – Жан-Батист нервно провел рукой по темным, чуть вьющимся волосам.

Отец посмотрел на сына долгим, изучающим взглядом.

– Твоя память, – наконец произнес он. – Твой дар.

Жан-Батист смутился. С детства он обладал необычной способностью – феноменальной памятью. Он мог прочитать страницу текста один раз и затем воспроизвести её дословно. Запоминал имена, даты, события с точностью, пугавшей окружающих. В университете Экс-ан-Прованса, где он изучал право и древние языки, профессора называли его «живой библиотекой».

– Но откуда кардиналу знать об этом?

Анри Ламбер тяжело опустился в кресло и жестом пригласил сына сесть напротив.

– Ришелье знает всё и обо всех, мой мальчик. Его осведомители есть в каждом уголке Франции. – Он помолчал, затем добавил тише: – И, возможно, твой старый учитель, аббат Мориак, упомянул о тебе в своих письмах. Он ведь был однокашником кардинала в Сорбонне.

Жан-Батист удивленно поднял брови. Старый аббат никогда не говорил о такой связи.

– Что ж, это объясняет письмо, но не решение. Стоит ли мне ехать?

– Разве у тебя есть выбор? – горько усмехнулся отец. – Когда кардинал Франции приглашает, отказ приравнивается к государственной измене. К тому же... – он обвел рукой обветшалую комнату, – что тебя держит здесь? Долги? Разорение? Забытое имя?

– Мой долг перед вами, отец.

Анри Ламбер покачал головой.

– Твой долг – возродить славу нашей семьи. И если для этого нужно служить самому дьяволу... что ж, Ришелье, говорят, состоит в родстве с нечистым.

Жан-Батист рассмеялся, но смех вышел нервным.

– Я даже не знаю, чего он хочет от меня.

– Узнаешь, – пожал плечами отец. – В любом случае, это твой шанс. Единственный. Используй его.

На следующее утро, когда предрассветная мгла еще окутывала Прованс, Жан-Батист Ламбер покинул родовое поместье. Скудные пожитки, несколько книг, отцовская шпага и

десять золотых луидоров – всё его имущество. Впереди лежал долгий путь в Париж. Путь, который навсегда изменит его жизнь.

Дорога на Париж, начало июня 1630 года

Путешествие из Прованса в Париж заняло почти две недели. Жан-Батист экономил деньги, присоединяясь к торговым караванам или группам паломников, делящим расходы на охрану от разбойников, которые после недавних войн наводнили дороги Франции.

К десятому дню пути Жан-Батист уже проклинал свое решение. Его изящные башмаки, предназначенные для городских улиц, а не для пыльных дорог, были стоптаны. Кожа на руках огрубела, некогда ухоженное лицо покрылось щетиной. От приличного дворянина, каким он покинул Прованс, мало что осталось.

Но именно в этот момент судьба свела его с попутчиком, который перевернул всю его жизнь.

Это случилось на постоялом дворе в трех днях пути от Парижа. «Золотой петух» – грязная таверна с сомнительной репутацией, но единственная на много миль вокруг. Жан-Батист устало опустился за единственный свободный стол и заказал скромный ужин.

– Позвольте присоединиться, месье? – раздался над ухом мелодичный голос с легким итальянским акцентом.

Ламбер поднял глаза. Перед ним стоял мужчина лет пятидесяти, в дорогом, но скромном дорожном костюме. Благородное лицо, внимательные карие глаза, аккуратно подстриженная борода с проседью.

– Разумеется, сударь, – Жан-Батист указал на свободный стул. – Я буду рад компании.

Незнакомец грациозно опустился на стул и представился:

– Граф Альберто Россини, к вашим услугам.

– Жан-Батист Ламбер, – ответил молодой человек, слегка поклонившись.

– Из прованских Ламберов? – с интересом спросил граф.

– Вы знаете мою семью? – удивился Жан-Батист.

– Франция – маленькая страна для тех, кто вращается в определенных кругах, – улыбнулся Россини. – К тому же, у меня хорошая память на имена. Ваш дед, если не ошибаюсь, отличился при осаде Ла-Рошели?

– Вы хорошо осведомлены, граф.

Разговор потек непринужденно. Граф оказался блестящим собеседником – образованным, остроумным, знающим, казалось, всё обо всех при французском дворе. Он расспрашивал Жана-Батиста о его образовании, интересах, планах, и молодой человек, сам того не замечая, рассказал ему о таинственном приглашении кардинала.

– Какое совпадение! – воскликнул Россини. – Я тоже направляюсь к кардиналу. Возможно, нам по пути?

Предложение было принято с благодарностью. Утром граф представил Жану-Батисту свою свиту – четверых слуг и двух вооруженных охранников.

– Дороги нынче опасны, – пояснил он. – Война оставила слишком много людей без средств к существованию. Разбойничьи шайки – настоящий бич королевства.

В пути Россини развлекал своего нового знакомого историями о французском дворе, о характерах влиятельных персон, о тайных пружинах политики. Жан-Батист жадно впитывал каждое слово, запоминая мельчайшие детали.

– У вас удивительная память, друг мой, – заметил граф на третий день совместного путешествия. – Вы запомнили всё, что я рассказал о расстановке сил при дворе.

– Это мое единственное достоинство, – скромно ответил Ламбер.

– О, не скромничайте! Такой дар бесценен. Особенно в кругах, где слово может стоить жизни, а забытое имя – означать провал многолетних интриг.

Вечером того же дня случилось непредвиденное. Они остановились на ночлег в небольшой гостинице в окрестностях Орлеана. Место казалось безопасным, и охранники графа позволили себе расслабиться за кружкой вина. Жан-Батист рано удалился в свою комнату, утомленный дорогой.

Его разбудил странный шум за стеной – в комнате графа. Приглушенные голоса, звук падения тяжелого тела, короткий вскрик. Схватив отцовскую шпагу, Жан-Батист выскочил в коридор и без стука ворвался в соседнюю комнату.

Представшая перед ним картина заставила кровь застыть в жилах. Граф Россини лежал на полу, из раны в груди сочилась кровь. Над ним стоял высокий человек в маске, сжимая окровавленный кинжал. В распахнутое окно как раз запрыгивал второй убийца.

– На помощь! Убийцы! – закричал Жан-Батист, бросаясь к раненому графу.

Человек в маске метнул кинжал, но промахнулся – лезвие вонзилось в дверной косяк в дюйме от головы Ламбера. Затем убийца прыгнул к окну и скрылся в темноте вслед за сообщником.

Жан-Батист опустился на колени рядом с графом. Россини был еще жив, но дыхание его становилось всё более прерывистым.

– Мой друг... – прошептал он, хватая Ламбера за руку. – Слушайте внимательно... У меня мало времени.

– Я позову врача! Держитесь, граф!

– Нет... поздно... – Россини закашлялся, на губах выступила кровь. – Возьмите... – Он с трудом снял с пальца массивный перстень с выгравированной золотой пчелой. – Это откроет вам... двери...

– Какие двери? О чем вы?

– Хранители... ищут его... не доверяйте...

– Кому не доверять, граф? – отчаянно спросил Жан-Батист, но Россини лишь сжал его руку сильнее.

– Передайте кардиналу... скажите... «Пчела знает путь к цветку»... Он поймет.

С этими словами глаза графа закрылись, а дыхание остановилось. Граф Альберто Россини был мертв.

В комнату ворвались слуги и охранники графа, разбуженные шумом. Они с ужасом уставились на тело своего господина и на Жана-Батиста, стоявшего над ним с окровавленными руками.

– Это не я! – воскликнул он, поднимаясь. – Двое в масках... Они бежали через окно!

Старший из охранников, седоусый ветеран по имени Жерар, внимательно осмотрел комнату, затем выглянул в окно.

– Следы на земле, – подтвердил он. – Двое. Убежали в сторону леса.

– Месье Ламбер говорит правду, – добавил один из слуг. – Я видел, как два человека в темном перепрыгнули через ограду.

Жерар повернулся к Жану-Батисту.

– Что граф сказал вам перед смертью?

Ламбер колебался. Что-то заставляло его быть осторожным.

– Просил... передать его вещи родным в Италии, – солгал он.

Жерар смотрел на него долгим, изучающим взглядом, затем едва заметно кивнул, словно принимая решение.

– Граф направлялся в Париж с важной миссией, – сказал он. – Мы должны доставить его тело туда и сообщить о случившемся кардиналу. Вы поедете с нами, месье Ламбер. Как свидетель.

Перстень с пчелой жег ладонь Жана-Батиста, спрятанный в кулаке. Он кивнул.

– Я и так направлялся к кардиналу.

Утром маленький отряд продолжил путь. Тело графа, обернутое в плащ, везли на отдельной лошади. Жан-Батист ехал рядом с Жераром, чувствуя на себе настороженные взгляды остальных слуг. Он не расставался с перстнем, храня его в потайном кармане камзола.

Кем был граф Россини? Что означали его последние слова? И кто такие «Хранители»?

Ответы ждали его в Париже. Ответы, которые навсегда изменят жизнь молодого провинциала.

Париж, 15 июня 1630 года

Париж ошеломил Жана-Батиста. После тихой провинции столица казалась другим миром – шумным, суетливым, грязным и величественным одновременно. Узкие улочки, где зловоние нечистот смешивалось с ароматами свежей выпечки. Роскошные кареты аристократов, проезжающие в дюйме от оборванных нищих. Величественные дворцы рядом с ветхими лачугами.

Они въехали в Париж через ворота Сен-Дени утром 15 июня – в день, назначенный для встречи с кардиналом. Тело графа Россини было передано городской страже с указанием доставить в Пале-Кардинал – резиденцию Ришелье.

Жерар отвел Жана-Батиста в сторону.

– Вам лучше отправиться к кардиналу самостоятельно, месье. Мне нужно сопровождать тело графа и сделать официальное заявление. – Он помолчал, затем добавил тише: – Будьте осторожны. Граф был важным человеком. Его смерть не останется без последствий.

– Кем он был на самом деле? – спросил Ламбер.

Жерар покачал головой.

– Не моё дело говорить об этом. Кардинал сам решит, что вам следует знать.

С этими словами он коротко поклонился и удалился вместе с другими слугами, сопровождая печальный кортеж.

Оставшись один, Жан-Батист решил сначала привести себя в порядок. Две недели пути не прошли бесследно для его внешности. Найдя скромную, но чистую гостиницу недалеко от Лувра, он снял комнату, вымылся, побрился и переделался в свой лучший костюм, слава богу, не пострадавший в дороге.

Взглянув в зеркало, он увидел молодого человека с умным лицом, обрамленным темными волосами, с живыми карими глазами и прямым носом. Не красавец, но и не дурен собой. Нервно одернув камзол, Жан-Батист проверил, на месте ли перстень графа, и вышел на улицу.

Пале-Кардинал находился недалеко от Лувра. Грандиозное сооружение, больше похожее на дворец, чем на резиденцию служителя церкви, оно наглядно демонстрировало могущество и богатство своего хозяина.

У ворот дворца Жан-Батиста остановила стража.

– Ваше имя и цель визита? – сухо спросил капитан гвардейцев в красной униформе.

– Жан-Батист Ламбер. Я приглашен его высокопреосвященством кардиналом Ришелье.

Гвардеец скептически оглядел его.

– Пропуск?

Ламбер достал письмо с кардинальской печатью. Капитан внимательно изучил его, затем кивнул:

– Следуйте за мной.

Их встретил секретарь кардинала – худой, нервный человек с бегающими глазами и тонкими, постоянно шевелящимися губами.

– Месье Ламбер? Его высокопреосвященство ожидал вас раньше.

– Прошу прощения, – начал объяснять Жан-Батист. – В пути произошло непредвиденное...

– Да-да, нам уже доложили о печальном инциденте с графом Россини, – перебил секретарь. – Его высокопреосвященство желает лично побеседовать с вами об этом. Следуйте за мной.

Они прошли через анфиладу роскошных залов. Повсюду Жан-Батист видел признаки невероятного богатства – гобелены с золотым шитьем, мраморные статуи, картины лучших мастеров, экзотические растения в кадках из слоновой кости. «Воистину, кардинал живет пышнее короля», – подумал он.

Наконец, секретарь остановился перед высокими дверями из полированного дуба.

– Его высокопреосвященство примет вас немедленно, – сказал он и, постучав, распахнул двери.

Кабинет кардинала Ришелье поразил Жана-Батиста своей строгостью после показной роскоши предыдущих залов. Тёмные деревянные панели, шкафы с книгами, массивный рабочий стол, заваленный бумагами, карта Европы на стене. Никаких лишних украшений – только распятие в углу да портрет молодого короля Людовика XIII над камином.

За столом сидел человек в алой сутане. Кардинал Ришелье, первый министр Франции, фактический правитель страны. Человек, одно имя которого заставляло трепетать как простолюдинов, так и знатнейших дворян королевства.

– Месье Ламбер, – произнес он тихим, хорошо поставленным голосом. – Подойдите.

Жан-Батист приблизился к столу и поклонился, как того требовал этикет.

– Ваше высокопреосвященство, для меня честь...

– Вы были с Россини, когда его убили, – прервал его кардинал, переходя сразу к делу. – Расскажите, что произошло. В деталях.

И Жан-Батист рассказал всё – о встрече с графом, о совместном путешествии, о нападении и последних словах умирающего. Он лишь умолчал о перстне с пчелой, повинувшись внезапному инстинкту самосохранения.

Ришелье слушал, не перебивая, постукивая длинными пальцами по столу. Его бледное лицо с тонкими чертами оставалось бесстрастным, но в глазах Жан-Батист заметил проблеск интереса, когда упомянул фразу: «Пчела знает путь к цветку».

– Что-нибудь еще? – спросил кардинал, когда Ламбер закончил рассказ.

– Нет, ваше высокопреосвященство. Это всё.

Кардинал смотрел на него испытующим взглядом, словно пытаясь заглянуть в душу.

– Граф Россини был моим доверенным лицом, – сказал он после долгой паузы. – Он выполнял деликатную миссию. Его смерть – тяжелая утрата для короны.

– Примите мои соболезнования, ваше высокопреосвященство.

– Я не нуждаюсь в соболезнованиях, месье Ламбер. Я нуждаюсь в информации. – Ришелье встал и подошел к карте Европы. – Вы знаете, почему я пригласил вас?

– Полагаю, это как-то связано с моей памятью.

– Именно. – Кардинал повернулся к нему. – Аббат Мориак писал мне о вас. Он утверждает, что вы способны запомнить страницу текста с одного взгляда. Это правда?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Продемонстрируйте.

Кардинал взял со стола лист бумаги, исписанный мелким почерком, и протянул Жану-Батисту.

– У вас есть минута.

Ламбер быстро пробежал глазами по тексту. Это был отрывок из какого-то дипломатического документа на латыни – договор между Францией и одним из немецких княжеств.

Ровно через минуту кардинал забрал лист.

– Теперь воспроизведите.

Жан-Батист закрыл глаза, сосредоточился, затем начал говорить, цитируя документ слово в слово. Латынь лилась с его губ свободно и безошибочно.

Закончив, он открыл глаза. Кардинал смотрел на него с нескрываемым интересом.

– Впечатляюще, – сказал он. – А теперь скажите мне, месье Ламбер, чего вы хотите от жизни?

Вопрос застал Жана-Батиста врасплох.

– Я... Я хотел бы служить Франции, ваше высокопреосвященство.

– Франции или королю? – уточнил Ришелье с едва заметной улыбкой.

– Разве это не одно и то же?

– О, отнюдь. – Кардинал вернулся к столу. – Король смертен. Франция вечна. Иногда интересы одного противоречат интересам другой.

– Тогда... Франции, – твердо сказал Жан-Батист.

– Хороший ответ. – Ришелье кивнул. – Мне нужны люди, преданные не личности, а идее. Идее великой, единой Франции. – Он помолчал, затем добавил: – Я предлагаю вам место в моем секретариате, месье Ламбер. Работа конфиденциальная, требующая абсолютной преданности и дискреции. Вы будете моими глазами и ушами в определенных кругах. Вашей главной задачей будет запоминать всё, что видите и слышите, в точности, без искажений.

– Я... польщен, ваше высокопреосвященство.

– Не спешите с ответом. Эта служба опасна. У меня много врагов. Они станут и вашими врагами. Подумайте хорошенько.

– Мне не нужно думать, – сказал Жан-Батист. – Я принимаю ваше предложение.

Кардинал удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Мой секретарь проводит вас к интенданту двора. Он позаботится о вашем размещении и выдаст аванс жалованья. Завтра в девять утра жду вас здесь для получения первых инструкций.

Ришелье сделал жест рукой, показывая, что аудиенция окончена.

Жан-Батист поклонился и направился к двери, но голос кардинала остановил его:

– И месье Ламбер... Если вы что-то скрыли от меня – о смерти Россини или о чем-то ещё – я узнаю об этом. И последствия будут... непоправимыми.

Жан-Батист почувствовал, как перстень с пчелой словно обжег кожу сквозь ткань кармана.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство, – ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал кардинал, и Жану-Батисту показалось, что в глазах Ришелье мелькнула тень улыбки.

Париж, вечер 15 июня 1630 года

Вечер застал Жана-Батиста в маленьких, но удобных апартаментах на территории Пале-Кардинал. Две комнаты с простой, добротной мебелью, отдельная гардеробная и даже маленький кабинет с письменным столом – по провинциальным меркам настоящая роскошь.

Интендант двора, сухопарый месье Делакура, выдал ему аванс в пятьдесят ливров и сообщил, что его годовое жалованье составит восемьсот ливров – огромная сумма для молодого человека без связей и покровителей.

– Его высокопреосвященство щедр к тем, кто ему полезен, – сказал интендант. – И безжалостен к тем, кто разочаровывает его.

Теперь, оставшись один, Жан-Батист пытался осмыслить стремительные перемены в своей судьбе. Ещё две недели назад он прозябал в провинции без надежды на будущее. Теперь он – секретарь самого могущественного человека во Франции. Но какой ценой? И что за тайны окружают его новое положение?

Он достал перстень графа Россини и внимательно осмотрел его. Массивное золотое кольцо с изображением пчелы, выполненным с удивительным мастерством. Внутри была гравировка – три буквы: «H.S.P.»

Что они означают? И почему граф в последние минуты жизни так стремился передать ему этот перстень?

Стук в дверь прервал его размышления. На пороге стоял молодой человек в одежде пажа кардинала.

– Месье Ламбер? Его высокопреосвященство приглашает вас на вечерний приём. Сегодня в Пале-Кардинал придут важные гости. Кардинал желает представить вас обществу.

– Но у меня нет подходящей одежды для такого случая, – растерянно произнес Жан-Батист.

Паж улыбнулся:

– Его высокопреосвященство предусмотрел это. – Он сделал знак, и в комнату внесли несколько коробок. – Здесь всё необходимое. Церемониймейстер ждет вас через час, чтобы проинструктировать о дворцовом этикете.

Когда паж ушел, Жан-Батист открыл коробки. Внутри лежал костюм придворного – камзол из темно-синего бархата с серебряной вышивкой, атласные панталоны того же цвета, белоснежная рубашка с кружевным жабо, шелковые чулки и туфли с серебряными пряжками. Рядом – шпага в изящных ножнах и шляпа с плюмажем.

«Кардинал действительно не упускает деталей», – подумал Жан-Батист, примеряя камзол. Костюм сидел идеально, словно был сшит по мерке.

Ровно через час явился церемониймейстер – напыщенный господин с моноклем и тростью, и следующие полчаса Жан-Батист получал ускоренный курс придворного этикета.

– Главное правило – никогда не поворачивайтесь спиной к кардиналу или членам королевской семьи, – наставлял церемониймейстер. – При входе короля все преклоняют колени. При входе кардинала – глубокий поклон. Не заговаривайте первым с лицами высшего ранга. Не пейте много вина. Не флиртуйте с фрейлинами королевы – это может стоить вам головы.

К концу инструктажа голова Жана-Батиста шла кругом от обилия правил и нюансов.

– Не волнуйтесь, месье Ламбер, – подбодрил его церемониймейстер. – Просто держитесь рядом со мной и следуйте моему примеру. Кардинал не ожидает, что провинциал сразу освоит все тонкости двора.

Бальный зал Пале-Кардинал, вечер того же дня

Бальный зал Пале-Кардинал сиял сотнями свечей. Зеркала, расставленные по периметру, отражали свет, создавая иллюзию бесконечного пространства. Придворные в роскошных нарядах, сверкающие драгоценности, звуки музыки, аромат экзотических духов – всё это ошеломило Жана-Батиста, никогда не бывавшего на подобных мероприятиях.

Кардинал восседал на возвышении в центре зала, окруженный приближенными. Среди них Жан-Батист заметил капитана королевских мушкетеров в синем мундире и нескольких высокопоставленных священников.

Церемониймейстер подвел его к кардиналу.

– Ваше высокопреосвященство, месье Жан-Батист Ламбер.

Ришелье благосклонно кивнул.

– А, мой новый секретарь. Вы вовремя, месье Ламбер. Король и королева только что прибыли.

В этот момент распахнулись двери, и в зал вошли королевская чета в сопровождении свиты. Король Людовик XIII – худощавый мужчина лет тридцати с грустными глазами и длинными темными волосами. Рядом – королева Анна Австрийская, изящная и величественная, с гордой осанкой и холодной красотой.

Все присутствующие, включая кардинала, опустили на одно колено. Жан-Батист последовал их примеру, не сводя глаз с монаршей четы.

Король приблизился к кардиналу и поднял его с колен.

– Мой дорогой кардинал, – произнес он с легким испанским акцентом. – Как всегда, ваше гостеприимство безупречно.

– Всё для вашего величества, – почтительно ответил Ришелье.

Началась церемония представления. Кардинал по очереди представлял королю новых лиц при дворе. Дошла очередь и до Жана-Батиста.

– Сир, позвольте представить вам месье Жана-Батиста Ламбера, моего нового секретаря. У него феноменальная память и острый ум. Я полагаю, он будет полезен короне.

Король рассеянно кивнул, едва взглянув на молодого человека.

– Хорошо, кардинал. Я доверяю вашему выбору.

Королева, напротив, внимательно посмотрела на Жана-Батиста. В её взгляде промелькнуло что-то – интерес? подозрение? – но через секунду её лицо вновь стало бесстрастным.

После церемонии представления начался бал. Король открыл танцы с королевой, затем удалился в боковую галерею, где, как заметил Жан-Батист, его ждали охотничьи собаки и несколько дворян с соколами на руках.

Предоставленный самому себе, Жан-Батист наблюдал за придворными, запоминая лица и имена. Его феноменальная память работала как совершенный механизм, фиксируя каждую деталь окружающей обстановки.

– Впечатляющее зрелище, не правда ли? – раздался рядом мелодичный женский голос.

Жан-Батист обернулся. Перед ним стояла молодая женщина потрясающей красоты. Золотистые волосы, уложенные в сложную причёску, украшенную жемчугом. Изумрудно-зелёные глаза, смотрящие с легкой насмешкой. Нежная кожа с едва заметными веснушками. Изящная фигура, подчеркнутая платьем из бледно-голубого шелка.

– Весьма впечатляющее, мадемуазель, – ответил он, с трудом находя слова.

– Мадам, – поправила она с улыбкой. – Селеста де Вивье. Фрейлина её величества королевы.

Жан-Батист поклонился.

– Жан-Батист Ламбер, к вашим услугам, мадам.

– Знаю. Новый секретарь кардинала с удивительной памятью. – Она склонила голову набок, изучая его. – Вы уже стали предметом обсуждения при дворе, месье Ламбер.

– Неужели? – удивился он. – Я прибыл в Париж только сегодня.

– О, при дворе новости распространяются быстрее ветра. – Селеста рассмеялась. – Особенно если они связаны с кардиналом. Его высокопреосвященство редко принимает новых людей в ближний круг.

– Я польщен таким вниманием, но не уверен, что заслуживаю его.

– Скромность украшает мужчину, месье Ламбер. – Она лукаво улыбнулась. – Но не переусердствуйте с ней. При дворе ценят уверенность и амбиции.

Жан-Батист невольно залюбовался ею. Селеста де Вивье излучала какое-то внутреннее сияние, притягивающее взгляд.

– Могу я спросить, мадам, давно ли вы служите королеве?

– Третий год. Я прибыла из Бретани после смерти мужа. – Тень печали пробежала по её лицу. – Граф де Вивье погиб на дуэли, защищая мою честь. Довольно банально, не правда ли?

– Мои соболезнования, мадам.

– Благодарю, но прошло уже достаточно времени. – Она снова улыбнулась. – Расскажите лучше о себе, месье Ламбер. Это правда, что вы можете запомнить целую книгу с одного прочтения?

– Не целую книгу, мадам. Но страницу-другую – вполне.

– Впечатляюще. – Селеста внимательно посмотрела на него. – И опасно. Такой дар может принести как пользу, так и беду.

– Почему вы так считаете?

– Потому что знание – сила. А любая сила привлекает тех, кто хочет её использовать. – Она понизила голос. – Будьте осторожны, месье Ламбер. Не все при дворе являются теми, кем кажутся.

Прежде чем Жан-Батист успел ответить, к ним подошел пожилой дворянин в роскошном костюме.

– Мадам де Вивье, королева желает видеть вас.

– Благодарю, герцог. – Селеста присела в изящном реверансе, затем повернулась к Жану-Батисту. – Долг зовет, месье Ламбер. Надеюсь, мы еще встретимся.

– Буду ждать с нетерпением, мадам.

Когда она удалилась, Жан-Батист почувствовал странное волнение. Селеста де Вивье произвела на него сильное впечатление. Но в её словах чувствовался какой-то подтекст, предупреждение...

Его размышления прервал церемониймейстер.

– Месье Ламбер, кардинал желает, чтобы вы присоединились к нему. Он хочет представить вас нескольким важным лицам.

Оставшаяся часть вечера прошла как в тумане. Жан-Батист был представлен множеству придворных – герцогам, маркизам, иностранным дипломатам. Он старательно запоминал имена и лица, понимая, что это часть его новых обязанностей.

Кардинал, казалось, был доволен. Несколько раз он одобрительно кивал, когда Жан-Батист демонстрировал свою память, безошибочно называя имена людей, с которыми только что познакомился.

Когда бал подошел к концу, Ришелье подозвал к себе молодого секретаря.

– Вы хорошо справились для первого раза, месье Ламбер, – сказал он. – Отдыхайте. Завтра у вас будет много работы.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство.

– И ещё... – кардинал наклонился ближе. – Я заметил ваш разговор с мадам де Вивье. Она красивая женщина, не так ли?

– Действительно, ваше высокопреосвященство.

– И умная. Очень умная. – Ришелье смотрел на него испытующе. – Помните, месье Ламбер, красота – часто лишь приманка. Не всё то золото, что блестит.

С этими загадочными словами кардинал отпустил его.

Возвращаясь в свои апартаменты, Жан-Батист размышлял о странном предупреждении Ришелье. Оно перекликалось со словами самой Селесты: «Не все при дворе являются теми, кем кажутся».

Что ж, этот урок он усвоил уже сегодня. Граф Россини оказался не просто путешественником, а важным агентом кардинала. Кто знает, какие ещё тайны скрываются за блестящим фасадом двора?

Последней мыслью перед сном была мысль о Селесте де Вивье. Её изумрудные глаза, её улыбка, её мелодичный голос... Жан-Батист понимал, что, возможно, влюбился с первого взгляда. И это пугало его не меньше, чем таинственные интриги, в которые он невольно оказался вовлечен.

Неужели его чувства могут быть опасными? Неужели эта прекрасная женщина – часть какой-то большой игры?

Сон долго не шел к нему. А когда наконец пришел, Жану-Батисту приснился странный сон: золотая пчела летала вокруг кроваво-красного цветка, а вокруг кружились зловещие тени в масках.

Глава 2: Первое задание

Пале-Кардинал, 16 июня 1630 года

Жан-Батист проснулся с первыми лучами солнца. Несмотря на поздно закончившийся бал, он чувствовал себя отдохнувшим и полным энергии. Волнение перед первым рабочим днём на службе у кардинала не давало ему валяться в постели.

Быстро позавтракав простой едой, принесенной слугой, он тщательно оделся, выбрав из предоставленного гардероба скромный, но элегантный костюм, подходящий для повседневной работы секретаря.

Ровно в девять утра Жан-Батист постучал в дверь кабинета кардинала.

– Входите, – раздался знакомый голос.

В отличие от вчерашнего дня, кардинал был не один. Рядом с ним стоял высокий мужчина средних лет с суровым лицом и военной выправкой. Его богатый костюм контрастировал с простым кожаным поясом, на котором висела шпага без излишних украшений – оружие воина, а не придворного.

– Месье Ламбер, – сказал кардинал. – Познакомьтесь с капитаном Рено де Тревилем, командующим ротой королевских мушкетеров.

Тревилль кивнул с едва заметным одобрением:

– Наслышан о вас, месье. Говорят, ваша память не знает себе равных.

– Благодарю, капитан, хотя я не уверен, что заслуживаю таких похвал.

Кардинал жестом пригласил их обоих сесть.

– Месье Ламбер, ваше первое задание будет связано с безопасностью короны, – начал он без предисловий. – До нас дошли сведения, что королева Анна ведет тайную переписку с испанским двором.

Жан-Батист старался не выдать своего удивления. Королева, подозреваемая в измене? Это было серьезное обвинение.

– Как вы знаете, – продолжал кардинал, – Франция находится в сложных отношениях с Испанией. Австрийский и испанский дома Габсбургов стремятся окружить наше королевство, взять его в кольцо. Любая информация, попадающая в Мадрид, может нанести непоправимый ущерб интересам Франции.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство, – осторожно ответил Жан-Батист. – Но чем я могу помочь в этом вопросе?

– Мы нуждаемся в доказательствах, – вмешался Тревилль. – Неопровержимых доказательств переписки королевы с врагами Франции. Документах, которые можно было бы представить королю.

– Ваша задача, – продолжил кардинал, – наблюдать за королевой и её окружением. Запоминать всё – каждое слово, каждый жест, каждую записку. Мы подозреваем, что она встречается с испанским послом в своих личных покоях в Лувре.

– Но как я могу наблюдать за королевой в её личных покоях? – удивился Жан-Батист.

Кардинал и Тревилль обменялись взглядами.

– В Лувре есть секретные ходы, – тихо сказал капитан мушкетеров. – Потайные комнаты и коридоры, построенные ещё при Екатерине Медичи. Они позволяют наблюдать за многими помещениями дворца незамеченным.

– Вы будете допущены к этим ходам, – добавил кардинал. – Капитан Тревилль предоставит вам план и ключи. Вы должны запомнить расположение всех проходов и никогда не записывать эту информацию.

Жан-Батист почувствовал, как по спине пробежал холодок. Шпионить за королевой... Это было не просто опасно – это было смертельно опасно. Если его обнаружат, никто не сможет защитить его от гнева Анны Австрийской.

– Ваше высокопреосвященство, капитан... Я понимаю важность задания, но разве нет более опытных людей для такой деликатной миссии?

– Есть, – кивнул Ришелье. – Но ни у кого из них нет вашей памяти. Нам не нужны записи, которые могут быть перехвачены. Нам нужна ваша голова, месье Ламбер, способная сохранить каждую деталь без единой строчки на бумаге.

Тревилль положил на стол небольшой свиток.

– Вот план секретных ходов Лувра. У вас есть час, чтобы запомнить его. Затем я сожгу его на ваших глазах.

Жан-Батист взял свиток дрожащими пальцами. Отказаться он не мог – это означало бы предать доверие кардинала в первый же день службы. Согласиться – значило поставить на кон свою жизнь.

– Я понимаю, что прошу многого, – мягко сказал кардинал, словно читая его мысли. – Но помните: на кону безопасность Франции. Королева – испанка по рождению. Её лояльность всегда была под вопросом.

– Я сделаю всё, что в моих силах, ваше высокопреосвященство.

– Прекрасно. – Ришелье встал, показывая, что аудиенция окончена. – Капитан Тревиль введет вас в курс дела и предоставит всё необходимое. Докладывать будете непосредственно мне, минуя обычную цепочку секретарей.

Когда Жан-Батист и Тревиль вышли из кабинета, капитан повел его в небольшую комнату без окон, используемую для секретных совещаний.

– Никто не должен видеть этот план, кроме нас, – сказал он, запирая дверь. – У вас есть ровно час. Затем вы будете повторять его по памяти, а я буду проверять.

Жан-Батист развернул свиток. На нём был изображен запутанный лабиринт тайных коридоров, лестниц и комнат Лувра. Красными чернилами были отмечены входы в систему, синими – выходы, а зелеными – точки наблюдения.

Один из зеленых кружков находился рядом с личными покоями королевы.

– Этот проход ведет в смежную с её спальней комнату, – пояснил Тревиль. – За гобеленом с изображением охоты есть смотровое отверстие. Оно позволяет видеть почти всю комнату.

– И слышать?

– При определенных условиях. В стене есть акустический канал. Если прижать ухо к специальному углублению, можно расслышать разговоры, ведущиеся в спальне.

Жан-Батист сосредоточился на плане, методично запоминая каждую деталь. Его мозг работал как совершенный механизм, фиксируя расположение ходов, повороты коридоров, метки тайных дверей.

Через час Тревиль забрал план и бросил его в камин.

– Теперь повторите.

И Жан-Батист начал описывать все ходы, повороты, лестницы, точки входа и выхода. Тревиль слушал с возрастающим удивлением.

– Потрясающе, – сказал он, когда Ламбер закончил. – Кардинал не преувеличивал ваши способности.

– Когда я должен начать наблюдение?

– Сегодня вечером. По нашим сведениям, испанский посол герцог де Медина должен посетить королеву под предлогом передачи писем от её брата, короля Филиппа.

Тревиль достал из-за пазухи маленький ключ.

– Это от западного входа в систему. Он находится за статуей Минервы в галерее античного искусства. Нажмите на щит богини, и откроется потайная дверь. – Он протянул ключ Жану-Батисту. – И вот ещё...

Капитан достал небольшой кинжал в простых ножнах.

– Для самозащиты. В тайных ходах можно встретить не только пауков и крыс.

– Кого же ещё? – настороженно спросил Жан-Батист.

– Других шпионов, – мрачно ответил Тревиль. – Лувр – осиное гнездо. Шпионы королевы, шпионы принцев крови, шпионы иностранных держав... Будьте осторожны.

Лувр, вечер того же дня

Сумерки окутали Лувр, когда Жан-Батист прибыл во дворец с официальным поручением от кардинала – доставить документы королевскому канцлеру. Это был лишь предлог для его присутствия во дворце.

Выполнив поручение, он дождался, когда коридоры опустеют, и направился к галерее античного искусства. Сердце колотилось в груди, как бешеное. Что, если его поймают? Что, если план неточен? Что, если ключ не подходит?

Галерея была слабо освещена. Мраморные статуи отбрасывали причудливые тени в мерцающем свете редких свечей. Жан-Батист быстро нашел статую Минервы – величественную богиню мудрости с копьем и щитом.

Оглядевшись и убедившись, что он один, Жан-Батист нажал на щит богини. Раздался тихий щелчок, и в постаменте открылась небольшая дверца. Он вставил ключ в замочную скважину и повернул. Дверца бесшумно открылась, обнажая темный проход.

Жан-Батист достал заранее приготовленный фонарь, зажег его и шагнул в темноту. Дверца закрылась за ним сама собой.

Тесный коридор вел вниз по узкой лестнице, потом поворачивал и разветвлялся. Жан-Батист безошибочно выбрал левое ответвление, ведущее в направлении королевских покоев.

Воздух в тайных ходах был затхлый, с примесью плесени и пыли. Изредка попадались крысы, с писком разбегавшиеся от света фонаря. Несколько раз путь преграждала паутина, которую приходилось разрывать.

Наконец, после долгого пути через лабиринт коридоров, лестниц и тайных дверей, он достиг небольшой ниши напротив покоев королевы. Согласно плану, за деревянной панелью должно было находиться смотровое отверстие.

Жан-Батист погасил фонарь, дав глазам привыкнуть к темноте. Затем осторожно отодвинул панель.

Перед ним открылась спальня королевы – роскошное помещение с огромной кроватью под балдахином, множеством зеркал и изысканной мебелью. Комната была ярко освещена десятками свечей.

Королева Анна сидела за туалетным столиком, пока её фрейлины расчесывали её длинные волосы. Среди них Жан-Батист с волнением узнал Селесту де Вивье.

– Оставьте меня, – вдруг сказала королева. – Все, кроме мадам де Вивье.

Фрейлины присели в реверансе и удалились. Только Селеста осталась, продолжая расчесывать волосы своей госпожи.

– Он придет сегодня? – тихо спросила королева.

– Да, Ваше Величество, – ответила Селеста. – Через потайную дверь в гардеробной, как обычно.

– Письма?

– Спрятаны в шкатулке с драгоценностями, как вы приказали.

Королева встала и подошла к окну.

– Этот чертов кардинал... Его шпионы повсюду. Мне даже кажется, что стены имеют уши.

Жан-Батист невольно вздрогнул. Если бы королева знала, насколько она права...

– Ваше Величество, мы проверили покои, – успокаивающе сказала Селеста. – Здесь нет шпионов.

– Ты не знаешь Ришелье так, как я, – покачала головой королева. – Он способен на всё. Иногда мне кажется, что он даже мысли может читать.

В этот момент в гардеробной послышался тихий шум. Селеста быстро подошла туда и через минуту вернулась в сопровождении высокого седовласого мужчины в богатом испанском костюме.

– Герцог де Медина, – представила его Селеста.

Королева протянула руку для поцелуя.

– Как поживает мой брат, герцог?

– Его Величество король Испании шлет вам свои наилучшие пожелания, – почтительно ответил посол. – И эти письма.

Он извлек из-за пазухи пакет, запечатанный королевской печатью Испании.

Жан-Батист напрягся. Вот оно! Доказательство тайной переписки королевы с иностранной державой.

Анна Австрийская нетерпеливо схватила письма.

– Наконец-то! Я ждала их целую вечность.

– Ваш брат беспокоится о вас, Ваше Величество, – сказал герцог. – Положение становится всё более напряженным.

– Я знаю, – мрачно ответила королева. – Кардинал настраивает короля против Испании. Он жаждет войны.

– Война может начаться в любой момент, – кивнул посол. – И ваше положение здесь станет... сложным.

– Моё положение уже сложное, герцог. Король едва замечает моё существование. Он всецело под влиянием Ришелье. – Она горько усмехнулась. – Я – королева Франции, но у меня нет власти даже над собственными фрейлинами.

– Именно поэтому король Филипп просит вас быть осторожнее, – тихо сказал де Медина. – И предлагает... на всякий случай... убежище.

– Убежище? – переспросила королева. – Вы предлагаете мне бежать?

– Только в крайнем случае, Ваше Величество. Если ваша жизнь окажется в опасности.

Анна задумчиво посмотрела на письма в своих руках.

– Я должна подумать. Это серьезное решение.

– Конечно, Ваше Величество. Но помните: в Мадриде вы всегда будете желанной гостьей. Селеста, молча наблюдавшая за разговором, вдруг напряглась.

– Кто-то идет, – прошептала она.

– Быстро, герцог, через гардеробную! – скомандовала королева.

Посол поклонился и скрылся за дверью. Селеста метнулась к туалетному столику, делая вид, что поправляет флаконы с духами, а королева спрятала письма в шкатулку и как ни в чем не бывало села в кресло.

В дверь постучали, и вошел капитан королевской гвардии.

– Ваше Величество, прошу прощения за беспокойство. Король желает видеть вас.

– В такой поздний час? – удивилась королева.

– Его Величество настаивает. Кардинал с ним.

По лицу Анны пробежала тень беспокойства.

– Хорошо, капитан. Я сейчас буду.

Когда гвардеец ушел, королева повернулась к Селесте.

– Это неспроста. Они что-то знают.

– Невозможно, Ваше Величество. Мы были осторожны.

– Спрячь письма. В тайник. Я не вернусь за ними, пока не буду уверена, что за мной не следят.

Селеста кивнула и взяла шкатулку.

Королева еще раз оглядела комнату, затем решительно направилась к двери. Перед выходом она остановилась и тихо сказала:

– Если со мной что-то случится, мадам де Вивье, вы знаете, что делать.

– Да, Ваше Величество.

Когда королева ушла, Селеста открыла шкатулку и достала письма. Она подошла к одному из шкафов, нажала на скрытую пружину, и открылась потайная ниша. Положив туда письма, она закрыла тайник и вернула шкатулку на место.

Затем, к удивлению Жана-Батиста, она подошла прямо к гобелену, за которым он прятался, и произнесла громким, четким голосом:

– Я знаю, что вы там, шпион кардинала. И я знаю, что вы всё видели и слышали. Передайте своему хозяину: королева невиновна. Это семейная переписка, а не государственная измена.

Жан-Батист застыл от ужаса. Как она узнала? Он не издал ни звука!

Селеста продолжала, глядя прямо на гобелен:

– И если вы тот, о ком я думаю, месье Ламбер, то помните: не всё в этом дворце таково, каким кажется.

С этими словами она развернулась и вышла из комнаты, оставив Жана-Батиста в полном смятении.

Он понимал, что должен немедленно доложить кардиналу об увиденном. Но что именно он видел? Государственную измену или, как сказала Селеста, всего лишь семейную переписку?

И как она узнала о его присутствии? И откуда знала его имя?

Вопросы роились в голове, пока он осторожно пробирался обратно через систему тайных ходов. Одно было ясно: его первое задание оказалось гораздо сложнее и опаснее, чем он мог представить.

Западный коридор Лувра, поздний вечер

Выбравшись из тайных ходов, Жан-Батист решил незаметно покинуть дворец. Было уже поздно, большинство придворных разошлись по своим покоям. Только редкие слуги сновали по коридорам, гася свечи и закрывая окна на ночь.

Он быстрым шагом направился к выходу, когда услышал звуки борьбы из бокового коридора. Звон стали, приглушенные восклицания, звук падающего тела...

Любопытство и беспокойство взяли верх. Жан-Батист свернул на звук и увидел молодого человека в форме мушкетера, окруженного тремя гвардейцами в красных плащах кардинала. Один из нападавших уже лежал на полу, но оставшиеся двое теснили мушкетера к стене.

– Сдавайся, д'Артаньян! – прорычал один из гвардейцев. – Тебе не уйти!

– Никогда! – ответил мушкетер, парируя удар. – Трое на одного – не слишком ли много для доблестных гвардейцев кардинала?

Жан-Батист колебался. Гвардейцы кардинала – его новых покровителя. Но нападение троих на одного противоречило всем кодексам чести.

Не успел он принять решение, как из-за угла появились еще трое мушкетеров.

– Д'Артаньян! – воскликнул один из них – высокий мужчина с испанской бородкой. – Вот ты где!

– Атос! Портос! Арамис! – обрадовался молодой мушкетер. – Как всегда, вовремя!

Увидев подкрепление, гвардейцы кардинала переглянулись и попятись.

– Это не конец, д'Артаньян! – бросил один из них. – Кардинал узнает о твоей дерзости!

Они подхватили своего раненого товарища и поспешно удалились.

Мушкетеры окружили молодого д'Артаньяна, хлопая его по плечам и поздравляя с победой.

– Что случилось, мой мальчик? – спросил тот, кого называли Атосом.

– Эти негодяи пытались задержать меня по приказу капитана де Жюссака, – ответил д'Артаньян, вытирая кровь с рассеченной брови. – Сказали, что я подозреваюсь в шпионаже против кардинала.

– Абсурд! – фыркнул полный мушкетер, по-видимому, Портос. – Все знают, что ты служишь только королю.

Жан-Батист, наблюдавший эту сцену, внезапно понял, что попал в сложное положение. Если гвардейцы кардинала охотятся за шпионами в Лувре, они могут поймать и его. А если мушкетеры увидят его здесь, то могут принять за одного из людей кардинала.

Он попытался незаметно отступить, но его нога задела подсвечник, стоявший у стены. Звон металла о камень эхом разнесся по коридору.

Четверо мушкетеров мгновенно развернулись, выхватив шпаги.

– Кто здесь? – крикнул Атос.

Жан-Батист понял, что бегство будет выглядеть подозрительно.

– Прошу прощения, господа, – сказал он, выходя на свет. – Я не хотел вас побеспокоить.

– Кто вы? – настороженно спросил д'Артаньян.

– Жан-Батист Ламбер. Я... посетитель дворца.

– В такой поздний час? – прищурился Арамис, самый элегантный из мушкетеров.

– Я задержался на аудиенции у королевского канцлера, – ответил Жан-Батист, вспомнив свой официальный предлог пребывания в Лувре.

Мушкетеры переглянулись. Было очевидно, что они ему не верят.

– Покажите пропуск, – потребовал Атос.

Жан-Батист достал документ с печатью кардинала. Это была рискованная игра – если мушкетеры настроены против Ришелье, они могут арестовать его как шпиона.

Атос внимательно изучил бумагу, затем передал ее д'Артаньяну.

– Он говорит правду. Это действительно пропуск для аудиенции у канцлера.

Мушкетеры опустили шпаги, но продолжали смотреть на Жана-Батиста с подозрением.

– Что вы делаете в этой части дворца? – спросил д'Артаньян. – Кабинет канцлера находится в восточном крыле.

– Я... заблудился, – сказал Жан-Батист. – Лувр такой огромный, а я впервые здесь.

Д'Артаньян, казалось, смягчился.

– Это правда, дворец похож на лабиринт для непосвященных. Я сам поначалу постоянно терялся.

– Мы проводим вас к выходу, месье, – предложил Атос. – В такой час в Лувре лучше не бродить в одиночку.

– Благодарю вас, – с облегчением сказал Жан-Батист.

Они двинулись по коридорам, и Жан-Батист заметил, что д'Артаньян прихрамывает.

– Вы ранены, месье? – спросил он.

– Пустяки, – отмахнулся мушкетер. – Царапина.

– Позвольте взглянуть. У меня есть некоторые познания в медицине.

Д'Артаньян недоверчиво посмотрел на него, но Атос кивнул:

– Позволь ему помочь, д'Артаньян. Ты едва держишься на ногах.

Они остановились в нише с факелом. Жан-Батист осмотрел рану на бедре молодого мушкетера – довольно глубокий порез, из которого сочилась кровь.

– Нужно остановить кровотечение, – сказал он, доставая из кармана чистый платок. – Иначе вы можете потерять сознание от потери крови.

Он умело перевязал рану, затянув узел так, чтобы остановить кровотечение, но не нарушить циркуляцию.

– Вы делаете это как профессионал, – заметил Арамис.

– Мой отец настаивал, чтобы я изучал медицину, – ответил Жан-Батист. – Хотя я предпочел право и древние языки.

– Образованный человек, – одобительно кивнул Атос. – Редкость в наши дни.

Они продолжили путь, и мушкетеры постепенно стали менее настороженными. К тому времени, как они достигли главного входа, атмосфера стала почти дружеской.

– Спасибо за помощь, месье Ламбер, – сказал д'Артаньян, пожимая ему руку. – Я ваш должник.

– Пустяки. Любой поступил бы так же.

– Отнюдь, – возразил Атос. – В эти дни мало кто помогает незнакомцу, особенно если тот – мушкетер короля, а сам он служит кардиналу.

Жан-Батист вздрогнул.

– Почему вы решили, что я служу кардиналу?

– Ваш пропуск подписан Ришелье лично, – спокойно ответил Атос. – А канцлер принимает только по утрам. Вы не могли быть у него сегодня вечером.

Жан-Батист понял, что попался. Эти мушкетеры не были так просты, как казались.

– Я...

– Не объясняйтесь, – прервал его Атос. – У каждого своя служба. Вы помогли д'Артаньяну, и этого достаточно, чтобы считать вас другом, независимо от того, кому вы служите.

– Но берегитесь, месье, – добавил Арамис. – Служба кардиналу может быть опасной. Особенно если она связана с... наблюдением за определенными особами.

Жан-Батист побледнел. Неужели они знают о его миссии?

– Не пугайте его, Арамис, – усмехнулся Портос. – Месье Ламбер и так выглядит как человек, увидевший привидение.

Д'Артаньян протянул руку:

– Если вам когда-нибудь понадобится помощь, месье, спросите д'Артаньяна в казармах мушкетеров. Я не забываю своих долгов.

– Благодарю, – искренне ответил Жан-Батист. – Я запомню.

– О, мы уверены, что вы запомните, – с легкой иронией сказал Атос. – Говорят, у вас отличная память.

С этими словами мушкетеры откланялись и скрылись в темноте дворцового двора, оставив Жана-Батиста в полном смятении.

Откуда им известно о его способностях? Кто еще знает о его миссии? И что имел в виду Арамис, говоря об «определенных особах»?

Ночной Париж встретил его прохладой и тишиной. Жан-Батист быстро шагал к Пале-Кардинал, чувствуя, как за ним следят десятки невидимых глаз из темных окон и подворотен. Встреча с мушкетерами, разоблачение Селестой... Всё это заставляло его чувствовать себя новичком в опасной игре, правил которой он не знал.

Одно было ясно: отчет кардиналу будет очень непростым.

Пале-Кардинал, поздняя ночь

Ришелье выслушал доклад Жана-Батиста, не перебивая. Несмотря на поздний час, кардинал выглядел бодрым и сосредоточенным. Только лёгкая тень под глазами выдавала его усталость.

– Итак, – сказал он, когда Ламбер закончил рассказ, – королева получает письма от испанского короля через посла, и ей предложено убежище в Мадриде «в случае опасности». Интересно...

– Ваше высокопреосвященство, – осторожно сказал Жан-Батист, – мадам де Вивье утверждала, что это всего лишь семейная переписка.

– Конечно, она так скажет, – усмехнулся кардинал. – Она верна королеве. Но что на самом деле в этих письмах? Вот вопрос, на который нам нужно ответить.

Он встал и прошелся по кабинету.

– Вы говорите, она спрятала письма в тайник в спальне королевы?

– Да, ваше высокопреосвященство. В шкафу с секретной пружиной.

– Нам нужно получить эти письма. Или хотя бы узнать их содержание. – Кардинал задумчиво потер подбородок. – Но сейчас это будет сложно. После визита к королю она будет настороже.

– Король знает о письмах? – спросил Жан-Батист.

– Нет. Я посоветовал Его Величеству просто поговорить с королевой о делах государства, о его беспокойстве по поводу отношений с Испанией. Прямое обвинение без доказательств было бы ошибкой.

Жан-Батист кивнул. Политическая игра кардинала была сложной и тонкой.

– Что касается мадам де Вивье... – продолжил Ришелье. – То, что она обнаружила ваше присутствие, неприятно, но не катастрофично. Она знает, что мы наблюдаем, и это может заставить их быть осторожнее.

– Откуда она узнала о смотровом отверстии?

– Мадам де Вивье не так проста, как кажется. – Кардинал улыбнулся. – Она умна и проницательна. Возможно, заметила движение гобелена или услышала ваше дыхание. Возможно, просто догадалась. В любом случае, теперь нам придется действовать через других агентов.

– А мушкетеры? – спросил Жан-Батист. – Они, кажется, тоже что-то знали о моей миссии.

– Атос, Портос и Арамис – люди Тревиля, преданные королю. Они стараются защищать королеву, считая, что так служат монарху. – Ришелье покачал головой. – Они не понимают, что истинная служба королю иногда требует действий, которые могут показаться направленными против его же интересов.

– А д'Артаньян?

– Молодой гасконец? – кардинал усмехнулся. – Храбрый, немного безрассудный. Пока он следует за тремя мушкетерами, как щенок за взрослыми псами. Но в нём есть потенциал... и независимость суждений, которая может быть полезна.

Кардинал вернулся к своему креслу.

– Вы хорошо справились, месье Ламбер. Несмотря на разоблачение, вы получили ценную информацию. Теперь нам нужно разработать новый план.

– Что вы хотите, чтобы я сделал, ваше высокопреосвященство?

– Пока ничего. Вернитесь к своим обычным обязанностям секретаря. Пусть мадам де Вивье и её хозяйка думают, что напугали нас. – Он помолчал, затем добавил: – И постарайтесь сблизиться с этим молодым д'Артаньяном. Мушкетер, обязанный вам жизнью, может оказаться ценным союзником.

– Но он служит королю, не кардиналу.

– В этом вся прелесть, месье Ламбер. – Ришелье загадочно улыбнулся. – Иногда полезно иметь друзей в лагере противника. Особенно друзей, которые не знают, что служат вам.

Жан-Батист почувствовал укол совести. Использовать благодарность человека, которому он помог искренне, без задней мысли...

Кардинал, казалось, прочитал его мысли.

– Не смотрите так мрачно, месье Ламбер. Политика – грязное дело. Но наша цель – благо Франции. А для этого все средства хороши.

– Даже предательство?

Вопрос вырвался прежде, чем Жан-Батист успел подумать. Он тут же пожалел о своей дерзости.

Но кардинал не разгневался. Напротив, в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

– Интересный вопрос. Что есть предательство? Нарушение клятвы? Или защита высших интересов ценой нарушения мелких обязательств? – Он подался вперед. – Если королева предаёт Францию ради своей испанской родни, разве не предательством было бы закрыть на это глаза из лояльности к ней?

– Но что, если она невиновна? – настаивал Жан-Батист. – Что, если это действительно просто семейные письма?

– Тогда мы выясним это и оставим её в покое, – просто ответил кардинал. – Я не монстр, месье Ламбер, каким меня порой изображают. Я лишь человек, несущий тяжкое бремя защиты королевства. И иногда это требует... неприятных решений.

Он встал, показывая, что разговор окончен.

– Отдохните, месье Ламбер. Завтра я представлю вас остальным секретарям и объясню ваши обязанности. А пока... – кардинал достал из ящика стола маленькую книгу в кожаном переплете, – прочтите это. Это поможет вам лучше понять, чему вы служите.

Жан-Батист взял книгу. На обложке не было названия, только выдавленный золотом символ – стилизованная лилия, обвитая змеей.

– Что это, ваше высокопреосвященство?

– История Франции, месье Ламбер. Не та, что в учебниках, а настоящая история. История тайной власти и теневых игроков. – Кардинал улыбнулся своей загадочной улыбкой. – Думаю, вы найдете её... просветляющей.

Апартаменты Жана-Батиста, глубокая ночь

Вернувшись в свои комнаты, Жан-Батист не мог уснуть. События дня крутились в голове, как карусель. Королева и её тайная переписка. Испанский посол с предложением убежища. Селеста де Вивье, каким-то образом узнавшая о его присутствии. Четверо мушкетеров, спасших его от возможного ареста.

И над всем этим – фигура кардинала, дергающего за ниточки, как кукловод в марионеточном театре.

Он зажег свечу и открыл книгу, полученную от Ришелье. К его удивлению, это оказался не исторический трактат, а что-то вроде дневника или мемуаров, написанных разными почерками. Первые записи датировались временами Филиппа IV Красивого, начало XIV века.

По мере чтения, Жан-Батист всё больше погружался в тайную историю Франции – историю секретных обществ, стоявших за тронном, манипулировавших королями и министрами. Некоторые назывались «Хранителями Печати», другие – «Обществом Света», третьи имели ещё более экзотические имена.

Одна запись особенно привлекла его внимание. Она датировалась 1572 годом, временем печально известной Варфоломеевской ночи:

«Сегодня произошло то, что мы планировали долгие годы. Екатерина выполнила свою часть договора. Гугеноты почти уничтожены. Печать осталась в руках Братства. Но ценой стала кровь невинных, что ляжет на наши души тяжким грузом. Я начинаю сомневаться в правильности нашего пути. Неужели величие Франции требует таких жертв?»

Жан-Батист перевернул страницу и замер. Там был нарисован символ – пчела, точно такая же, как на перстне графа Россини.

Под рисунком стояла подпись: «Знак Хранителей Печати – тех, кто правит из тени».

Сердце Жана-Батиста забилось быстрее. Перстень, который он прятал от кардинала, был символом тайного общества, о котором говорилось в книге!

Но кем был граф Россини? Членом этого общества? Или их противником?

И почему кардинал дал ему эту книгу? Проверка? Предупреждение?

Вопросы множились, а ответов не было. Жан-Батист закрыл книгу и спрятал её под подушку. Затем достал перстень с пчелой, который всё это время хранил в потайном кармане.

«Хранители Печати», – прошептал он. – «Вот что означают буквы H.S.P. на внутренней стороне кольца».

Он долго смотрел на перстень, размышляя о своих действиях. Скрыть его существование от кардинала было рискованно. Но что-то подсказывало ему, что этот предмет может стать его страховкой в опасном мире дворцовых интриг.

С этой мыслью он наконец заснул, крепко сжимая перстень в ладони.

Глава 3: Хранители печати

Пале-Кардинал, утро, 17 июня 1630 года

Утро для Жана-Батиста началось рано. Едва первые лучи солнца окрасили небо над Парижем, в дверь его апартаментов постучал посыльный кардинала.

– Его высокопреосвященство ожидает вас через час в Зеленом кабинете, – сообщил мальчик лет четырнадцати в ливрее кардинальских цветов. – Вас представят остальным секретарям.

После скромного завтрака Жан-Батист тщательно оделся, выбрав консервативный костюм тёмно-синего цвета, больше подходящий для учёного, чем для придворного. Сегодня он должен был произвести впечатление серьёзного, компетентного человека.

Перстень Хранителей Печати он снова спрятал в потайном кармане камзола. Книгу, подаренную кардиналом, положил на письменный стол, сделав вид, что она находится на видном месте – словно он с интересом её изучал. Интуиция подсказывала, что Ришелье может послать кого-то проверить его реакцию на ночное чтение.

Зелёный кабинет оказался просторным помещением с высокими потолками и стенами, обтянутыми дорогим зелёным шёлком. Массивный дубовый стол в центре был окружён несколькими креслами, а вдоль стен стояли секретеры – рабочие места секретарей.

Когда Жан-Батист вошёл, в кабинете уже находились пятеро мужчин разного возраста. Кардинала ещё не было.

– А, вот и наш новый коллега, – произнёс самый старший из присутствующих, седовласый мужчина с острыми чертами лица и пронзительными серыми глазами. – Месье Ламбер, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно, сударь, – ответил Жан-Батист с лёгким поклоном.

– Франсуа дю Трамбле, главный секретарь его высокопреосвященства, – представился старик. Затем, указывая на остальных по очереди: – Этьен Малье, отвечает за дипломатическую переписку. Бернар Дюваль, специалист по шифрам. Филипп Ренар, занимается внутренними делами королевства. И Пьер Дюбуа, отвечает за финансы и налогообложение.

Каждый из названных мужчин кивал в знак приветствия. Жан-Батист обратил внимание, что все они были старше его, минимум лет на десять. Очевидно, должность секретаря кардинала была не для молодых новичков.

– Рад знакомству, господи, – сказал он.

– Мы наслышаны о ваших... способностях, месье Ламбер, – с лёгкой иронией в голосе произнес Бернар Дюваль, худощавый человек с длинными пальцами пианиста и нервным тиком левого глаза. – Кардинал очень высокого мнения о вашей памяти.

– Его высокопреосвященство слишком добр ко мне, – скромно ответил Жан-Батист.

– Отнюдь, – раздался голос кардинала. Все обернулись. Ришелье стоял в дверях. – Я никогда не бываю «слишком добр», месье Ламбер. Только справедлив к талантам.

Секретари низко поклонились. Кардинал прошёл к своему креслу во главе стола и жестом пригласил всех сесть.

– Господа, как вы уже знаете, месье Ламбер присоединяется к нашей... команде. – Он сделал паузу. – Его основной задачей будет запоминание информации, которую опасно доверять бумаге. Кроме того, он будет выполнять особые поручения под моим непосредственным руководством.

Дю Трамбле слегка нахмурился:

– Ваше высокопреосвященство, обычная процедура требует, чтобы все поручения проходили через меня как главного секретаря.

– В данном случае мы отступим от обычной процедуры, дю Трамбле, – твёрдо сказал кардинал. – Некоторые вещи требуют... особой конфиденциальности.

Жан-Батист заметил, как по лицам секретарей пробежала тень недовольства. Очевидно, особое положение новичка не вызывало у них энтузиазма.

– А теперь к делам, – продолжил кардинал. – Дюваль, что с перехваченной испанской депешей?

– Я работаю над ней, ваше высокопреосвященство, – ответил специалист по шифрам. – Это новый код, сложнее предыдущих. Но я близок к разгадке.

– Хорошо. Ренар, ситуация в провинциях?

Филипп Ренар, полный мужчина с лицом, напоминающим морду хорька (удивительное соответствие фамилии), раскрыл папку с документами:

– Непокойно, ваше высокопреосвященство. Особенно в Лангедоке. Гугеноты всё ещё недовольны после падения Ла-Рошели. Ходят слухи о новом восстании.

– Нужны конкретные имена и места сборов, Ренар, – нахмурился кардинал. – Пошлите больше агентов. И усиьте наблюдение за герцогом Роганом. Он может снова стать лидером протестантов.

– Будет исполнено, ваше высокопреосвященство.

Так продолжалось около часа. Жан-Батист молча наблюдал, как кардинал управлял государственной машиной через своих секретарей. Каждый отвечал за свой участок, каждый получал чёткие указания. Ришелье держал в голове тысячи деталей, мгновенно связывая, казалось бы, разрозненные факты в единую картину.

Это было впечатляюще. И пугающе.

Наконец, кардинал повернулся к Жану-Батисту:

– Месье Ламбер, сегодня вечером вы будете сопровождать меня на приём у испанского посла. Я хочу, чтобы вы запомнили всё, что увидите и услышите там. Особенно меня интересуют разговоры, которые будут вести гости в моё отсутствие.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство.

– Дю Трамбле предоставит вам список лиц, которых следует особенно внимательно слушать. – Кардинал встал, показывая, что совещание окончено. – А теперь прошу меня извинить, господа. Король ожидает меня в Лувре.

Когда Ришелье ушёл, в кабинете повисла напряжённая тишина. Наконец, дю Трамбле прервал её:

– Месье Ламбер, следуйте за мной. Я покажу вам ваше рабочее место и объясню распорядок дня.

Рабочее место Жана-Батиста оказалось небольшим секретером у окна. На нём уже лежали стопки документов, требующих внимания.

– Это текущие дела низкого приоритета, – пояснил дю Трамбле. – Просьбы о аудиенциях, петиции провинциальных дворян, отчёты интендантов из регионов. Разберитесь с ними до обеда.

– Да, месье, – кивнул Жан-Батист.

Главный секретарь помедлил, затем понизил голос:

– Позвольте дать вам совет, месье Ламбер. Кардинал – великий человек, возможно, величайший министр в истории Франции. Но служить ему нелегко. Он требует абсолютной преданности и не прощает ошибок.

– Я понимаю.

– Сомневаюсь, – покачал головой дю Трамбле. – Вы молоды и, должно быть, амбициозны. Это хорошо. Но помните: ваше особое положение вызывает... ревность у некоторых. Будьте осторожны.

– Благодарю за предупреждение, месье.

Дю Трамбле кивнул и отошёл. Жан-Батист сел за секретер и взялся за работу. Документы были действительно рутинными, но требовали внимания к деталям. К полудню он разобрал половину стопки, сортируя бумаги по срочности и важности.

В этот момент к его столу подошёл Бернар Дюваль.

– Неплохо для первого дня, месье Ламбер, – сказал он, глядя на аккуратные стопки отсортированных документов. – Но позвольте полюбопытствовать... Это правда, что вы можете запомнить страницу текста с одного взгляда?

– Смотри какую страницу, месье Дюваль, – осторожно ответил Жан-Батист. – Простой текст – да. Сложные математические формулы или зашифрованные сообщения могут потребовать больше времени.

– Интересно... – Дюваль барабанил пальцами по столу. – Возможно, вы могли бы помочь мне с расшифровкой испанской депеши? С вашей памятью мы могли бы быстрее выявить закономерности в коде.

Жан-Батист уловил в его тоне не столько желание сотрудничества, сколько стремление проверить способности новичка.

– Буду рад помочь, если кардинал одобрит, – дипломатично ответил он.

– Разумеется, – кивнул Дюваль. – Я поговорю с его высокопреосвященством.

Когда специалист по шифрам отошёл, Жан-Батист заметил, как Филипп Ренар и Этьен Малье перешёптываются, бросая на него косые взгляды. Очевидно, его появление в команде нарушило сложившийся баланс сил.

Остаток дня прошёл в рутинной работе. К вечеру Жан-Батист чувствовал себя вымотанным, но удовлетворённым – он справился с заданием и даже заслужил скупую похвалу от дю Трамбле.

В шесть часов вечера явился паж с сообщением, что кардинал ожидает его. Жану-Батисту предстояло подготовиться к вечернему приёму у испанского посла.

Посольство Испании, вечер того же дня

Резиденция испанского посла герцога де Медина находилась в аристократическом квартале Сен-Жермен. Это был роскошный особняк в испанском стиле, украшенный гербами и флагами Испании.

Кардинал Ришелье и его свита прибыли точно в назначенное время. Жан-Батист, одетый в строгий чёрный костюм с серебряной отделкой, следовал за кардиналом на почтительном расстоянии, как и подобало секретарю.

Герцог де Медина – тот самый посол, которого Ламбер видел в покоях королевы – встретил кардинала с показной сердечностью:

– Ваше высокопреосвященство! Какая честь для нашего скромного приёма!

– Благодарю за приглашение, ваша светлость, – ответил Ришелье с лёгким поклоном. – Несмотря на сложности в отношениях наших стран, личные контакты остаются важными.

– Именно так, именно так! – энергично кивнул посол. – Политика – это искусство компромисса, не так ли?

Они прошли в главный зал, где уже собралось множество гостей – дипломаты, высокопоставленные дворяне, военные, финансисты. Жан-Батист внимательно оглядел присутствующих, запоминая лица и имена, которые объявлял церемониймейстер.

Вдруг его взгляд остановился на знакомой фигуре. Селеста де Вивье, сегодня в изумрудном платье, подчёркивающим цвет её глаз, стояла в окружении нескольких молодых дворян. Заметив его взгляд, она чуть заметно кивнула.

Кардинал тоже заметил её:

– Интересно, что фрейлина королевы делает на приёме в испанском посольстве, – тихо сказал он Жану-Батисту. – Особенно мадам де Вивье, которая так хорошо осведомлена о тайных ходах Лувра.

– Возможно, она здесь по поручению её величества? – предположил Ламбер.

– Несомненно. Вопрос в том, какому именно поручению. – Ришелье сделал паузу. – Подойдите к ней, месье Ламбер. Воспользуйтесь вашим... знакомством. Узнайте, что она делает здесь.

– Да, ваше высокопреосвященство.

Жан-Батист медленно начал обходить зал, делая вид, что осматривает коллекцию картин на стенах. Постепенно он приблизился к группе, где стояла Селеста.

– Мадам де Вивье, – произнёс он с поклоном. – Какая приятная неожиданность. Селеста обернулась, её глаза блеснули.

– Месье Ламбер! Не ожидала встретить вас здесь. – Она извинилась перед своими собеседниками и отошла с Жаном-Батистом к окну. – Вы быстро освоились при дворе. Секретарь кардинала на испанском приёме... Интересное назначение для человека, прибывшего в Париж всего два дня назад.

– Его высокопреосвященство оказывает мне доверие, – осторожно ответил он.

– Очевидно. – Она улыбнулась, но глаза остались серьёзными. – Как и прошлой ночью, когда он доверил вам наблюдение за покоями королевы?

Жан-Батист почувствовал, как краска заливает его лицо.

– Мадам, я...

– Не утруждайтесь объяснениями, месье, – мягко перебила она. – Я знаю, что вы выполняли приказ. И не виню вас. Но хочу, чтобы вы знали: королева невиновна. Её переписка с братом не имеет политического характера.

– Почему вы говорите мне это?

Селеста внимательно посмотрела на него.

– Потому что вы кажетесь мне честным человеком, месье Ламбер. И потому что иногда даже самые преданные слуги должны понимать, кому на самом деле служат.

– Я служу Франции, – твёрдо сказал Жан-Батист.

– И кардинал утверждает то же самое, – кивнула она. – Но не задавались ли вы вопросом, не служит ли кардинал прежде всего себе?

Это был опасный разговор. Жан-Батист огляделся, не подслушивает ли кто.

– Мадам, такие слова могут быть истолкованы как государственная измена.

– Только если государство и кардинал – одно и то же. – Селеста вдруг понизила голос. – Послушайте, месье Ламбер. Я знаю, что вы новичок в этой игре. Но вам следует знать: в Париже существуют силы, о которых вы даже не подозреваете. Силы, стоящие за тронами и министрами.

Жан-Батист невольно вспомнил книгу, подаренную кардиналом, и перстень с пчелой, который лежал в его кармане.

– Вы говорите о Хранителях Печати? – тихо спросил он.

Глаза Селесты расширились от удивления.

– Вы знаете о них? – Она покачала головой. – Невозможно... Вы не можете...

– Я знаю только имя, – честно признался Жан-Батист. – И символ. Золотая пчела.

Селеста побледнела.

– Откуда вам это известно?

Прежде чем он успел ответить, к ним подошёл испанский послол.

– Мадам де Вивье! – воскликнул герцог де Медина. – Вы очаровательны, как всегда!

– Ваша светлость, – Селеста присела в реверансе, мгновенно вернув на лицо светскую улыбку. – Позвольте представить месье Жана-Батиста Ламбера, секретаря его высокопреосвященства кардинала.

– Месье Ламбер, – кивнул послол. – Я наслышан о ваших... способностях.

– Неужели? – удивился Жан-Батист. – Я лишь недавно приступил к своим обязанностям.

– О, новости при дворе распространяются быстро. Особенно интересные новости. – Герцог улыбнулся. – Кстати, мадам де Вивье, её величество королева передавала вам что-нибудь для меня?

– Нет, ваша светлость, – ответила Селеста. – Её величество чувствовала себя не слишком хорошо сегодня и осталась в своих покоях.

– Какая жалость, – вздохнул послол. – Надеюсь, ничего серьёзного?

– Обычная мигрень, ваша светлость. Ничего страшного.

– Передайте ей мои наилучшие пожелания скорейшего выздоровления. – Герцог поклонился и отошёл к другим гостям.

Как только посол удалился, Селеста снова повернулась к Жану-Батисту:

– Вы не ответили на мой вопрос, месье. Откуда вам известно о Хранителях Печати?

Жан-Батист колебался. Рассказать о перстне и о книге кардинала? Или промолчать?

– Я... слышал это имя мельком, – наконец осторожно ответил он. – И видел символ. Остальное – лишь догадки.

Селеста смотрела на него пристально, словно пыталась проникнуть в его мысли.

– Я не верю в совпадения, месье Ламбер. Особенно когда речь идёт о таких... специфических знаниях. – Она сделала паузу. – Будьте осторожны. Знание – сила, но иногда оно может быть смертельно опасным.

Прежде чем Жан-Батист успел что-либо ответить, в зале наступила тишина. Герцог де Медина поднял бокал и объявил о начале официальной части приёма:

– Дамы и господа! Я рад приветствовать вас в посольстве Испании. Особую благодарность хочу выразить его высокопреосвященству кардиналу Ришелье, нашедшему время посетить нас, несмотря на свою занятость.

Кардинал кивнул с вежливой улыбкой, не выражающей никаких эмоций.

– В эти непростые времена, – продолжил посол, – когда отношения между нашими странами переживают... сложный период, особенно важно поддерживать личные контакты и диалог.

– Слишком много слов для человека, который тайно встречается с королевой, – прошептал Жан-Батист.

– Не всё так просто, месье, – тихо ответила Селеста. – Испания и Франция могут быть противниками на поле политики, но враг моего врага – мой друг. А у кардинала много врагов.

– О чём вы?

– О том, что в этой игре у каждого свои интересы. Король, королева, кардинал, испанцы, австрийцы, гугеноты... – Она помолчала. – И Хранители Печати.

– А на чьей стороне вы, мадам де Вивье? – напрямую спросил Жан-Батист.

Селеста улыбнулась загадочно:

– На стороне Франции, месье. Как и вы. Вопрос лишь в том, кто лучше представляет интересы Франции.

С этими словами она отошла, оставив Жана-Батиста в глубокой задумчивости.

Остаток вечера прошёл в светских беседах и дипломатических танцах вокруг сложных тем. Кардинал, как заметил Ламбер, мастерски избегал прямых дискуссий о напряжённых отношениях между странами, переводя разговор на искусство, литературу и философию.

В какой-то момент Ришелье покинул основной зал в сопровождении испанского посла, по-видимому, для приватной беседы. Жан-Батист, согласно инструкциям, остался, чтобы наблюдать за гостями.

Он заметил, как после ухода кардинала атмосфера в зале изменилась. Словно воздух стал легче. Разговоры стали тише, а группы гостей – более замкнутыми.

Особое внимание Жана-Батиста привлекла группа из трёх мужчин, стоявших у окна. Один из них, седовласый дворянин с военной выправкой, нервно поглядывал на дверь, за которой скрылись кардинал и посол. Двое других – молодой франт в модном камзоле и полный мужчина средних лет с умными глазами – внимательно слушали его.

Жан-Батист незаметно приблизился, делая вид, что рассматривает гобелен на стене.

– ...не может продолжаться вечно, – говорил седовласый. – Король начинает прозревать. Он видит, что кардинал узурпирует власть.

– Осторожнее, маркиз, – тихо ответил молодой франт. – У стен есть уши.

– Да бросьте, шевалье! Мы среди друзей. – Седовласый маркиз обвёл рукой зал. – Здесь никто не любит Красного герцога.

– И всё же, – вмешался полный мужчина, – план требует осторожности. Особенно сейчас, когда так близко...

Он вдруг замолчал, заметив Жана-Батиста. Все трое посмотрели на него с подозрением.

– Прекрасный гобелен, не правда ли? – непринуждённо сказал Ламбер, указывая на стену. – Фламандская работа, если не ошибаюсь.

– Испанская, месье, – холодно ответил маркиз. – Вы, кажется, сопровождаете кардинала?

– Имею такую честь, – кивнул Жан-Батист. – Жан-Батист Ламбер, к вашим услугам.

– Маркиз де Шатовьё. – Седовласый едва заметно кивнул. – Эти господа – шевалье де Рошфор и барон Дюпре.

Жан-Батист поклонился, отметив про себя имена. Маркиз де Шатовьё был известен как сторонник королевы-матери Марии Медичи, находившейся в изгнании после неудачного заговора против сына. Он всё ещё занимал важный пост при дворе, но его влияние уменьшалось с каждым днём.

– Что привело вас ко двору, месье Ламбер? – спросил шевалье де Рошфор. – Вы не похожи на обычного придворного.

– Я имел счастье привлечь внимание его высокопреосвященства своими скромными талантами, – ответил Жан-Батист. – Хотя и не совсем понимаю, чем заслужил такую честь.

– Кардинал умеет находить полезных людей, – задумчиво произнёс барон Дюпре. – Особенно тех, кто может... запоминать вещи.

Жан-Батист напрягся. Откуда барону известно о его способностях?

– У вас прекрасная память, месье Ламбер? – прямо спросил маркиз.

– Достаточно хорошая для моих обязанностей, месье, – осторожно ответил Жан-Батист.

– Любопытно... – Маркиз обменялся взглядами со своими компаньонами. – В таком случае, возможно, вы запомните и передадите кардиналу, что не все во Франции согласны с его... методами управления государством.

– Это звучит почти как угроза, месье, – заметил Жан-Батист.

– Вовсе нет. Просто наблюдение. – Маркиз слегка улыбнулся. – Кстати, я слышал, что вы прибыли в Париж всего несколько дней назад. Как трагично, что ваш попутчик, граф Россини, погиб при таких... таинственных обстоятельствах.

Жан-Батист почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Откуда маркиз знает о графе? Это не было предано огласке.

– Я... был потрясён этой трагедией, – осторожно сказал он. – Граф был достойным человеком.

– Несомненно, – кивнул маркиз. – Особенно учитывая его... особое положение.

– Не понимаю, о чём вы, месье.

– Не важно. – Маркиз взял со стоящего рядом стола бокал вина. – Просто помните, месье Ламбер, что в Париже можно найти разных покровителей. Не только кардинала.

С этими словами он отвернулся, показывая, что разговор окончен.

Жан-Батист отошёл, обеспокоенный услышанным. Очевидно, маркиз и его друзья представляли некую оппозицию кардиналу. Но как они узнали о графе Россини? И что они знали о его "особом положении"?

Он заметил, что Селеста де Вивье наблюдает за ним из другого конца зала. Перехватив его взгляд, она едва заметно покачала головой, словно предупреждая.

Вскоре вернулись кардинал и испанский посол. Ришелье выглядел невозмутимым, как всегда, но Жан-Батист, уже начавший изучать выражения лица своего покровителя, заметил тень удовлетворения в его глазах. Беседа с послом, видимо, прошла успешно.

Вскоре после этого кардинал дал знак своей свите, что пора уходить. Прощание было вежливым и формальным.

– Мадам де Вивье, – сказал Ришелье, проходя мимо Селесты, – передайте, пожалуйста, её величеству королеве мои наилучшие пожелания. Скажите, что я молюсь о её здоровье.

– Непременно, ваше высокопреосвященство, – с реверансом ответила Селеста.

Уже в карете кардинал повернулся к Жану-Батисту:

– Итак, месье Ламбер, что вы узнали?

Жан-Батист подробно пересказал свои разговоры с Селестой и с группой дворян у окна, не упустив ни одной детали. Единственное, о чём он умолчал – это упоминание Хранителей Печати.

Кардинал внимательно слушал, иногда задавая уточняющие вопросы. Когда Ламбер закончил, Ришелье задумчиво потёр подбородок.

– Маркиз де Шатовьё... Один из последних сторонников королевы-матери при дворе. Интересно, что он так открыто выражает недовольство. Обычно он осторожнее.

– Возможно, он намеренно хотел, чтобы я услышал, ваше высокопреосвященство? – предположил Жан-Батист. – Как некое послание для вас?

– Возможно, – согласился кардинал. – Или провокация. Они могли проверять, доложите ли вы мне об этом разговоре.

– Но откуда им знать о смерти графа Россини? Я думал, это держится в тайне.

– При дворе мало что остаётся тайной надолго, месье Ламбер. – Ришелье вздохнул. – К тому же, граф был известной фигурой в определённых кругах.

– В каких кругах, ваше высокопреосвященство?

Кардинал долго смотрел на Жана-Батиста, словно решая, сколько можно ему рассказать.

– Скажем так, месье Ламбер: граф Россини был не просто моим агентом. Он принадлежал к... организации, существующей уже много столетий. Организации, стоящей над королями и министрами.

– Хранители Печати? – тихо спросил Жан-Батист, решив рискнуть.

Глаза кардинала сузились.

– Вы прочли книгу, которую я вам дал.

– Да, ваше высокопреосвященство.

– И что вы о ней думаете?

– Честно говоря, я не уверен, что полностью понял. Это история тайного общества, манипулирующего властью во Франции на протяжении веков?

– Не только во Франции, месье Ламбер. По всей Европе. – Кардинал откинулся на спинку сиденья. – Хранители Печати возникли ещё во времена тамплиеров. Когда орден был разгромлен Филиппом Красивым, некоторые рыцари ушли в подполье, сохранив знания и богатства. Со временем они превратились в тайное общество, действующее из тени. Их цель – направлять ход истории, не допуская хаоса.

– И вы... связаны с ними?

Кардинал улыбнулся:

– В некотором роде. Но не всегда наши цели совпадают. Я служу прежде всего Франции. Они служат своему видению мирового порядка.

Жан-Батист почувствовал, как у него закружилась голова. Мир, который он знал, внезапно стал гораздо сложнее и опаснее.

– Граф Россини был одним из них?

– Да. Высокопоставленным членом. Его смерть – тяжёлый удар для Хранителей. – Ришелье помолчал. – И для меня лично. Мы были... союзниками, насколько это возможно в нашем положении.

– Кто мог убить его?

– У Хранителей много врагов, месье Ламбер. Некоторые – другие тайные общества, соперничающие за влияние. Некоторые – люди, узнавшие о их существовании и видящие в них угрозу. – Кардинал посмотрел прямо в глаза Жану-Батисту. – Кстати, вы не упомянули, передал ли вам граф что-нибудь перед смертью?

Вот оно. Момент истины. Жан-Батист колебался. Сказать о перстне? Или продолжать хранить эту тайну?

Он решил рискнуть:

– Да, ваше высокопреосвященство. Перстень. С изображением пчелы.

Кардинал резко выпрямился:

– Перстень? Где он?

Жан-Батист достал его из потайного кармана и протянул кардиналу. Ришелье взял перстень дрожащими пальцами.

– Значит, он успел... – пробормотал он. – Что он сказал вам?

– Только фразу: "Пчела знает путь к цветку". Он сказал, что вы поймёте.

Кардинал долго рассматривал перстень, поворачивая его в свете масляной лампы, освещавшей карету.

– Я понимаю, – наконец сказал он. – Это многое объясняет.

– Что именно, ваше высокопреосвященство?

– Почему вы, месье Ламбер. Почему именно вас он выбрал своим попутчиком. Почему рекомендовал вас мне. – Кардинал поднял глаза. – Этот перстень – знак высокого положения среди Хранителей Печати. Его носят только члены Внутреннего круга. То, что граф передал его вам, означает, что он видел в вас потенциального преемника.

– Меня? – изумился Жан-Батист. – Но я никогда...

– Граф Россини обладал удивительной интуицией в отношении людей, – перебил его кардинал. – Если он выбрал вас, значит, видел что-то особенное. Возможно, вашу память. Возможно, что-то ещё.

Ришелье протянул перстень обратно Жану-Батисту.

– Носите его. Но не показывайте никому. Даже мне, если спросят при свидетелях. Если Хранители узнают, что он у вас, они придут за вами. И это может быть... опасно.

– Но разве вы не их союзник?

– Союзник – да. Член – нет. И не все Хранители согласны с моей политикой. – Кардинал помолчал. – Есть фракции. Борьба за власть. Как в любой организации.

Жан-Батист медленно надел перстень на палец, затем снова спрятал руку в перчатку.

– Что я должен делать?

– Пока – ничего. Продолжайте свою службу мне. Учитесь. Наблюдайте. – Кардинал смотрел задумчиво. – Когда придёт время, вы узнаете больше. А сейчас просто помните: знание – сила, но иногда оно может быть и смертельно опасным.

Те же слова, что сказала Селеста. Совпадение?

Карета остановилась у Пале-Кардинал. Ришелье вышел первым, опираясь на руку лакея. Жан-Батист последовал за ним, чувствуя тяжесть перстня даже сквозь перчатку.

Мир внезапно стал гораздо сложнее, чем он мог представить. Тайные общества, скрытые заговоры, борьба за власть в тени тронов...

И он, провинциальный дворянин, каким-то образом оказался в центре этого водоворота.

Лувр, подвальные помещения, полночь

После возвращения из посольства кардинал отпустил Жана-Батиста, но сам, несмотря на поздний час, отправился в Лувр. Официальной причиной была срочная встреча с королём, но Ламбер, уже начавший понимать многослойную природу дворцовой жизни, подозревал, что истинная цель визита могла быть иной.

Если бы он мог проследить за кардиналом, то увидел бы, как Ришелье, отпустив своих обычных сопровождающих, спустился в малоизвестные подвалы Лувра в сопровождении только одного человека – Жерара, бывшего охранника графа Россини.

Здесь, в лабиринте древних коридоров под королевским дворцом, скрывалось множество тайн. Одной из них была небольшая круглая комната с каменным полом, на котором был выложен мозаикой странный символ – круг, разделенный на секторы, с изображением пчелы в центре.

Когда кардинал и Жерар вошли, в комнате уже находились несколько человек в тёмных плащах с капюшонами. Они молча расступились, пропуская Ришелье к каменному столу в центре.

– Братья, – произнес кардинал, – я принёс вести о печати.

Один из присутствующих – высокий мужчина с аристократической осанкой – выступил вперёд:

– Что с перстнем Россини?

– Он у нового хранителя, – ответил Ришелье. – Как и предполагалось.

– Юноша из Прованса? – спросил другой голос, принадлежавший старику с трясущимися руками. – Вы уверены, что он достоин?

– Россини выбрал его, – пожал плечами кардинал. – И я начинаю понимать, почему. У него не только феноменальная память, но и острый ум. Он задаёт правильные вопросы.

– Он знает о нас?

– Лишь то, что я счёл нужным ему рассказать. – Ришелье обвёл взглядом собравшихся. – Но это только начало. Он должен узнать больше, если собирается занять место Россини.

– Это решать не вам, кардинал, – холодно сказал высокий мужчина. – Совет ещё не принял решения.

– Времени мало, маркиз, – возразил Ришелье. – Они уже действуют. Смерть Россини – только начало.

– Они? – переспросил старик.

– Другая фракция. Те, кто считает, что мы слишком мягки. Что настало время для... радикальных мер.

По комнате пронёсся встревоженный шёпот.

– Вы говорите о маркизе де Ла Крозе? – спросил высокий мужчина.

– Именно о нём. – Кардинал кивнул. – Он собирает сторонников. И, боюсь, уже проник в ближайшее окружение короля.

– Что вы предлагаете?

– Ускорить подготовку молодого Ламбера. Ввести его в курс дела быстрее, чем планировалось.

– Опасно, – покачал головой старик. – Мы мало знаем о нём. Что, если он перейдет на сторону де Ла Кроза?

– Не перейдёт, – уверенно сказал Ришелье. – У него... правильное чувство долга.

– Хорошо, – после паузы произнес высокий мужчина. – Мы доверяем вашему суждению, кардинал. Но помните: если он окажется недостойным, ответственность ляжет на вас.

– Я готов нести эту ответственность.

– Тогда решено. – Мужчина кивнул остальным. – Подготовьте его. Но будьте осторожны. Мы не знаем, как глубоко проникли агенты де Ла Кроза.

С этими словами собрание начало расходиться. Люди в плащах исчезали в темноте коридоров, словно призраки.

Кардинал остался наедине с Жераром.

– Вы не сказали им всего, ваше высокопреосвященство, – заметил охранник.

– Не всё нужно знать даже Совету, – тихо ответил Ришелье. – Особенно о том, что мы нашли в бумагах Россини.

– Красная книга...

– Именно. – Кардинал мрачно кивнул. – Если список агентов де Ла Кроза попадет в чужие руки, начнётся хаос. Мы должны найти книгу раньше них.

– И вы думаете, молодой Ламбер поможет в этом?

– Он уже помогает, сам того не зная. – Ришелье улыбнулся. – Следите за ним, Жерар. День и ночь. И докладывайте мне обо всём необычном.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство.

Апартаменты Жана-Батиста, Пале-Кардинал, раннее утро

Жан-Батист провёл беспокойную ночь. Сны путались, превращаясь в кошмары. Ему снились люди в масках, преследующие его по бесконечным коридорам Лувра. Снилось Селеста, превращающаяся в золотую пчелу. Снился кардинал, играющий в шахматы фигурками, похожими на живых людей.

Он проснулся на рассвете, весь в поту. Перстень Хранителей Печати, который он положил под подушку, казалось, излучал тепло.

Жан-Батист сел на кровати, пытаясь собраться с мыслями. Что происходит? Во что он оказался втянут?

Кардинал говорил о тайном обществе, существующем столетиями. О борьбе фракций внутри этого общества. О том, что граф Россини каким-то образом выбрал его, провинциального дворянина, в качестве преемника.

Это казалось безумием. И всё же... перстень был реальным. Книга, подаренная кардиналом, была реальной. Убийство графа было реальным.

Жан-Батист встал и подошёл к окну. Париж просыпался. Первые лучи солнца золотили крыши домов. В такое утро трудно было поверить в существование тёмных заговоров и тайных обществ.

Стук в дверь прервал его размышления.

– Месье Ламбер, – раздался голос пажа, – его высокопреосвященство просит вас явиться немедленно.

Быстро одевшись, Жан-Батист поспешил в кабинет кардинала. К его удивлению, Ришелье был не один. Рядом с ним стоял незнакомый человек – высокий, стройный мужчина средних лет с холодными серыми глазами и тонкими аристократическими чертами лица.

– А, месье Ламбер, – сказал кардинал. – Познакомьтесь с маркизом Рене де Ла Крозом. Маркиз занимает важный пост при дворе и является моим... советником по особым вопросам.

Жан-Батист поклонился, стараясь скрыть удивление. Де Ла Кроз! Тот самый человек, о котором кардинал говорил как о лидере враждебной фракции Хранителей Печати. А теперь представляет его как своего советника?

– Рад знакомству, месье Ламбер, – произнес маркиз голосом, холодным, как лёд. – Наслышан о ваших способностях.

– Вы мне льстите, месье, – осторожно ответил Жан-Батист.

– Отнюдь. – Маркиз улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. – Я не склонен к лестии. Только к точным оценкам.

Он повернулся к кардиналу:

– Если позволите, ваше высокопреосвященство, я хотел бы побеседовать с месье Ламбером наедине. Есть вопросы, которые требуют... специфического обсуждения.

Ришелье посмотрел на маркиза долгим взглядом, затем кивнул:

– Конечно. Используйте Синий кабинет. Там вам никто не помешает.

Когда они вышли из кабинета кардинала, Жан-Батист почувствовал странную тревогу. Кардинал знал, кем на самом деле был де Ла Кроз. Почему он позволил этой встрече состояться? Это проверка? Или какая-то сложная игра?

Синий кабинет оказался небольшой комнатой с плотными шторами на окнах, создававшими полумрак. Маркиз запер дверь и повернулся к Жану-Батисту:

– Наконец-то мы можем поговорить откровенно, месье Ламбер. – Он указал на кресло. – Присаживайтесь.

Жан-Батист осторожно сел, не сводя глаз с маркиза. Де Ла Кроз остался стоять, возвышаясь над ним как хищная птица.

– Вы знаете, кто я? – спросил маркиз.

– Вы представились как советник кардинала.

– Я спрашиваю не о моей официальной должности. – Маркиз наклонился ближе. – Я спрашиваю, знаете ли вы, кто я на самом деле?

Жан-Батист решил рискнуть:

– Хранитель Печати. Как и граф Россини.

Маркиз улыбнулся, на этот раз искренне:

– Bravo, месье. Кардинал не преувеличивал вашу проницательность. – Он выпрямился. – Да, я Хранитель. Как и Россини. Но есть различия...

– Вы представляете разные фракции, – сказал Жан-Батист.

Де Ла Кроз поднял бровь:

– Интересно. Кардинал уже ввёл вас в курс наших... внутренних разногласий?

– Он упоминал о существовании разных взглядов внутри общества.

– «Разных взглядов», – повторил маркиз с лёгкой насмешкой. – Какая дипломатичная формулировка. Я бы назвал это фундаментальным конфликтом философий.

Он отошёл к окну и слегка отодвинул штору, глядя на двор Пале-Кардинал.

– Видите ли, месье Ламбер, Хранители Печати существуют уже более трёхсот лет. Всё это время нашей целью было направлять ход истории, сдерживать хаос, создавать баланс. Но методы... методы менялись.

– В чём суть конфликта? – осторожно спросил Жан-Батист.

– В вопросе власти. – Маркиз повернулся к нему. – Должны ли мы, обладая знаниями и ресурсами, недоступными другим, оставаться в тени, лишь мягко направляя события? Или взять власть открыто, создав новый порядок, основанный на рациональном управлении?

Жан-Батист почувствовал холодок по спине. В голосе маркиза звучала опасная страсть.

– И ваша позиция...

– Я считаю, что время тайного влияния прошло, – твёрдо сказал де Ла Кроз. – Европа погрязла в религиозных войнах. Монархи одержимы династическими амбициями, а не благом подданных. Церковь цепляется за власть, сжигая мыслителей на кострах. – Он сделал паузу. – Мир нуждается в новом порядке. Порядке, основанном на разуме, а не на предрассудках. И мы, Хранители, можем и должны создать его.

– Открыто свергнув монархии? – уточнил Жан-Батист.

– Если потребуется. – Маркиз пожал плечами. – Хотя я предпочёл бы... эволюционный путь. Монархи могут остаться, но как символы, а не правители.

– А кардинал?

– Кардинал... – Де Ла Кроз улыбнулся. – Он умён. Возможно, самый умный человек в Европе. Но слишком консервативен. Он верит в старый порядок. В сильную монархию. В идею о божественном праве королей.

– А вы – нет?

– Я верю в силу разума, месье Ламбер. В прогресс. В новые идеи. – Маркиз снова приблизился. – И мне кажется, вы человек схожих взглядов.

– Почему вы так решили?

– Ваше образование. Ваша... ситуация. Одаренный молодой человек из обедневшего дворянства. Слишком умный, чтобы принимать мир таким, каков он есть. Слишком амбициозный, чтобы довольствоваться ролью секретаря, пусть даже у самого могущественного человека Франции.

Маркиз был опасно близок к истине. Жан-Батист действительно всегда чувствовал себя чужим в мире жестких сословных границ, где талант значил меньше, чем родовое имя.

– Чего вы хотите от меня? – прямо спросил он.

– Для начала – понимания. – Де Ла Кроз отошёл к двери. – Я не прошу вас предавать кардинала. Пока нет. Просто... держите ум открытым. Наблюдайте. Думайте. И помните: не всё, что вам рассказывают, является правдой.

Он помолчал, затем добавил тише:

– И ещё одно. Перстень, который передал вам Россини... Носите его с осторожностью. Он опасен.

– Опасен? Каким образом?

– Это не просто символ, месье Ламбер. Это ключ. – Маркиз взялся за ручку двери. – Ключ к секретам, которые могут изменить судьбу Франции.

С этими словами он вышел, оставив Жана-Батиста в глубоком смятении.

Перстень как ключ? Ключ к чему? И как реагировать на слова маркиза? Рассказать кардиналу? Или промолчать, чтобы посмотреть, куда это приведёт?

Размышляя об этом, Жан-Батист вышел из Синего кабинета и столкнулся лицом к лицу с человеком, которого меньше всего ожидал увидеть здесь – с д'Артаньяном, молодым мушкетёром, которому он помог в Лувре.

– Месье Ламбер! – воскликнул мушкетёр с искренней радостью. – Какая приятная встреча!

– Месье д'Артаньян, – удивлённо ответил Жан-Батист. – Что привело вас в Пале-Кардинал?

– Поручение от капитана де Тревиля к его высокопреосвященству, – пояснил мушкетёр, указывая на запечатанный пакет в своих руках. – Но я рад, что встретил вас. Хотел поблагодарить за помощь. Рана уже почти зажила, благодаря вашей умелой перевязке.

– Пустяки, – улыбнулся Жан-Батист. – Любой поступил бы так же.

– Отнюдь, – серьёзно сказал д'Артаньян. – В наши дни редко встретишь человека, готового помочь незнакомцу, особенно если этот незнакомец – мушкетёр короля, а сам он служит кардиналу.

Жан-Батист невольно вспомнил слова маркиза о разных фракциях и политических философиях. Даже здесь, в разговоре с молодым гвардейцем, проявлялась эта вечная дихотомия – король и кардинал, традиция и реформа, старое и новое...

– Вы задумались, месье, – заметил д'Артаньян.

– Просто размышляю о странности нашего мира, – честно ответил Жан-Батист. – О том, как часто людей разделяют искусственные барьеры.

– Философские мысли для столь раннего часа, – улыбнулся мушкетёр. – Но я согласен. Атос – мой наставник и друг – часто говорит нечто подобное.

– Мудрый человек, ваш Атос.

– Да, хотя и не без своих демонов. – Д'Артаньян вздохнул. – Впрочем, у кого их нет?

Они замолчали, и Жан-Батист внезапно почувствовал странное родство с этим открытым, искренним молодым человеком. Несмотря на разные пути, которые привели их в Париж, и разных покровителей, они оба были провинциалами, ищущими своё место в сложном мире столицы.

– Месье д'Артаньян, – решился Жан-Батист. – Я был бы рад продолжить наше знакомство. Возможно, мы могли бы встретиться вне дворца, в менее... официальной обстановке?

Лицо мушкетёра просветлело:

– С удовольствием! Есть отличная таверна «Серебряный голубь» недалеко от Люксембургского сада. Хорошее вино, приличная кухня, и там не слишком интересуются, кто вы и кому служите.

– Звучит заманчиво. Когда?

– Сегодня вечером? Скажем, в восемь?

– Договорились, – кивнул Жан-Батист. – Буду ждать с нетерпением.

Они обменялись рукопожатием, и д'Артаньян продолжил свой путь к кабинету кардинала. Жан-Батист смотрел ему вслед, размышляя о странностях судьбы. Всего три дня назад он был никем – обедневшим дворянином из провинции без перспектив. Теперь он – доверенный секретарь кардинала, держатель таинственного перстня, объект интереса лидеров противоборствующих фракций тайного общества...

И посреди всего этого – неожиданная дружба с королевским мушкетёром.

Жизнь определённо стала интереснее. И опаснее.

Таверна «Серебряный голубь», восемь часов вечера

«Серебряный голубь» оказалась уютным заведением на тихой улочке недалеко от Люксембургского сада. Не слишком элегантным для высшей знати, но и не настолько грубым, чтобы отпугивать приличную публику. Идеальное место для встречи людей из разных социальных кругов.

Жан-Батист прибыл точно в назначенное время. Д'Артаньян уже ждал его за столиком в углу, где можно было говорить, не опасаясь посторонних ушей.

– Месье Ламбер! – воскликнул мушкетёр, поднимаясь навстречу. – Рад, что вы пришли!

– Как я мог не прийти? – улыбнулся Жан-Батист. – И, пожалуйста, называйте меня просто Жан-Батист. Вне дворца титулы кажутся излишними.

– Согласен. А я – просто д'Артаньян. Или Шарль, если угодно. Хотя все зовут меня по фамилии.

Они сели, и молодой мушкетёр заказал вино – неплохое божоле, судя по запаху.

– За новую дружбу, – предложил д'Артаньян, поднимая бокал.

– За дружбу, – согласился Жан-Батист.

Они выпили, и некоторое время беседа текла непринуждённо. Д'Артаньян расспрашивал о Провансе, о жизни Жана-Батиста до Парижа. В свою очередь, Ламбер узнал, что его новый друг – гасконец, прибывший в столицу всего несколько месяцев назад с рекомендательным письмом к капитану де Тревилю и мечтой стать мушкетёром.

– Похоже, наши истории не так уж различны, – заметил Жан-Батист. – Оба из провинции, оба нашли покровителей в Париже...

– С той разницей, что мой покровитель служит королю, а ваш... – Д'Артаньян осёкся.

– Можете говорить открыто, – усмехнулся Жан-Батист. – Я знаю о сложных отношениях между королём и кардиналом.

– Сложных? – Д'Артаньян покачал головой. – Это мягко сказано. Многие считают, что кардинал узурпировал власть, что король – лишь марионетка в его руках.

– А что думаете вы?

Мушкетёр задумался:

– Я думаю... что ситуация не так проста. Король слаб в некоторых вопросах, это правда. Но он не глуп. И знает цену кардиналу.

– А цена высока, – кивнул Жан-Батист. – Ришелье создал современную Францию. Укрепил центральную власть. Подчинил гугенотов. Противостоит Габсбургам.

– Всё так. – Д'Артаньян посмотрел на него с интересом. – Вы, кажется, восхищаетесь своим покровителем?

Жан-Батист помедлил с ответом:

– Я восхищаюсь его умом, его видением, его силой воли. Но методы... методы иногда вызывают вопросы.

– Какие именно методы? – понизил голос д'Артаньян.

– Шпионаж. Манипуляции. Интриги. – Жан-Батист пожал плечами. – Хотя, возможно, без этого нельзя управлять государством.

– Вы философ, Жан-Батист, – улыбнулся мушкетёр. – Мне больше по душе прямой подход. Честный бой. Открытое слово.

– Такие качества редко ценятся при дворе.

– Именно поэтому я предпочитаю казармы мушкетёров дворцовым коридорам.

Они помолчали, затем д'Артаньян спросил:

– А что привело вас на службу к кардиналу? Ваша память?

– В основном, да. – Жан-Батист решил быть откровенным, насколько это возможно. – Хотя сейчас я начинаю подозревать, что за этим стоит нечто большее.

– Что вы имеете в виду?

– Скажем так... Я думаю, что определённые силы при дворе имели на меня планы ещё до моего прибытия в Париж.

Д'Артаньян нахмурился:

– Звучит загадочно. И немного тревожно.

– Именно так я себя и чувствую, – признался Жан-Батист. – Словно шахматная фигура, которую двигают по доске невидимые игроки.

– Кардинал?

– Он одна из фигур. Но, возможно, не единственная.

Д'Артаньян наклонился ближе:

– Послушайте, Жан-Батист, я не знаю, во что вы вовлечены, но если вам когда-нибудь понадобится помощь – настоящая помощь, а не придворные игры – вы можете рассчитывать на меня. И на моих друзей.

Искренность в его голосе тронула Жана-Батиста. В мире интриг и двойных игр такое прямое предложение дружбы было редкостью.

– Благодарю вас, д'Артаньян. Это много значит для меня.

Остаток вечера они провели за более лёгкими темами – обсуждали парижские театры, моду, оружие, дуэли. Жан-Батист узнал захватывающую историю о том, как д'Артаньян в первый день пребывания в Париже успел вызвать на дуэль сразу трёх мушкетёров – Атоса, Портоса и Арамиса, – а закончил день, сражаясь вместе с ними против гвардейцев кардинала.

– И после этого они приняли вас в свой круг? – удивился Жан-Батист.

– Именно так! – рассмеялся д'Артаньян. – У мушкетёров свои понятия о дружбе. Если ты готов драться за них – ты их брат, даже если до этого был врагом.

Когда они наконец расстались, уже за полночь, Жан-Батист чувствовал себя странно обновлённым. В суматохе последних дней, среди тайн и интриг, этот вечер с д'Артаньяном был глотком свежего воздуха.

Он возвращался в Пале-Кардинал пешком, наслаждаясь ночной прохладой. Улицы Парижа были почти пусты, лишь изредка встречались запоздалые прохожие или ночная стража.

Сворачивая на одну из узких улочек, Жан-Батист вдруг почувствовал чей-то взгляд. Обернувшись, он заметил тень, скользнувшую за угол.

За ним следили.

Ускорив шаг, он прислушался. Позади определённо звучали шаги, стараясь подстроиться под его собственные.

Жан-Батист свернул в ещё более узкий переулок, затем резко остановился и прижался к стене, ожидая своего преследователя.

Через несколько секунд в переулок осторожно заглянул человек в тёмном плаще. Не раздумывая, Жан-Батист схватил его за воротник и прижал к стене, приставив кинжал к горлу.

– Кто вы? Почему следите за мной? – грозно спросил он.

– Месье Ламбер... прошу вас... – прохрипел незнакомец. – Я не враг...

Жан-Батист немного ослабил хватку, но кинжал не убрал:

– Назовитесь.

– Жерар... Бывший охранник графа Россини. Теперь служу кардиналу.

Жан-Батист присмотрелся. В тусклом свете далёкого фонаря он действительно узнал седоусого ветерана, бывшего с ними в тот роковой вечер на постоялом дворе.

– Зачем вы следите за мной?

– По приказу его высокопреосвященства. – Жерар говорил спокойно, несмотря на кинжал у горла. – Для вашей безопасности.

– Моей безопасности? – Жан-Батист опустил кинжал, но не убрал его. – Или чтобы шпионить?

– И то, и другое, – честно ответил Жерар. – Вы носите перстень Хранителей. Это делает вас мишенью. И ценным активом одновременно.

Жан-Батист окончательно отпустил охранника и сделал шаг назад.

– Вы тоже знаете о Хранителях...

– Конечно. – Жерар поправил воротник. – Я служил графу Россини двадцать лет. Он был одним из высших членов Совета.

– Совета?

– Внутреннего круга Хранителей Печати. Семи мудрейших, направляющих общество.

Новая информация. Значит, существует некий Совет, управляющий Хранителями...

– И кардинал входит в этот Совет? – спросил Жан-Батист.

Жерар покачал головой:

– Кардинал – союзник, но не член. Он слишком... публичная фигура для общества, предпочитающего тень.

– А маркиз де Ла Кроз?

– Входил раньше. Теперь... – Жерар сделал неопределённый жест. – Сложно сказать. Совет расколот. Некоторые поддерживают его идеи, другие считают его опасным радикалом.

– Какие идеи?

– Открытое правление. Замена монархий чем-то... новым. – Жерар пожал плечами. – Я всего лишь солдат, месье Ламбер. Детали политических теорий выше моего понимания.

Жан-Батист чувствовал, что охранник говорит искренне. По крайней мере, настолько искренне, насколько может говорить человек, привыкший хранить чужие секреты.

– Почему вы рассказываете мне всё это? Я думал, Хранители держат свои тайны... ну, в тайне.

– Потому что вы – один из них теперь, – просто ответил Жерар. – Перстень Россини у вас. А значит, вы – Хранитель, хотите вы того или нет.

– А если я не хочу? Если я верну перстень?

– Поздно, месье Ламбер. – Жерар покачал головой. – Хранители не уходят на пенсию. Слишком много вы уже знаете.

С этими словами охранник поклонился и, прежде чем Жан-Батист успел задать новые вопросы, скрылся в темноте переулка.

Оставшийся путь до Пале-Кардинал Жан-Батист проделал в глубокой задумчивости. Каждый новый кусочек информации только усложнял картину. Тайное общество с многовековой историей. Борьба фракций. Совет мудрейших. Перстень, делающий его членом этого общества "хочет он того или нет"...

И посреди всего этого – он, провинциальный дворянин, чья единственная особенность – хорошая память.

Почему именно он? Что увидел в нём граф Россини? И что случится дальше?

С этими вопросами без ответов Жан-Батист вернулся в свои апартаменты, где его ждал новый сюрприз – запечатанное письмо на подушке. Без подписи, лишь с оттиском печати в виде пчелы.

Лувр, следующий день, 18 июня 1630 года

Жан-Батист не спал почти всю ночь, размышляя над содержанием таинственного письма. Послание было кратким и загадочным:

"Полночь. Северная башня Лувра. Принесите перстень. Время знакомиться с наследием."

Ни подписи, ни объяснений. Только печать с пчелой – символом Хранителей Печати.

Кто отправитель? Кардинал? Маркиз де Ла Кроз? Кто-то ещё из загадочного Совета?

И, главное, стоит ли идти на эту встречу? Не ловушка ли это?

Утром Жан-Батист отправился в Пале-Кардинал для выполнения своих обычных обязанностей секретаря. К его удивлению, кардинал Ришелье уже уехал в Лувр на встречу с королём, оставив распоряжения через дю Трамбле.

– Его высокопреосвященство просил передать, что сегодня вечером вы должны присутствовать на заседании Королевского совета в качестве стенографиста, – сообщил главный секретарь с плохо скрываемым неодобрением. – Хотя обычно эту функцию выполняю я...

– Я уверен, что это временная мера, месье дю Трамбле, – дипломатично ответил Жан-Батист. – Возможно, кардинал хочет проверить мою память в официальной обстановке.

– Возможно, – кисло согласился старик. – В любом случае, вам следует быть в Лувре к девяти вечера. Совет собирается в десять в Зелёной гостиной.

Это означало, что после заседания у Жана-Батиста будет достаточно времени, чтобы найти Северную башню для полуночной встречи. Совпадение? Или кардинал намеренно устроил всё таким образом?

День прошёл в рутинной работе. Жан-Батист разбирал корреспонденцию, составлял ответы на письма провинциальных дворян, просящих аудиенции у кардинала, систематизировал отчёты интендантов из разных регионов Франции.

Работа была механической, позволявшей уму блуждать, возвращаясь к загадкам последних дней. Кем был на самом деле граф Россини? Что означал его выбор Жана-Батиста в качестве... чего? Преемника? Хранителя перстня? Новобранца в тайное общество?

И что за "наследие" ждёт его сегодня в полночь?

Вечером, завершив дела, Жан-Батист отправился в Лувр. Он прибыл раньше назначенного времени, чтобы осмотреться и, возможно, найти Северную башню до начала заседания совета.

Лувр, как всегда, кипел жизнью даже в поздний час. Придворные сновали по коридорам, обсуждая последние интриги. Слуги спешили с поручениями. Гвардейцы стояли на страже у важных дверей.

Жан-Батист осторожно спрашивал дорогу к Северной башне, делая вид, что это связано с поручением кардинала. Он узнал, что башня находится в старой части дворца, редко используемой ныне для официальных функций. Некогда там располагались личные покои короля Генриха III, но после его убийства эту часть Лувра считали несчастливой, и новые монархи предпочитали держаться от неё подальше.

Расположение башни выяснилось, но попасть туда сейчас не представлялось возможным – путь преграждали гвардейцы, охранявшие проход в старую часть дворца. Придётся ждать до ночи и искать другой путь.

В девять часов Жан-Батист прибыл к Зелёной гостиной. Кардинал Ришелье уже был там, беседуя с канцлером Сегье – полным мужчиной с пронизательными глазами и двойным подбородком.

– А, месье Ламбер, – произнес кардинал, увидев его. – Как раз вовремя. Позвольте представить вас канцлеру Сегье.

Канцлер критически оглядел молодого секретаря:

– Так это и есть ваш вундеркинд, кардинал? Выглядит слишком молодо для такой ответственной должности.

– Не судите по внешности, канцлер, – мягко возразил Ришелье. – Месье Ламбер обладает феноменальной памятью. Сегодня он будет вести стенограмму заседания.

– Без бумаги и чернил? – недоверчиво спросил Сегье.

– Именно так. Его память надёжнее любой записи. К тому же, – кардинал понизил голос, – некоторые вопросы, которые мы будем обсуждать сегодня, лучше не доверять бумаге.

Канцлер хмыкнул, но возражать не стал.

Постепенно стали прибывать другие члены Королевского совета – министры, маршалы, верховный судья. Все они с любопытством поглядывали на молодого человека, стоявшего за креслом кардинала.

Ровно в десять прибыл король Людовик XIII в сопровождении своего фаворита, герцога де Баррады. Все присутствующие низко поклонились.

Король – худощавый мужчина лет тридцати с меланхоличным взглядом – выглядел усталым. Он небрежно кивнул советникам и сел во главе стола.

– Начнём, господа, – сказал он без предисловий. – У меня мало времени. Завтра охота в Фонтенбло.

– Как пожелаете, Ваше Величество, – отозвался кардинал. – Первый вопрос касается налоговой реформы, предложенной месье Сегье...

Заседание длилось около двух часов. Обсуждались финансы, армия, отношения с Испанией, недовольство гугенотов в провинциях. Жан-Батист стоял молча, запоминая каждое слово, каждый жест, каждую реакцию.

Он заметил, что король, хоть и выглядел скучающим, на самом деле внимательно следил за дискуссией. Его меланхоличный вид был обманчив – за ним скрывался острый ум и твёрдая воля. Особенно это проявилось, когда речь зашла о возможной войне с Габсбургами.

– Испания наращивает войска в Нидерландах, Ваше Величество, – докладывал военный министр. – Наши информаторы сообщают о перемещении артиллерии к границам.

– Мнения, господа? – спросил король, обводя взглядом советников.

– Война неизбежна, – твёрдо сказал маршал де Бассомпьер. – Вопрос лишь в том, когда и на чьих условиях она начнётся. Лучше нам действовать первыми.

– Не согласен, – возразил канцлер Сегье. – Казна пуста. Народ измучен налогами. Новая война может вызвать бунты.

– А если не будет войны, Испания задушит нас кольцом своих владений, – парировал маршал. – Милан, Нидерланды, скоро, возможно, Лотарингия... Мы окажемся в ловушке.

Король повернулся к Ришелье:

– Ваше мнение, кардинал?

– Война неизбежна, как сказал маршал, – медленно произнес Ришелье. – Но сейчас мы не готовы. Нам нужно время. Время, чтобы укрепить армию, наполнить казну, найти союзников.

– Кого вы видите союзниками против Испании? – спросил король.

– Шведов. Протестантских князей Германии. Возможно, венецианцев. – Кардинал сделал паузу. – И, как ни странно это звучит, турок.

По совету пронёсся ропот удивления.

– Неверные? – воскликнул де Баррада. – Союз с мусульманами против католической Испании?

– В политике нет места религиозным предрассудкам, герцог, – холодно ответил Ришелье. – Есть только интересы государства.

– Довольно смелое заявление для князя церкви, – саркастически заметил королевский фаворит.

– Именно как князь церкви я понимаю, что истинные интересы католичества не всегда совпадают с интересами испанской короны, – парировал кардинал. – Габсбурги используют религию как инструмент политики. Мы должны видеть за этим фасадом.

Король поднял руку, прекращая спор:

– Я согласен с кардиналом. Нам нужно время и союзники. Поэтому приказываю усилить дипломатические миссии в странах, упомянутых его высокопреосвященством. Но одновременно – готовиться к войне. Маршал, представьте план укрепления северных границ.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

После этого обсуждение перешло к внутренним делам. Жан-Батист продолжал напоминать всё, но часть его разума была занята другим – предстоящей полуночной встречей. Кто ждёт его в Северной башне? И что означает фраза о "знакомстве с наследием"?

Наконец заседание закончилось. Король покинул гостиную первым, за ним последовали советники. Кардинал задержался, поманив к себе Жана-Батиста.

– Впечатления, месье Ламбер?

– Король умнее, чем о нём говорят, ваше высокопреосвященство, – честно ответил Жан-Батист. – И решительнее.

– Именно так. – Ришелье кивнул с одобрением. – Людовик не блестящий монарх, но и не слабый. Он знает свои ограничения и умеет слушать советы. Редкое качество для короля.

– А герцог де Баррада?

– Фаворит, – пожал плечами кардинал. – Сейчас он, завтра будет другой. Фавориты приходят и уходят, а мы остаёмся.

Ришелье встал, собираясь уходить:

– Вы останетесь в Лувре сегодня, месье Ламбер. Я распорядился подготовить для вас комнату. Завтра утром жду вас в своём кабинете с полным отчётом о заседании.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство.

Кардинал направился к двери, но внезапно остановился:

– И, месье Ламбер... Будьте осторожны ночью. В старых частях дворца иногда случаются... неприятные встречи.

С этими словами он вышел, оставив Жана-Батиста в уверенности, что кардинал знает о таинственном приглашении в Северную башню.

Северная башня Лувра, полночь

Найти путь к Северной башне оказалось непросто. Главные проходы охранялись, и Жану-Батисту пришлось использовать своё знание тайных ходов Лувра, полученное при подготовке к слежке за королевой.

Он двигался осторожно, стараясь не шуметь и избегать встреч со стражей. В этот поздний час дворец казался почти заброшенным – лишь редкие факелы освещали длинные коридоры, и лишь изредка можно было увидеть сонного гвардейца на посту.

Наконец, после множества поворотов, лестниц и тайных дверей, Жан-Батист достиг цели. Северная башня встретила его холодом и запахом сырости. Здесь явно не убирали уже очень давно.

Винтовая лестница вела наверх. Жан-Батист начал подниматься, держа руку на рукояти кинжала. Каждая ступенька скрипела под его весом, каждый шаг эхом отдавался в пустоте башни.

На верхней площадке была массивная дубовая дверь. Жан-Батист толкнул её, и она открылась с протяжным скрипом.

За дверью оказалась круглая комната с высоким сводчатым потолком. Окна были закрыты ставнями, но сквозь щели пробивался лунный свет. В центре стоял большой круглый стол, на котором горело несколько свечей, освещая разложенные бумаги и книги.

У стола стояла знакомая фигура в зелёном платье.

– Селеста? – изумлённо произнес Жан-Батист.

Мадам де Вивье повернулась к нему с загадочной улыбкой:

– Добрый вечер, месье Ламбер. Или лучше сказать – брат Хранитель?

– Вы... вы тоже?

– Удивлены? – Она подняла руку, показывая изящный перстень с пчелой на тонком пальце. – В Хранителях Печати женщины имеют равные права с мужчинами. Мы были просвещёнными задолго до того, как это стало модным.

Жан-Батист сделал несколько шагов вперёд, всё ещё не веря своим глазам:

– Но вы служите королеве. Вы фрейлина...

– Как вы служите кардиналу, будучи его секретарём, – закончила она. – У Хранителей много лиц, месье Ламбер. Мы там, где нужно влияние. При королях и королевах, при министрах и генералах, в банках и университетах.

– Это вы оставили письмо в моей комнате?

– Да. – Селеста указала на стол. – Пришло время познакомить вас с наследием, которое передал вам граф Россини вместе с перстнем.

– Каким наследием?

– Знаниями. Обязанностями. Ответственностью. – Она жестом пригласила его подойти к столу. – Граф был Хранителем Архива. Теперь эта роль переходит к вам.

Жан-Батист приблизился к столу и увидел множество документов – старинные рукописи, современные письма, карты, схемы. На многих стояла печать с изображением пчелы.

– Что всё это значит? – спросил он, рассматривая бумаги.

– Это история, месье Ламбер. История Хранителей Печати. История тайной власти.

Селеста взяла один из документов – пожелтевший от времени пергамент с выцветшими чернилами:

– Вот, например, оригинал устава нашего ордена, написанный в 1315 году, после разгрома тамплиеров. Семь рыцарей, избежавших ареста, поклялись сохранить знания и сокровища ордена. Но не для себя – для будущего.

Она положила пергамент и взяла другой документ:

– А это – список всех Великих Мастеров ордена за последние триста лет. Последним был граф Россини. Теперь Совет выбирает нового.

– И кто основные кандидаты? – спросил Жан-Батист.

– Маркиз де Ла Кроз хотел бы им стать, – задумчиво ответила Селеста. – Но многие опасаются его... радикальных взглядов.

– На открытое правление?

– Вы хорошо информированы. – Она внимательно посмотрела на него. – Да, де Ла Кроз считает, что время тайного влияния прошло. Что Хранители должны выйти из тени и создать новый порядок в Европе. Порядок, основанный на разуме, а не на предрассудках.

– А вы согласны с ним?

Селеста помедлила с ответом:

– Частично. Мир действительно нуждается в переменах. Войны, фанатизм, суеверия... Но методы де Ла Кроза... – Она покачала головой. – Он готов пролить реки крови ради своих идеалов. А я видела слишком много крови в своей жизни.

– Вы говорите о революции?

– О серии революций по всей Европе. Свержении монархий. Установлении республик под контролем Хранителей. – Селеста вздохнула. – Прекрасная мечта, возможно. Но ценой будут жизни тысяч, если не миллионов.

Жан-Батист смотрел на разложенные документы, пытаясь осмыслить масштаб заговора, в который он оказался вовлечён. Тайное общество, планирующее изменить ход истории. Борьба фракций с разным видением будущего. И он, новичок, внезапно оказавшийся в центре этой борьбы.

– Почему я? – спросил он, глядя Селесте в глаза. – Почему граф Россини выбрал именно меня?

– Из-за вашей памяти, конечно. – Она улыбнулась. – Хранитель Архива должен обладать совершенной памятью. Должен помнить всё – имена, даты, факты, связи. Архив слишком обширен и важен, чтобы полагаться только на бумагу.

– Но я не просил этой роли.

– Мало кто из нас просил, месье Ламбер. Большинство Хранителей были выбраны, как и вы. Кто-то заметил в них особый талант, особую черту характера. Кто-то увидел потенциал.

– А вы? Как вы стали Хранителем?

Лицо Селесты стало серьёзным:

– Через потерю. Мой муж, граф де Вивье, был одним из нас. Когда он погиб, защищая меня от наёмных убийц, я поклялась продолжить его дело.

– Мне жаль...

– Не стоит. – Она покачала головой. – Это было три года назад. Я научилась жить с этой болью. И использовать её как топливо для борьбы.

Селеста вдруг напряглась, прислушиваясь:

– Кто-то идёт. – Она быстро начала собирать документы. – Помогите мне. Это нужно спрятать.

Жан-Батист тоже услышал шаги на лестнице – тяжёлые, мужские, не старающиеся скрыться. Он помог Селесте сложить бумаги в кожаную папку.

– Вот, возьмите. – Она протянула ему папку. – Это часть архива. Изучите её. Запомните. Это ваше наследие теперь.

– Но что мне...

Дверь распахнулась, и на пороге появился высокий человек в плаще с капюшоном. Он откинул капюшон, и Жан-Батист узнал маркиза де Ла Кроза.

– Какая трогательная сцена, – произнес маркиз с ледяной улыбкой. – Новый Хранитель Архива получает первые уроки. И от кого? От агента противоположной фракции.

– Мы не враги, маркиз, – спокойно сказала Селеста. – У нас разные взгляды, но общая цель.

– Какая наивность, мадам де Вивье. – Де Ла Кроз сделал шаг вперёд. – Когда ставки так высоки, несогласные – всегда враги.

Жан-Батист инстинктивно встал между Селестой и маркизом:

– Чего вы хотите?

– Того же, что и вы, месье Ламбер. Знаний. – Де Ла Кроз указал на папку. – В частности, содержимого этого архива.

– Это не полный архив, – возразила Селеста. – Лишь малая часть.

– Но важная часть, не так ли? – Маркиз прищурился. – Часть, касающаяся Красной книги?

Жан-Батист почувствовал, как Селеста напряглась рядом с ним. Красная книга. Опять это название. Кардинал упоминал о ней в разговоре с Жераром, когда думал, что никто не слышит.

– Не знаю, о чём вы говорите, – холодно сказала Селеста.

– Не лгите мне, мадам. – Голос маркиза стал жёстким. – Мы знаем, что перед смертью граф Россини передал информацию о местонахождении книги своему преемнику. – Он посмотрел на Жана-Батиста. – Вам, месье Ламбер.

– Мне? Но я...

– Возможно, вы сами не знаете, что обладаете этой информацией, – перебил его де Ла Кроз. – Россини был хитёр. Он мог зашифровать послание, спрятать его так, что даже получатель не понял бы его значения сразу.

– Перстень, – вдруг понял Жан-Батист. – Вы думаете, что перстень как-то связан с этой Красной книгой?

– Bravo, месье Ламбер! – Маркиз усмехнулся. – Именно так. Перстень Хранителя Архива – не просто символ. Это ключ.

– Ключ к чему?

– К тайнику. К месту, где Россини спрятал Красную книгу перед смертью. – Де Ла Кроз протянул руку. – Отдайте мне перстень, месье Ламбер. Я верну его, как только получу книгу.

– Не верьте ему, – тихо сказала Селеста. – Красная книга в его руках будет означать катастрофу для Франции.

– Для старой Франции, возможно, – согласился маркиз. – Для Франции королей и кардиналов. Но не для новой Франции, которую мы создадим.

Жан-Батист колебался. Он не знал, кому верить. Селеста казалась искренней, но и де Ла Кроз говорил с убеждением человека, верящего в правоту своего дела.

– Что такое эта Красная книга? – спросил он. – Почему она так важна?

– Список, – ответил маркиз. – Список всех агентов Хранителей при европейских дворах. Имена, позиции, связи. Информация, собиравшаяся веками.

– И вы хотите использовать её, чтобы...

– Чтобы активировать нашу сеть. Начать изменения одновременно во всех странах. – Глаза де Ла Кроза горели фанатичным огнём. – Представьте, месье Ламбер: единый день, когда по всей Европе старый порядок падёт, и на его месте возникнет новый. Без войн, без хаоса, без долгого переходного периода.

– Звучит как утопия, – сказал Жан-Батист.

– Все великие перемены начинались как утопии, – парировал маркиз. – Но мы, Хранители, делаем утопии реальностью. Это наше предназначение.

Селеста подошла ближе к Жану-Батисту:

– Не слушайте его. План де Ла Кроза приведёт к гражданским войнам по всей Европе. К хаосу. К крови.

– К рождению нового мира через боль, – не отрицал маркиз. – Как любое рождение. Но результат будет стоить жертв.

Жан-Батист понял, что оказался в эпицентре конфликта, масштаб которого он даже не мог представить. Две фракции Хранителей Печати – консерваторы и радикалы. Два видения будущего. И теперь ему предстояло сделать выбор.

Но был ли у него выбор на самом деле?

– Я не отдам перстень, – твёрдо сказал он. – По крайней мере, пока не пойму полностью, во что вовлечён.

Маркиз де Ла Кроз вздохнул:

– Жаль. Я надеялся на ваше сотрудничество. – Он сделал шаг назад. – Но я не буду принуждать вас. По крайней мере, сегодня. Подумайте, месье Ламбер. Подумайте о будущем, которое мы можем создать.

С этими словами он поклонился и вышел так же внезапно, как появился.

Когда шаги маркиза затихли на лестнице, Селеста облегчённо вздохнула:

– Вы поступили правильно. Де Ла Кроз опасен. Его видение будущего привлекательно, но методы...

– Методы ужасны, – закончил Жан-Батист. – Я понимаю. Но я всё ещё не знаю, кому верить, мадам. Вам? Кардиналу? Де Ла Крозу? Все вы преследуете свои цели.

– Верьте себе, месье Ламбер. – Селеста положила руку на его плечо. – Своему сердцу, своему разуму. В конце концов, граф Россини выбрал вас не только за память, но и за характер.

Она подошла к двери:

– Мне пора. Королева заметит моё отсутствие. Изучите документы в папке. Они помогут вам понять, кто мы и к чему стремимся. – Она помедлила. – И будьте осторожны. Теперь, когда де Ла Кроз знает о вас, он не оставит попыток получить перстень.

– А что насчёт Красной книги? Она действительно существует?

– Да. – Селеста серьёзно кивнула. – И маркиз прав в одном – перстень действительно связан с ней. Но как именно, я не знаю. Граф Россини не делился этой информацией даже с близкими союзниками.

Она сделала еще шаг к двери, но Жан-Батист остановил её:

– Последний вопрос, мадам. Вы и граф Россини... вы были на одной стороне? В одной фракции?

– Да, – после паузы ответила Селеста. – Мы оба принадлежали к умеренному крылу. К тем, кто верит в эволюцию, а не революцию. – Она слабо улыбнулась. – Как и вы, я думаю.

С этими словами она исчезла в темноте лестницы, оставив Жана-Батиста наедине с папкой, полной секретов, и с тяжестью выбора, который ему предстояло сделать.

Глава 4: Двойная игра

Лувр, утро, 19 июня 1630 года

Жан-Батист провёл бессонную ночь, изучая документы из папки, переданной Селестой. То, что он узнал, поражало воображение. История Хранителей Печати оказалась гораздо более глубокой и сложной, чем он мог представить.

Орден был основан семью рыцарями-тамплиерами, избежавшими ареста во время разгрома ордена Филиппом IV Красивым в 1307 году. Они поклялись сохранить знания и сокровища тамплиеров, но использовать их не для личного обогащения, а для направления хода истории в сторону прогресса и просвещения.

За прошедшие столетия Хранители проникли во все ключевые институты власти в Европе – королевские дворы, церковь, университеты, банки. Они влияли на важнейшие решения, иногда предотвращая войны, иногда, наоборот, провоцируя конфликты, если считали их необходимыми для прогресса.

Но около пятидесяти лет назад внутри ордена произошёл раскол. Часть членов, впечатлённая новыми философскими идеями, начала склоняться к более радикальным методам. Они считали, что время тайного влияния прошло, что миру нужны фундаментальные перемены – свержение монархий, отделение церкви от государства, установление республик.

Другая часть оставалась верна традиционным методам – постепенным реформам, работе через существующие институты власти, сохранению баланса сил.

Этот раскол с годами только углублялся. И теперь, судя по документам, орден стоял на пороге открытого противостояния между фракциями.

В центре этого противостояния оказалась загадочная "Красная книга" – полный список всех агентов Хранителей по всей Европе. Тот, кто владел этой книгой, мог активировать всю сеть для своих целей, будь то сохранение статус-кво или революция.

К рассвету, когда Жан-Батист закончил чтение и спрятал папку в потайном месте своей временной комнаты, у него сложилось чёткое понимание ситуации: он оказался между двух огней в конфликте, который длился десятилетиями и мог определить судьбу всей Европы.

И всё из-за случайной встречи с графом Россини на постоялом дворе...

В девять утра, как было условлено, Жан-Батист явился в кабинет кардинала в Лувре для доклада о вчерашнем заседании совета. Ришелье выглядел свежим и отдохнувшим, словно не провёл половину ночи в тайных встречах, как подозревал Жан-Батист.

– Месье Ламбер, – приветствовал его кардинал. – Надеюсь, вы хорошо отдохнули после вчерашнего?

– Вполне, ваше высокопреосвященство, – солгал Жан-Батист.

– И ваша память свежа, как всегда?

– Разумеется.

Кардинал жестом пригласил его сесть:

– Тогда приступим. Я хочу услышать каждое слово, сказанное на совете. Каждый нюанс. Каждую реакцию.

Жан-Батист начал подробный отчёт, воспроизводя заседание с фотографической точностью. Ришелье слушал внимательно, иногда делая пометки на листе бумаги перед собой.

Когда доклад был закончен, кардинал удовлетворённо кивнул:

– Превосходно, месье Ламбер. Ваша память не перестаёт удивлять.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство.

Кардинал посмотрел на него изучающим взглядом:

– Вы что-то скрываете, месье.

Жан-Батист напрягся:

– Простите?

– В вашем отчёте. Вы не упомянули кое-что.

Неужели кардинал знал о его ночной встрече с Селестой? О папке с документами?

– Реакцию королевы, – пояснил Ришелье. – Анна Австрийская присутствовала в начале заседания, но вы не описали её поведение.

Жан-Батист мысленно выдохнул. Кардинал говорил о совете, не о ночных событиях.

– Прошу прощения, ваше высокопреосвященство. Я не придавал этому значения. Королева действительно была там первые полчаса, но не участвовала в обсуждении. Она сидела справа от короля, выглядела скучающей и несколько раз шептала что-то фрейлине... – Он запнулся. – Мадам де Вивье.

– Вот как? – Кардинал поднял бровь. – И что же она шептала?

– Я не мог слышать, ваше высокопреосвященство.

– Но могли видеть движение губ, – настаивал Ришелье. – С вашей памятью и наблюдательностью...

Жан-Батист понял, что кардинал проверяет его. Проверяет не только память, но и лояльность. Скажет ли он правду о Селесте, если видел что-то подозрительное?

– Я действительно заметил некоторые фразы, – осторожно сказал он. – Но они были на испанском, который я знаю плохо. Что-то о письмах и о брате королевы, я полагаю.

Ришелье внимательно смотрел на него, словно пытаясь проникнуть в самые сокровенные мысли.

– Я ценю вашу честность, месье Ламбер. Особенно учитывая ваше... знакомство с мадам де Вивье.

– Моё знакомство?

– Не притворяйтесь, месье. – Кардинал слегка улыбнулся. – Я знаю о вашей встрече в Северной башне прошлой ночью.

Вот оно. Всё-таки знает.

– Ваше высокопреосвященство, я могу объяснить...

– В этом нет необходимости. – Ришелье поднял руку, останавливая его. – Я знаю всё, что мне нужно знать. Мадам де Вивье рассказала вам об истории Хранителей Печати, о расколе внутри ордена, о конфликте с маркизом де Ла Крозом. И о Красной книге.

– Но как вы...

– У меня есть глаза и уши по всему дворцу, месье Ламбер. – Кардинал откинулся в кресле. – Вопрос в том, что вы намерены делать с этой информацией.

Жан-Батист решил быть максимально откровенным:

– Честно говоря, ваше высокопреосвященство, я пока не знаю. Всё происходит слишком быстро. Ещё неделю назад я был никем – обедневшим дворянином из провинции. А теперь я в центре конфликта, который может изменить судьбу Европы.

Кардинал кивнул, словно одобряя его честность:

– Понимаю ваше смятение. Но выбор всё равно придётся сделать. Радикалы де Ла Кроза или традиционалисты Совета. Революция или эволюция.

– А какова ваша позиция, ваше высокопреосвященство?

– Я уже говорил вам – я не член ордена. Я союзник. – Ришелье встал и подошёл к окну. – Но если вы спрашиваете о моих предпочтениях... Я против любых резких перемен. История учит нас, что революции, начатые с благими намерениями, часто заканчиваются террором и диктатурой.

– Как Варфоломеевская ночь? – спросил Жан-Батист, вспомнив запись из книги, подаренной кардиналом.

– Именно. – Ришелье мрачно кивнул. – То был один из самых тёмных моментов в истории ордена. Некоторые Хранители поддержали Екатерину Медичи, считая, что уничтожение

гугенотов приведёт к единству Франции. Другие сопротивлялись до последнего. В итоге пролилась кровь тысяч невинных, а цель так и не была достигнута.

– И вы боитесь, что план де Ла Кроза приведёт к похожим результатам?

– План де Ла Кроза приведёт к гораздо худшим последствиям, – жёстко сказал кардинал. – Варфоломеевская ночь была локальной трагедией. То, что задумал маркиз, – европейская катастрофа. Представьте одновременное свержение всех монархий, от Лиссабона до Варшавы. Хаос. Гражданские войны. Религиозные конфликты. И всё это в одночасье.

Жан-Батист задумался. Слова кардинала звучали логично. И всё же...

– Но разве прогресс возможен без перемен? Без потрясений?

– Перемены – да. Потрясения – нет. – Ришелье вернулся к столу. – Я сам реформатор, месье Ламбер. Я изменил Францию больше, чем многие короли. Но я делал это постепенно, шаг за шагом. Укрепление центральной власти. Ограничение привилегий знати. Развитие торговли и мануфактур. Основание Академии. Это и есть истинный прогресс – эволюционный, а не революционный.

– И Хранители Печати поддерживают этот путь?

– Большинство из них – да. Во всяком случае, Совет. Но фракция де Ла Кроза растёт. – Кардинал помрачнел. – Особенно среди молодых членов ордена. Их привлекает романтика революции, идея мгновенных перемен. Они не понимают цены, которую придётся заплатить.

Жан-Батист вспомнил горящие глаза маркиза, его страстную убеждённость в своей правоте. Такой человек не остановится ни перед чем ради своих идей.

– И что теперь? – спросил он. – Чего вы ждёте от меня?

– Решения, – просто ответил Ришелье. – Граф Россини выбрал вас. Передал вам перстень и, возможно, ключ к Красной книге. Теперь вы должны решить, как использовать это наследие.

Жан-Батист посмотрел на свою руку, где под перчаткой скрывался перстень с пчелой. Такая маленькая вещь – и такая огромная ответственность.

– Мне нужно время, ваше высокопреосвященство. Время, чтобы понять, во что я вовлечён. Чтобы сделать осознанный выбор.

– Время – роскошь, которой у нас мало, месье Ламбер. – Кардинал встал, показывая, что аудиенция окончена. – Но я дам вам столько, сколько смогу. А пока... продолжайте свои обязанности как обычно. И будьте осторожны. Очень осторожны.

– Особенно с маркизом де Ла Крозом?

– Со всеми, – серьёзно сказал Ришелье. – В этой игре нельзя полностью доверять никому. Даже мне.

Версаль, три дня спустя, 22 июня 1630 года

После разговора с кардиналом Жан-Батист вернулся к своим обычным обязанностям секретаря. Он разбирал корреспонденцию, составлял отчёты, присутствовал на официальных встречах Ришелье. Никто при дворе не знал о его ночных приключениях, о Хранителях Печати, о тяжести выбора, лежащей на его плечах.

На третий день кардинал вызвал его в свой кабинет и сообщил неожиданную новость:

– Вы отправитесь в Версаль, месье Ламбер. Король планирует охоту и пригласил избранных придворных сопровождать его. Я включил вас в список.

– Меня, ваше высокопреосвященство? – удивился Жан-Батист. – Но я не охотник и не придворный...

– Вы мой представитель, – отрезал кардинал. – Я сам не смогу присутствовать из-за дел государства. Вы будете моими глазами и ушами.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство.

– Это не просто охота, месье Ламбер. – Ришелье понизил голос. – Король давно мечтает расширить охотничий домик в Версале. Превратить его в настоящий дворец. Это будет обсуждаться во время визита.

– И вы хотите, чтобы я...

– Поддержал эту идею. Версаль может стать символом новой эпохи. Символом мощи французской монархии. – Кардинал задумчиво посмотрел в окно. – И возможно, в будущем – новой королевской резиденцией, вдали от беспокойного Парижа.

Жан-Батист понял невысказанную мысль: кардиналу было бы удобнее иметь короля подальше от столицы, где влияние на него было бы более контролируемым.

– Будут ли там... другие Хранители? – осторожно спросил он.

– Несомненно. – Ришелье кивнул. – С обеих сторон. Следите за маркизом де Ла Крозом. И за мадам де Вивье. Она будет сопровождать королеву.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, королевский кортеж выехал из Лувра. Впереди ехал сам Людовик XIII, увлечённый охотник, в компании нескольких близких друзей, включая герцога де Барраду и командира мушкетёров де Тревиля. За ними следовали королева Анна Австрийская со своими фрейлинами, среди которых была и Селеста де Вивье. Далее ехали приглашённые дворяне, включая маркиза де Ла Кроза и, к удивлению Жана-Батиста, д'Артаньяна.

– Какой сюрприз, мой друг! – воскликнул мушкетёр, пристраиваясь рядом с Ламбером. – Не знал, что вы увлекаетесь охотой.

– Я здесь по поручению кардинала, – честно признался Жан-Батист. – А вы? Я не ожидал увидеть вас в королевской свите.

– Капитан де Тревиль взял меня как адъютанта. – Д'Артаньян гордо выпрямился в седле. – Великая честь для новичка.

– Поздравляю.

– Это будет интересная поездка, – заговорщицки подмигнул гасконец. – Говорят, король хочет показать свой охотничий домик в Версале и обсудить планы его расширения.

– Вы хорошо информированы.

– О, при дворе нет секретов. – Д'Артаньян рассмеялся. – Особенно когда речь идёт о королевских проектах. Людовик давно мечтает о собственном дворце, построенном с нуля, без призраков прошлых королей.

– Как Лувр?

– Именно! Лувр слишком древний, слишком обременён историей. Слишком много убийств, заговоров, интриг видели его стены. – Д'Артаньян понизил голос. – И слишком много в нём потайных ходов, известных не только королю.

Жан-Батист вспомнил свою вылазку в покои королевы и невольно кивнул:

– В этом есть резон.

Путь до Версаля занял несколько часов. Жан-Батист ехал то рядом с д'Артаньяном, обсуждая придворные новости, то в одиночестве, наблюдая за другими участниками поездки.

Особенно его интересовали маркиз де Ла Кроз и Селеста де Вивье – представители противоборствующих фракций Хранителей. Они держались на расстоянии друг от друга, но Жан-Батист несколько раз перехватывал их взгляды – холодные, оценивающие, полные скрытого напряжения.

К полудню кортеж прибыл в Версаль. Охотничий домик короля оказался скромным двухэтажным зданием из красного кирпича, окружённым небольшим парком. Не равня великолепию Лувра или Пале-Кардинал, но по-своему уютный и элегантный.

Король лично встречал гостей на ступенях домика, явно гордый своим владением:

– Добро пожаловать в Версаль, господа! Скромное пристанище охотника, но, надеюсь, достаточно удобное для короткого визита.

После лёгкого обеда началась охота. Жан-Батист, не будучи опытным охотником, держался ближе к обозу, наблюдая за происходящим со стороны. К его удивлению, маркиз де Ла Кроз также не присоединился к охоте, предпочтя остаться в домике.

Воспользовавшись отсутствием большинства гостей, Жан-Батист решил осмотреть владение короля. Он медленно обходил здание, изучая архитектуру, расположение комнат, виды из окон.

– Впечатляет, не правда ли? – раздался голос позади него.

Жан-Батист обернулся. Маркиз де Ла Кроз стоял, опираясь на трость, с лёгкой улыбкой наблюдая за ним.

– Скромно, но со вкусом, – дипломатично ответил Ламбер.

– Скромно... пока. – Маркиз подошёл ближе. – Но у короля грандиозные планы. Он видит здесь новый дворец, затмевающий всё, что было построено до него. Символ абсолютной власти.

– Абсолютной власти, которую вы хотите свергнуть, – тихо сказал Жан-Батист.

– Не свергнуть, месье Ламбер. Трансформировать. – Де Ла Кроз посмотрел на здание. – Представьте: вместо дворца для одного человека – институт для блага всей нации. Вместо охотничьих залов – библиотеки и лаборатории. Вместо будуаров фавориток – палаты представителей народа.

– Звучит благородно, – заметил Жан-Батист. – Но ценой будет кровь.

– Некоторые вещи стоят крови, месье Ламбер. – Маркиз пожал плечами. – Разве не кровью была построена нынешняя Франция? Не кровью создана империя Карла Великого? Не кровью крестовых походов укреплен церковь?

– Это не оправдание для новой крови.

– Нет, это урок истории. – Де Ла Кроз повернулся к нему. – Перемены всегда болезненны. Всегда требуют жертв. Вопрос лишь в том, стоит ли результат этих жертв.

Они медленно шли вокруг домика, беседа как старые знакомые, хотя Жан-Батист ни на секунду не забывал, кто перед ним.

– Вы подумали о моём предложении, месье Ламбер? – спросил маркиз. – О перстне и Красной книге?

– Я размышляю, – осторожно ответил Жан-Батист. – Это не то решение, которое можно принять поспешно.

– Разумно. – Де Ла Кроз кивнул. – Но не затягивайте. События развиваются быстрее, чем вы думаете. Совет теряет контроль над многими ложами Хранителей в провинции. Молодое поколение склоняется к нашим идеям.

– К революции?

– К обновлению, – поправил маркиз. – К созданию общества, основанного на разуме, а не на предрассудках прошлого. – Он помолчал. – Вы ведь читали труды Бэкона, месье Ламбер? Декарта? Новая философия указывает путь к новому миру.

– Философия – одно, политика – другое.

– Не в нашем случае. – Маркиз остановился и посмотрел на Жана-Батиста. – В этом суть Хранителей Печати, месье Ламбер. Мы соединяем философию с действием. Идеалы с политикой. Мечты с реальностью.

– И для этого вам нужна Красная книга?

– Именно. Она даст нам возможность координировать действия по всей Европе. Обеспечит одновременные, согласованные перемены. Минимизирует хаос.

Жан-Батист покачал головой:

– Кардинал считает иначе.

– Кардинал – великий человек, но ограниченный своим временем. – Де Ла Кроз смотрел вдаль. – Он не может представить мир без королей, без знати, без церковной власти. Его видение прогресса – сильная монархия с умными советниками. Наше видение гораздо шире.

– А если большинство людей не готово к вашему новому миру?

– Большинство никогда не готово к переменам, месье Ламбер. – Маркиз усмехнулся. – Если бы мы ждали готовности большинства, человечество до сих пор жило бы в пещерах. Прогресс всегда начинается с меньшинства – просвещённого, решительного меньшинства, готового вести остальных к свету.

Они остановились у небольшого пруда, где плавали декоративные лебеди. Маркиз задумчиво смотрел на воду.

– Знаете, месье Ламбер, на этом месте, если король осуществит свои планы, будет великолепный фонтан. Возможно, даже канал, как в итальянских виллах. – Он повернулся к Жану-Батисту. – Но знаете ли вы, что было здесь до того, как король построил свой охотничий домик?

– Нет, месье.

– Древнее капище. – Маркиз понизил голос. – Ещё галльское, потом римское. Место поклонения старым богам. Место силы. Место, где тонка грань между мирами.

– Вы верите в такие вещи? – удивился Жан-Батист. – Человек разума и просвещения?

– Я верю, что наши предки были мудрее, чем мы думаем. – Де Ла Кроз пристально смотрел на него. – Они чувствовали энергии, которые мы разучились распознавать. Они знали секреты, которые мы забыли.

– И Хранители Печати хранят эти секреты?

– Некоторые из них. – Маркиз кивнул. – Тамплиеры привезли с Востока не только богатства, месье Ламбер. Они привезли знания. Древние знания, скрытые от обычных людей.

Жан-Батист почувствовал, как по спине пробежал холодок. То, о чём говорил маркиз, звучало почти как ересь. Или как безумие.

– Вы удивлены, – заметил де Ла Кроз. – Не ожидали услышать такое от рационалиста вроде меня? Но в этом нет противоречия. Истинный рационализм не отрицает непознанное. Он стремится изучить его, понять, использовать.

– И это тоже часть вашего плана?

– Всё связано, месье Ламбер. – Маркиз снова посмотрел на пруд. – Новый политический порядок, новая наука, новое понимание древних тайн... Всё это части единого целого. Будущего, которое мы строим.

Звук охотничьих рогов прервал их разговор. Король и его свита возвращались с охоты.

– Подумайте о моих словах, месье Ламбер, – сказал де Ла Кроз, направляясь к дому. – И помните: выбор, который вы сделаете, определит не только вашу судьбу, но и судьбу многих других.

Вечером в охотничьем домике был устроен ужин. Король, возбуждённый успешной охотой (он лично застрелил двух оленей и кабана), был в отличном настроении. Вино лилось рекой, музыканты играли весёлые мелодии, придворные соревновались в остроумии и лести.

Жан-Батист, сидевший в дальнем конце стола, наблюдал за всем этим со смешанным чувством. С одной стороны, роскошь и веселье завораживали. С другой – после разговора с маркизом он не мог не думать о том, что вся эта блестящая компания может в ближайшем будущем исчезнуть, сметённая революционной бурей, которую планировали де Ла Кроз и его сторонники.

В какой-то момент король встал, призывая всех к тишине:

– Дамы и господа! Я пригласил вас сюда не только ради охоты. У меня есть новость, которой я хочу поделиться с избранными друзьями.

В зале воцарилась тишина. Все взгляды были устремлены на монарха.

– Версаль, – продолжил Людовик, – это место, которое я полюбил с первого взгляда. Здесь чистый воздух, прекрасные леса для охоты, тишина, которой так не хватает в Лувре. – Он обвёл взглядом присутствующих. – Я принял решение: Версаль станет новой королевской резиденцией. Не просто охотничьим домиком, а великолепным дворцом, достойным величия Франции.

По залу пронёсся шёпот удивления и восхищения.

– Уже заказаны первые планы, – продолжал король. – Великий архитектор Лево представит их в ближайшее время. Здесь будут фонтаны, сады, оранжереи... Версаль затмит все дворцы Европы!

Придворные разразились восторженными возгласами. Каждый спешил поздравить короля с великолепным замыслом, выразить восхищение его вкусом, предвкушал будущие празднества в новом дворце.

Жан-Батист заметил, что королева Анна сохраняла сдержанность. Её улыбка казалась вымученной. Возможно, она понимала, что новый дворец ещё больше отдалит её от супруга, увлечённого своими проектами.

– Интересная идея, не правда ли? – тихо сказал кто-то рядом.

Жан-Батист повернулся. Селеста де Вивье стояла в нескольких шагах от него, наблюдая за придворными, окружившими короля.

– Весьма амбициозная, – осторожно ответил он.

– Версаль... – задумчиво произнесла Селеста. – Знаете ли вы, что это место имеет древнюю историю?

– Маркиз де Ла Кроз упоминал что-то о древнем капище.

– Так вы беседовали с маркизом? – В голосе Селесты промелькнула тревога. – О чём ещё он говорил?

– О своём видении будущего. О том, что перемены неизбежны, даже если они будут стоить крови.

Селеста нахмурилась:

– Будьте осторожны с ним, месье Ламбер. Он обладает редким даром убеждения. Многие поверили его красивым словам, только чтобы позже обнаружить себя вовлечёнными в опасные авантюры.

– Я стараюсь сохранять объективность, – заверил её Жан-Батист. – Но должен признать, его аргументы звучат убедительно. Мир действительно нуждается в переменах.

– В переменах – да. В крови – нет. – Селеста понизила голос. – То, что планирует де Ла Кроз, не просто политический переворот. Это... нечто большее.

– Что вы имеете в виду?

Она огляделась, убеждаясь, что никто не подслушивает:

– Маркиз увлечён не только политическими теориями. Его интересуют древние знания, магические практики, забытые культы. Он считает, что сила, необходимая для преобразования мира, лежит не только в людях, но и в... иных сферах.

Жан-Батист вспомнил странные слова маркиза о древних секретах, о тонкой грани между мирами.

– Вы говорите о колдовстве? – недоверчиво спросил он. – Это кажется нелепым для человека, провозглашающего торжество разума.

– Для обычных людей – возможно. – Селеста печально улыбнулась. – Но Хранители Печати всегда стояли на границе между наукой и тем, что непосвящённые называют магией. Тамплиеры привезли с Востока не только богатства, месье Ламбер.

Те же слова, что произнёс де Ла Кроз. Словно эхо.

– И эти... знания как-то связаны с Версалем?

– Возможно. Это место действительно особенное. Здесь пересекаются древние линии силы. Друиды знали об этом, римляне знали, теперь знает и маркиз. – Селеста пристально посмотрела на Жана-Батиста. – Именно поэтому вы должны быть здесь особенно внимательны. Наблюдайте за всем необычным.

– За чем именно?

– За чем угодно. Странные находки при расчистке территории. Необъяснимые происшествия. Люди, появляющиеся и исчезающие без видимой причины. – Она сделала паузу. – И особенно следите за тем, что будет происходить ночью.

– Вы ожидаете чего-то конкретного?

– Я лишь предупреждаю о возможной опасности. – Селеста отвела взгляд. – И прошу вас довериться мне, если придёт время выбирать сторону.

Прежде чем Жан-Батист успел ответить, их прервали. Королева Анна подозвала Селесту жестом. Фрейлина присела в реверансе перед Ламбером и поспешила к своей госпоже.

Остаток вечера прошёл без происшествий. Король, вдохновлённый вином и собственными планами, рассказывал о будущем Версале, расписывая в красочных деталях фонтаны, аллеи, дворцовые залы. Придворные слушали с восхищением, перемежая восторженные возгласы комплиментами королевскому вкусу и размаху.

Поздно вечером гости разошлись по отведённым им комнатам. Охотничий домик был невелик, и многим пришлось разместиться по двое или трое. Жан-Батисту достался крошечный альков на верхнем этаже, который он разделил с д'Артаньяном.

– Какой день! – воскликнул молодой мушкетёр, растягиваясь на узкой кровати. – Король в отличном настроении. Охота удалась, планы грандиозны...

– Вы верите, что из этого что-то выйдет? – спросил Жан-Батист. – Строительство такого масштаба потребует огромных средств.

– О, когда дело касается королевских прихотей, деньги всегда находятся. – Д'Артаньян беззаботно махнул рукой. – Поднимут налоги, займут у банкиров, продадут должности... Обычные способы.

– Которые не делают короля популярнее среди народа.

– Популярность среди народа? – Мушкетёр рассмеялся. – С каких пор короли беспокоятся об этом? Людовик правит по божественному праву, а не по народной любви.

Жан-Батист вспомнил слова маркиза де Ла Кроза о мире без королей, о палатах представителей народа вместо будуаров фавориток.

– Времена меняются, – задумчиво сказал он. – Возможно, настанет день, когда даже короли будут зависеть от мнения подданных.

– Боже упаси! – искренне воскликнул д'Артаньян. – Это был бы хаос. Представьте: каждый сапожник, каждый пекарь, каждый крестьянин решает, какой должна быть политика Франции!

– Не каждый, но избранные представители...

– Вы говорите как мечтатель, мой друг. – Д'Артаньян покачал головой. – Или как опасный смутьян. Будь осторожен с такими идеями.

Жан-Батист понял, что зашёл слишком далеко. Д'Артаньян был сыном своего времени – преданным монархии, верящим в божественное право королей. Он не был готов к идеям, которые лелеяли радикальные Хранители Печати.

– Вы правы, – согласился он. – Просто философские размышления после слишком большого количества вина.

– Тогда давайте спать, философ. – Д'Артаньян зевнул. – Завтра рано вставать. Король планирует ещё одну охоту перед возвращением в Париж.

Вскоре мушкетёр уже крепко спал, похрапывая. Но Жан-Батист не мог уснуть. Слова Селесты о ночи не давали ему покоя. "Особенно следите за тем, что будет происходить ночью," – сказала она.

Ближе к полуночи, когда дом затих, Жан-Батист осторожно встал и подошёл к окну. Луна освещала парк вокруг охотничьего домика, превращая деревья и кусты в причудливые тени.

Сначала всё казалось спокойным. Но потом он заметил движение – тёмная фигура пересекала лужайку, направляясь к пруду. Даже на расстоянии Жан-Батист узнал высокую фигуру и характерную походку маркиза де Ла Кроза.

Не раздумывая, он накинул плащ и, стараясь не разбудить д'Артаньяна, вышел из комнаты. Дом спал. Только храп нескольких придворных нарушал тишину. Жан-Батист осторожно спустился по лестнице и выскользнул через боковую дверь.

Ночной воздух был прохладным и свежим. Держась в тени деревьев, Жан-Батист последовал за маркизом, который уже достиг пруда и теперь стоял на его берегу, словно чего-то ожидая.

Спрятавшись за густым кустом, Ламбер наблюдал. Вскоре к маркизу присоединились ещё трое – две фигуры в тёмных плащах и, к удивлению Жана-Батиста, один из королевских архитекторов, присутствовавших на ужине.

Они говорили тихо, но ночная тишина позволяла расслышать обрывки разговора.

– ...идеальное место... линии пересекаются... – говорил архитектор, указывая на пруд и окружающую территорию.

– ...король не должен знать... настоящая цель... – отвечал маркиз.

– ...фундамент там, где был алтарь...

– ...печать в основании главной башни...

Жан-Батист напряг слух, пытаясь уловить больше, но внезапно одна из фигур повернулась в его сторону. Он инстинктивно пригнулся. Когда он снова осмелился выглянуть, группа уже двигалась прочь от пруда, направляясь вглубь леса.

Он хотел последовать за ними, но вдруг почувствовал чью-то руку на своём плече. От неожиданности Жан-Батист чуть не вскрикнул.

– Тише, – прошептал знакомый голос. – Это я.

Обернувшись, он увидел Селесту де Вивье.

– Что вы здесь делаете? – так же тихо спросил он.

– То же, что и вы. Слежу за маркизом. – Она кивнула в сторону удаляющихся фигур. – Но не стоит идти за ними. Там, в лесу, проводят ритуал. Опасно приближаться непосвящённым.

– Ритуал? – Жан-Батист нахмурился. – Что за ритуал?

– Связанный с будущим дворцом. – Селеста тревожно оглядывалась. – Де Ла Кроз хочет, чтобы Версаль стал не просто королевской резиденцией, а... центром силы. Местом, где границы между мирами истончаются.

– Зачем?

– Для своих планов. Для революции, которая изменит не только политический порядок, но и... природу реальности. – Она схватила его за руку. – Мы должны уходить. Быстро. Если они обнаружат нас...

Они поспешно вернулись к дому, стараясь держаться в тени. Уже у самого входа Жан-Батист остановился:

– Вы должны объяснить мне больше. Всё это звучит как безумие. Магические ритуалы, древние капища... Я думал, Хранители Печати – политическое общество, а не собрание колдунов.

– Мы многое, месье Ламбер. – Селеста внимательно смотрела на него. – Хранители существуют на пересечении миров – политики и мистики, науки и магии, прошлого и будущего. Тамплиеры, из которых мы исходим, были не просто рыцарями или банкирами. Они были искателями тайн.

– И вы верите во всё это? В магию? В древние силы?

Селеста задумалась, прежде чем ответить:

– Я верю, что есть вещи, которые наука ещё не объяснила. Силы, которые мы не понимаем полностью. И я верю, что стремление контролировать эти силы без должного понимания – опасная игра. – Она сжала его руку. – Именно поэтому планы де Ла Кроза так пугают.

– Что именно он планирует с Версалем?

– Создать точку фокуса. Место, где древняя магия и современная наука сольются, давая беспрецедентную силу тем, кто контролирует это место. – Селеста выглядела встревоженной. – Представьте дворец, который не просто символ власти, но источник реальной, мистической силы. Силы, способной изменить умы людей, влиять на их решения, даже на их восприятие реальности.

Жан-Батист покачал головой:

– Звучит как фантазия. Как суеверие.

– Возможно. – Селеста грустно улыбнулась. – Но даже если это лишь суеверие, люди, верящие в него, могут быть опасны. И де Ла Кроз – один из таких людей.

Они стояли у входа в дом, в тени, близко друг к другу. Лунный свет серебрил волосы Селесты, делая её похожей на видение из сна.

– Почему вы рассказываете мне всё это? – тихо спросил Жан-Батист. – Почему доверяете мне?

– Потому что граф Россини доверял вам. – Она смотрела ему прямо в глаза. – И потому что я вижу в вас то же, что видел он, – честность, ум и... определённую чистоту души, которая редко встречается при дворе.

На мгновение между ними повисло напряжение – не враждебное, а иного рода. Жан-Батист внезапно осознал, как близко они стоят, как красива Селеста в лунном свете.

Она, кажется, тоже почувствовала это. Её глаза на секунду опустились к его губам, но затем она отступила на шаг.

– Нам нужно вернуться в наши комнаты, пока наше отсутствие не заметили, – сказала она деловым тоном. – Будьте осторожны, месье Ламбер. И помните – всё, что вы видите в Версале, может иметь двойное значение.

С этими словами она проскользнула в дом, оставив Жана-Батиста одного со своими мыслями.

Вернувшись в свою комнату, он обнаружил, что д'Артаньян всё ещё крепко спит. Мушкетёр даже не заметил его отсутствия.

Жан-Батист лёг, но сон не шёл. Слишком много вопросов крутилось в голове. Кому верить? Маркизу с его радикальными идеями? Селесте с её предостережениями о мистических опасностях? Кардиналу с его осторожным консерватизмом?

И что делать с перстнем и гипотетической Красной книгой, которая может изменить судьбу Европы?

С этими мыслями он всё же забылся тревожным сном. А наутро началась новая охота, и королевский кортеж вернулся в Париж, оставив Версаль – это место древней силы и будущей славы – временно пустым, ожидающим грандиозных перемен.

Пале-Кардинал, два дня спустя, 24 июня 1630 года

– Итак, месье Ламбер, что вы можете рассказать о поездке в Версаль? – спросил кардинал Ришелье, внимательно глядя на своего молодого секретаря.

Они сидели в личном кабинете кардинала, куда Жан-Батист был вызван сразу после возвращения в Париж. Ришелье выглядел уставшим – несколько дней управления государственными делами в отсутствие короля явно дались ему нелегко.

– Король объявил о намерении превратить охотничий домик в полноценный дворец, – доложил Жан-Батист. – Уже заказаны первые планы архитектору Лево. Судя по описаниям, проект будет грандиозным.

– Ожидаемо. – Кардинал кивнул. – Что-нибудь ещё? Что-нибудь... необычное?

Жан-Батист помедлил. Рассказать о ночной вылазке маркиза де Ла Кроза? О разговоре с Селестой? О загадочных ритуалах и древних капищах?

– Я заметил особый интерес маркиза де Ла Кроза к выбранному месту, – осторожно сказал он. – Он говорил о древней истории Версаля, о каких-то особых свойствах этой территории.

Ришелье подался вперёд:

– Какие именно свойства?

– Что-то о пересечении линий силы, о древнем капище... – Жан-Батист сделал паузу. – Если честно, ваше высокопреосвященство, это звучало больше как суеверие, чем как рациональное объяснение.

– Не всё, что кажется суеверием, является таковым, месье Ламбер. – Кардинал выглядел серьёзным. – Хранители Печати всегда стояли на грани между наукой и... тем, что церковь обычно осуждает как ересь.

– Вы тоже верите в эти... мистические аспекты?

– Я верю, что есть силы, которые мы не понимаем полностью. – Ришелье встал и подошёл к окну. – И я знаю, что маркиз де Ла Кроз давно интересуется определёнными аспектами древнего знания. Аспектами, которые выходят за рамки обычной политики.

– Мадам де Вивье упоминала что-то подобное. Она говорила, что планы маркиза связаны не только с политическим переворотом, но и с... изменением самой реальности.

– И что вы думаете об этом, месье Ламбер? – Кардинал повернулся к нему. – Как человек образованный, воспитанный в духе рационализма?

Жан-Батист задумался:

– Я скептик по натуре, ваше высокопреосвященство. Но я также помню слова Гамлета о том, что есть больше вещей на небе и на земле, чем снится нашей философии. – Он посмотрел на кардинала. – Если существует хотя бы малейшая вероятность, что маркиз действительно играет с силами, которые могут быть опасны, это стоит принять во внимание.

– Мудрый ответ. – Ришелье кивнул с одобрением. – Именно такая сбалансированная позиция делает вас ценным для Хранителей. Ни слепая вера, ни тотальное отрицание.

Кардинал вернулся к столу и взял небольшую шкатулку из слоновой кости.

– У меня есть для вас новое задание, месье Ламбер. Более... деликатное, чем предыдущие.

Он открыл шкатулку и достал запечатанный конверт с алой печатью.

– Это письмо нужно доставить в Брюссель, лично в руки королеве-матери Марии Медичи.

Жан-Батист не смог скрыть удивления. Мария Медичи, мать Людовика XIII, находилась в изгнании после неудачной попытки государственного переворота против собственного сына. И кардинал Ришелье считался её злейшим врагом – именно он убедил короля отправить мать в изгнание.

– Королеве-матери? Но я думал...

– Что мы с ней враги? – Ришелье усмехнулся. – Публично – да. Но в реальности всё сложнее. Мария Медичи – умная женщина, несмотря на свои амбиции. И у неё есть информация, которая может быть критически важна в нашей борьбе с де Ла Крозом.

– Какая информация?

– О прошлом маркиза. О его связях с определёнными... оккультными кругами Флоренции. – Кардинал протянул конверт. – Вы отправитесь как частное лицо, не как мой представитель. Никто не должен знать о вашей миссии.

Жан-Батист взял письмо:

– Когда я должен выехать?

– Сегодня вечером. Экипаж будет ждать у северных ворот Парижа. Жерар проводит вас. – Ришелье посмотрел на него с непривычной теплотой. – Я понимаю, что это опасное поручение,

месье Ламбер. Но я не вижу никого более подходящего. Ваша память, ваша способность анализировать, ваша... уникальная позиция между фракциями делают вас идеальным посланником.

– Я сделаю всё, что в моих силах, ваше высокопреосвященство.

– Знаю. – Кардинал кивнул. – И ещё одно. Возьмите перстень. Покажите его королеве-матери, если потребуется доказательство вашей связи с Хранителями.

– Она знает о существовании ордена?

– Мария Медичи знает больше, чем кажется. – Ришелье загадочно улыбнулся. – В конце концов, она флорентийка, из семьи, веками связанной с тайными обществами Италии.

Жан-Батист понимал, что ему предстоит опасное путешествие. Дорога до Брюсселя была долгой, через земли, где действовали разбойничьи шайки. Да и сама миссия – тайная встреча с изгнанной королевой-матерью – могла быть расценена как государственная измена, если бы о ней узнали неподходящие люди.

Но в то же время он чувствовал волнение. Это было настоящее задание, первая важная миссия как Хранителя Печати. И, возможно, шанс узнать больше о загадочном маркизе де Ла Крозе и его планах.

– Я не подведу вас, ваше высокопреосвященство, – твёрдо сказал он.

– Я в этом не сомневаюсь, месье Ламбер. – Кардинал жестом показал, что аудиенция окончена. – И помните: в этой игре нет абсолютной истины. Есть лишь выбор, который мы делаем, основываясь на неполной информации.

Дорога в Брюссель, три дня спустя

Путешествие оказалось тяжелее, чем ожидал Жан-Батист. Провлинные дожди превратили дороги в грязевые потоки. Дважды экипаж застревал, и приходилось часами ждать помощи местных крестьян. В придорожных тавернах, где они останавливались на ночлег, было грязно и небезопасно.

Жерар, сопровождавший Жана-Батиста как охранник, оказался немногословным спутником. Бывший солдат больше наблюдал, чем говорил, хотя в опасных ситуациях проявлял завидную решительность и опыт.

На третий день пути, когда они пересекли границу Испанских Нидерландов, погода наконец улучшилась. Яркое летнее солнце быстро высушило дороги, и экипаж смог двигаться быстрее.

– Мы будем в Брюсселе к вечеру, если не случится новых задержек, – сообщил Жерар, глядя на дорожные столбы.

– Хорошая новость, – отозвался Жан-Батист, уставший от тряски в карете.

Он размышлял о предстоящей встрече с Марией Медичи. Что может знать изгнанная королева-мать о маркизе де Ла Крозе? И почему кардинал, её предполагаемый враг, обращается к ней за помощью?

– Вы когда-нибудь встречали королеву-мать? – спросил он Жерара.

– Много раз. – Охранник кивнул. – Граф Россини часто посещал её, когда она ещё была регентшей при молодом короле.

– Какая она?

– Умная. Властная. Не лишена обаяния, когда хочет. – Жерар усмехнулся. – И опасная как гадюка, если её разозлить. Не зря её сравнивают с Екатериной Медичи.

– Её двоюродной бабкой, – заметил Жан-Батист.

– Именно. Итальянские интриганки с железной волей – опасное сочетание.

Они замолчали, каждый погружённый в свои мысли. Жерар, казалось, высказал больше слов за последнюю минуту, чем за все предыдущие дни.

К вечеру, как и предсказывал охранник, показались стены Брюсселя. Город, столица Испанских Нидерландов, выглядел богатым и оживлённым. На улицах смешивались разные языки – фламандский, французский, испанский, итальянский. Купцы предлагали товары со

всей Европы, офицеры испанской армии прогуливались под руку с нарядными дамами, священники спешили по своим делам.

Жерар направил экипаж к небольшому особняку на окраине города.

– Здесь остановимся, – сказал он. – Место принадлежит одному из наших. Можно говорить свободно.

"Наших" – Хранителей Печати, понял Жан-Батист. Сеть ордена, очевидно, простиралась далеко за пределы Франции.

Хозяин дома, пожилой фламандец с добродушным лицом и цепкими глазами, встретил их с подчёркнутым радушием. Когда Жерар показал ему перстень с пчелой, старик низко поклонился.

– Для меня честь принять брата Хранителя, – сказал он на хорошем французском. – Моя семья служит ордену уже три поколения.

Им предоставили лучшие комнаты, накормили сытным ужином и предложили отдохнуть с дороги. Но уже через час после их прибытия в дверь постучали.

Вошёл юноша в ливрее королевского дома:

– Её величество королева Мария Медичи извещена о вашем прибытии и готова принять месье Ламбера немедленно.

– Как она узнала? – удивился Жан-Батист. – Мы только прибыли!

Жерар усмехнулся:

– У королевы-матери свои источники информации. Ничто не происходит в Брюсселе без её ведома.

– Не стоит заставлять её ждать, – добавил хозяин дома. – Мария Медичи не славится терпением.

Через полчаса Жан-Батист уже входил в элегантный особняк, служивший резиденцией изгнанной королевы-матери. Для человека в изгнании Мария Медичи жила на удивление роскошно. Мраморные полы, шелковые гобелены, картины лучших мастеров, ливрейные слуги – всё говорило о богатстве и власти.

Его провели в небольшой, но изысканно обставленный салон. Там, в кресле у камина, сидела женщина, в которой, несмотря на отсутствие короны, безошибочно угадывалась королева.

Мария Медичи, вдова Генриха IV и мать Людовика XIII, была всё ещё красива, несмотря на свои пятьдесят семь лет. Тёмные волосы с проседью, уложенные в сложную причёску, гордая осанка, внимательные глаза, смотрящие с неприкрытым интересом.

Жан-Батист склонился в глубоком поклоне:

– Ваше величество, для меня честь...

– Оставим формальности, месье Ламбер. – Голос королевы был низким, с сильным итальянским акцентом. – В моём положении они звучат почти насмешкой. Садитесь.

Она указала на стул напротив. Жан-Батист сел, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом Марии Медичи.

– Вы привезли письмо от кардинала, – это было утверждение, не вопрос.

– Да, ваше величество. – Он достал запечатанный конверт.

Королева-мать взяла письмо, но не стала открывать его.

– Значит, вы новый протеже Армана, – задумчиво сказала она, разглядывая Жана-Батиста. – И наследник графа Россини в ордене. Интересный выбор.

– Вы знали графа?

– Конечно. – Мария Медичи слегка улыбнулась. – Альберто был... близким другом. Одним из немногих, кому я доверяла полностью.

Жан-Батист уловил особую интонацию при слове "близким" и понял, что отношения между графом и королевой были, возможно, больше чем дружескими.

– Его смерть – огромная потеря, – продолжала Мария Медичи. – Не только для меня, но и для Хранителей Печати. В эти беспокойные времена ордену не хватает людей с его расчётливостью.

– Вы знаете, кто мог убить его? – спросил Жан-Батист.

Королева-мать внимательно посмотрела на него:

– У вас есть подозрения?

– Маркиз де Ла Кроз, – осторожно ответил он. – Или кто-то из его фракции.

– Возможно. – Она кивнула. – Рене всегда был амбициозен. И опасно увлечён определёнными... идеями. – Она сделала паузу. – Но он не единственный, у кого были мотивы избавиться от Альберто.

– Кто ещё?

– Испанская корона. Габсбурги в Вене. Английские агенты. – Мария Медичи перечисляла потенциальных врагов спокойно, словно список покупок. – Россини знал слишком много. И не боялся использовать это знание.

Она наконец вскрыла письмо кардинала и быстро пробежала глазами по строчкам. Её лицо оставалось бесстрастным, но Жан-Батист заметил, как на мгновение сжались её губы.

– Арман беспокоится о Версале, – сказала она, откладывая письмо. – И правильно делает. То место... особенное.

– Вы тоже верите в мистические свойства Версаля? – осторожно спросил Жан-Батист.

Мария Медичи рассмеялась – неожиданно молодым, звонким смехом:

– Верю ли я? Месье Ламбер, я выросла во Флоренции. В городе, где Медичи столетиями покровительствовали не только искусствам, но и... другим знаниям. Более тёмным знаниям. – Она наклонилась вперёд. – Я видела вещи, которые ваш рациональный ум отказался бы принять.

– И Версаль действительно расположен на каком-то особенном месте?

– На перекрестке древних линий силы, известных друидам, римлянам и, позже, тамплиерам. Место, где грань между мирами тонка. – Она сделала паузу. – Место, которое маркиз де Ла Кроз стремится контролировать.

– Для чего?

– Для своей революции, конечно. – Мария Медичи встала и подошла к небольшому секретеру. – Но не той, о которой он говорит публично. Не просто свержение монархий и установление республик. Нет, его амбиции гораздо... грандиознее.

Она открыла ящик секретера и достала небольшую книгу в тёмно-красном переплёте.

– Вы знаете, что такое Красная книга, месье Ламбер? – спросила она, поворачиваясь к нему.

Жан-Батист напрягся:

– Список всех агентов Хранителей по всей Европе, насколько я понимаю.

– Это лишь часть правды. – Королева-мать покачала головой. – Красная книга содержит не только имена агентов, но и... ключи.

– Ключи?

– К древним местам силы по всей Европе. К тайникам с артефактами тамплиеров. К знаниям, которые могут изменить мир. – Она положила книгу на стол между ними. – То, что вы видите, – копия. Неполная. Оригинал был у Альберто Россини.

– И теперь он исчез, – понял Жан-Батист. – Вот почему все его ищут. Вот почему убили графа.

– Да. – Мария Медичи кивнула. – Но Альберто был умён. Он предвидел опасность и спрятал книгу. А ключ к её местонахождению... – Она посмотрела на руку Жана-Батиста, где под перчаткой скрывался перстень с пчелой. – Ключ он передал вам.

– Перстень? – Жан-Батист снял перчатку, обнажая золотой перстень с изображением пчелы. – Но как он может быть ключом? Это просто украшение.

– Ничто у Хранителей Печати не является "просто" чем-то. – Королева-мать взяла его руку, изучая перстень. – Видите эти маленькие бороздки на внутренней стороне? Это не просто орнамент. Это код. Координаты.

– Координаты чего?

– Места, где спрятана Красная книга. – Она отпустила его руку. – К сожалению, я не могу прочитать этот код. Такое умение передаётся только Хранителям Архива, которым был Альберто. И которым теперь являетесь вы.

Жан-Батист почувствовал тяжесть ответственности, опускающуюся на его плечи. Он – ключ к книге, которая может изменить судьбу Европы. Книге, за которой охотятся опасные люди.

– Как я могу научиться читать этот код?

– Через медитацию. Через сны. – Мария Медичи пожала плечами. – Альберто говорил, что знание придёт к наследнику, когда придёт время. Что-то связанное с коллективной памятью ордена.

– Звучит... мистически.

– Всё в ордене мистично, месье Ламбер. – Она снова села в кресло. – Даже те члены, кто считает себя рационалистами, как маркиз де Ла Кроз, используют силы, которые не понимают полностью.

Она взяла письмо кардинала и бросила его в камин. Бумага вспыхнула, превращаясь в пепел.

– Передайте Арману, что я помогу чем смогу. Мои шпионы будут следить за маркизом. Особенно за его действиями в Версале. – Она помолчала. – Скажите также, что мои условия остаются прежними – полное прощение и возвращение во Францию, когда угроза будет устранена.

– Я передам, ваше величество.

– И ещё кое-что, месье Ламбер. – Мария Медичи наклонилась ближе. – Будьте осторожны с мадам де Вивье.

Жан-Батист удивлённо поднял брови:

– С Селестой? Но она, кажется, противница маркиза. Она предупреждала меня о его планах.

– Возможно. – Королева-мать загадочно улыбнулась. – Или возможно, она играет более сложную игру, чем кажется. Селеста де Вивье не та, за кого себя выдаёт. Я знаю её настоящую историю.

– Какую историю?

– Спросите её сами, когда вернётесь. – Мария Медичи встала, показывая, что аудиенция окончена. – Спросите её о Флоренции. О семье Орсини. И о том, как на самом деле погиб её муж.

С этими загадочными словами королева-мать отпустила озадаченного Жана-Батиста, оставив его с новыми вопросами и с ещё большим грузом тайн, чем раньше.

Дорога во Францию, два дня спустя

Обратный путь оказался более напряжённым, чем дорога в Брюссель. Жерар несколько раз замечал подозрительных всадников, следовавших за их экипажем на расстоянии. В маленьком городке у границы им пришлось сменить карету и одежду, чтобы сбить преследователей со следа.

– За нами охотятся, – мрачно сказал охранник, когда они остановились на ночлег в придорожной таверне. – Кто-то узнал о вашей миссии.

– Маркиз де Ла Кроз? – спросил Жан-Батист.

– Возможно. Или испанские шпионы. Или агенты Габсбургов. – Жерар проверил свои пистолеты. – В любом случае, нужно быть готовыми к нападению.

Нападение произошло на следующий день, когда они пересекали лесистый участок дороги в нескольких милях от французской границы. Четверо вооружённых всадников внезапно выскочили из-за поворота, преграждая путь. Ещё двое появились сзади, отрезая отступление.

Жерар действовал мгновенно. Выхватив пистолеты, он выстрелил дважды, сбив с лошади двух передних нападающих. Затем выхватил шпагу и крикнул кучеру:

– Гони!

Карета рванулась вперёд, проскочив между оставшимися всадниками. Жан-Батист, вооружённый только кинжалом, пригнулся, когда пуля разбила стекло кареты.

Началась погоня. Кучер безжалостно погонял лошадей, карета неслась по лесной дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Жерар, высунувшись из окна, стрелял из запасного пистолета, пытаясь отпугнуть преследователей.

– Кто они? – крикнул Жан-Батист.

– Наёмники, – коротко ответил Жерар. – Профессионалы. Определённо не обычные разбойники.

Внезапно карета резко дёрнулась и накренилась. Треск ломающегося дерева сообщил о том, что колесо не выдержало безумной гонки.

– Выбираемся! – скомандовал Жерар, распахивая дверцу. – В лес! Быстро!

Они выпрыгнули на ходу. Жан-Батист больно ударился о землю, но тут же вскочил и бросился в чащу вслед за Жераром. Позади слышались крики преследователей.

– Разделимся, – задыхаясь, сказал охранник. – Так у нас больше шансов. Вы – главная цель. Уводите их подальше от границы. Я попытаюсь зайти им в тыл.

– Но я не знаю этих лесов...

– Держитесь на юг. К вечеру должны выйти к реке. Там есть паром. – Жерар протянул ему один из своих пистолетов. – Удачи, месье Ламбер. И помните – перстень важнее вашей жизни.

С этими словами он скрылся в кустах, двигаясь в противоположном направлении.

Жан-Батист бежал сквозь лес, стараясь держаться подальше от тропинок. Ветки хлестали по лицу, ноги вязли в густом подлеске. Позади слышались голоса преследователей, но они, кажется, потеряли его след и рассредоточились по лесу.

К сумеркам, измученный и изодранный колючками, он действительно вышел к реке. Широкий, неторопливый поток отделял его от Франции. На противоположном берегу виднелись огни маленькой деревушки.

Но парома, о котором говорил Жерар, нигде не было видно. Либо охранник ошибся, либо паром уже не действовал.

Жан-Батист в отчаянии огляделся. Переплыть реку он не мог – течение было слишком сильным, а он никогда не был хорошим пловцом. Остаться на месте означало рано или поздно попасться преследователям.

И тут он заметил маленькую рыбацкую лодку, привязанную к дереву немного выше по течению. Решение пришло мгновенно.

Оглядываясь по сторонам, он пробрался к лодке, отвязал её и осторожно столкнул на воду. Лодка была старой и протекала, но могла выдержать короткое путешествие через реку.

Используя найденное на дне весло, Жан-Батист начал грести к противоположному берегу. Течение сносило лодку, но он упорно направлял её к огням деревни.

На середине реки он услышал крики с берега. Преследователи нашли его. Несколько выстрелов прозвучали в сумеречном воздухе, но пули лишь подняли фонтанчики воды вокруг лодки.

С удвоенной энергией Жан-Батист налёг на весло. Его руки, непривычные к такой работе, горели от боли. Но страх придавал силы. Лодка медленно, но верно приближалась к противоположному берегу.

Наконец киль скрежетнул о песчаное дно. Жан-Батист выпрыгнул в воду и, спотыкаясь, побрёл к берегу. Обернувшись, он увидел, что один из преследователей пытается переплыть реку верхом на лошади. Остальные, видимо, отправились искать брод или лодку.

Выбравшись на берег, Жан-Батист побежал к деревне. Его одежда была мокрой и грязной, лицо исцарапано ветками, но главное – он был жив. И перстень всё ещё был на его пальце.

В деревне его приняли за жертву разбойников – обычное дело в этих местах. Добрая женщина, хозяйка единственной таверны, предложила ему еду, сухую одежду и место у огня. За несколько монет она также пообещала найти кого-нибудь, кто отвезёт его в ближайший большой город.

– А что с вашим спутником? – спросила она. – Тем, что приехал раньше?

– Моим спутником? – удивился Жан-Батист.

– Да, пожилой господин. Сказал, что ждёт друга, который должен переправиться через реку. – Женщина указала на угол таверны, где за дальним столиком сидел человек в дорожном плаще с капюшоном.

Жан-Батист напрягся. Жерар не мог оказаться здесь раньше него. Кто этот человек?

Незнакомец поднял голову, и Жан-Батист с удивлением узнал знакомое лицо с холодными серыми глазами и тонкими аристократическими чертами.

Маркиз де Ла Кроз приветственно поднял бокал:

– Добрый вечер, месье Ламбер. Рад, что вам удалось благополучно пересечь реку.

Глава 5: Испытание верности

Жан-Батист застыл, не зная, что делать. Бежать? Но он был слишком измучен долгим днём. Драться? Но он не был бойцом, а маркиз, несмотря на возраст, имел репутацию отличного фехтовальщика.

Де Ла Кроз, казалось, читал его мысли.

– Не волнуйтесь, месье Ламбер, – сказал он, указывая на стул напротив. – Если бы я хотел причинить вам вред, я бы не стал ждать вас в таверне за бокалом вина. Присаживайтесь. Вы выглядите так, будто вам не помешает отдых.

С опаской Жан-Батист приблизился и сел за стол, не спуская глаз с маркиза.

– Это ваши люди преследовали нас? – прямо спросил он.

– Мои? – Де Ла Кроз выглядел искренне удивлённым. – Нет. Если бы я хотел перехватить вас, я бы сделал это гораздо элегантнее. И уж точно не стал бы устраивать погоню с пальбой, привлекающую внимание всей округи.

– Тогда кто?

– Наиболее вероятно – испанские агенты. – Маркиз пожал плечами. – Визит доверенного лица кардинала Ришелье к изгнанной королеве-матери Франции не мог остаться незамеченным. Особенно в Брюсселе, где каждый второй – шпион той или иной державы.

Жан-Батист посмотрел на бокал вина, который маркиз пододвинул к нему:

– Откуда вы узнали о моей миссии?

– У меня свои источники. – Де Ла Кроз улыбнулся. – Как и у Хранителей Печати, достойных этого имени.

Жан-Батист колебался. Стоит ли доверять этому человеку? Человеку, которого кардинал Ришелье считал опасным радикалом, готовым погрузить Европу в хаос ради своих идей?

Но с другой стороны – если маркиз хотел причинить ему вред, у него было множество более удобных возможностей.

– Что вам нужно от меня? – наконец спросил он.

– Информация, – просто ответил де Ла Кроз. – О том, что сказала вам Мария Медичи. О перстне, который вы носите. О Красной книге.

– Я не могу...

– Разумеется, можете. – Маркиз наклонился вперёд. – Потому что я не прошу вас предать кардинала или орден. Я сам часть ордена. Я лишь хочу, чтобы вы увидели полную картину, прежде чем сделаете выбор.

– Какую полную картину?

– Ту, которую от вас скрывают. Правду о перстне, о книге, о настоящих планах консервативной фракции Хранителей.

Жан-Батист отпил глоток вина. Оно было хорошим, гораздо лучше, чем можно было ожидать в деревенской таверне. Очевидно, маркиз привёз его с собой.

– Почему я должен верить вам больше, чем кардиналу? Или мадам де Вивье? Или королеве-матери?

– Не должны. – Де Ла Кроз откинулся на спинку стула. – Не верьте никому из нас полностью. Соберите все части правды и составьте собственное мнение. В этом и есть ваша роль как Хранителя Архива – не просто запоминать факты, но и анализировать их, видеть скрытые связи.

Это звучало разумно. И льстило его интеллекту.

– Хорошо, – решил Жан-Батист. – Я выслушаю вашу версию.

Де Ла Кроз удовлетворённо кивнул:

– Начнём с перстня. Он действительно ключ к местонахождению Красной книги, как наверняка сказала вам королева-мать. Но это не всё. Перстень Хранителя Архива – также ключ к секретным знаниям ордена. К информации, которая передаётся от одного архивариуса к другому, минуя даже Совет.

– Какого рода информация?

– Имена предателей. Сведения о секретных фондах ордена. Местонахождение древних артефактов. – Маркиз сделал паузу. – И правда о происхождении Хранителей Печати.

– Я думал, они произошли от тамплиеров.

– Это официальная история. Та, которую рассказывают новичкам. Правда гораздо древнее и... сложнее. – Де Ла Кроз задумчиво вертел свой бокал. – Россини знал её. И теперь, как его преемник, вы тоже должны знать.

– Откуда мне получить эту информацию? Граф умер, не успев посвятить меня ни в какие тайны.

– Через перстень. – Маркиз указал на руку Жана-Батиста. – Он не просто символ или ключ к физическому хранилищу. Это... как бы лучше объяснить... ключ к коллективной памяти ордена. К знаниям, которые передаются не через книги или устные наставления, а через особую форму... преемственности.

– Звучит мистически, – заметил Жан-Батист с сомнением.

– Как я уже говорил в Версале, истинный рационализм не отрицает непознанное. – Де Ла Кроз снова склонился вперёд. – Хранители Печати всегда находились на грани между наукой и тем, что непосвящённые называют магией. Но это не магия в обычном понимании. Скорее... забытая наука. Знания, опередившие своё время.

– И как я должен получить доступ к этим знаниям через перстень?

– Через сны. – Маркиз смотрел на него пристально. – Перстень активизирует определённые... способности разума. Способности, которые есть у всех людей, но обычно дремлют. Граф Россини выбрал вас не только из-за вашей феноменальной памяти. Он видел в вас потенциал к тому, что мы называем "глубоким восприятием".

Жан-Батист вспомнил свои странные сны за последние дни. Сны, в которых он видел незнакомые места, людей в старинных одеждах, слышал разговоры на языках, которых никогда не учил.

– Допустим, – осторожно сказал он. – Но какое это имеет отношение к вашей фракции и планам революции в Европе?

– Прямое. – Де Ла Кроз понизил голос. – Видите ли, знания, заключённые в Красной книге и в коллективной памяти ордена, могут изменить мир гораздо более фундаментально, чем простая политическая революция. Они могут изменить само человеческое сознание.

– Каким образом?

– Пробуждением скрытых способностей разума. Способностей, которые церковь и монархии веками подавляли, боясь потерять контроль над населением. – Маркиз говорил с возрастающей страстью. – Представьте мир, где каждый человек имеет доступ к своему полному потенциалу. К интуиции, которая сейчас считается "шестым чувством". К памяти, подобной вашей. К способности видеть связи между явлениями, которые сейчас кажутся несвязанными.

– И для этого вам нужен Версаль? – спросил Жан-Батист.

– Да. – Де Ла Кроз кивнул. – Версаль построен на одной из сильнейших точек пересечения древних линий энергии. Точке, где барьеры между различными уровнями сознания наиболее тонки. С правильной архитектурой, с правильными символами, встроенными в саму структуру дворца и садов, это место может стать... усилителем.

– Усилителем для чего?

– Для процесса пробуждения. – Маркиз обвёл рукой, словно очерчивая невидимый купол. – Представьте: королевский двор, съехавшийся в Версаль по прихоти монарха. Дво-

ряне, дипломаты, интеллектуалы – все сливки европейского общества. И все они, сами того не зная, подвергаются влиянию архитектуры, садов, фонтанов, специально спроектированных для активации скрытых способностей разума.

– Это звучит как... – Жан-Батист запнулся, подбирая слово.

– Как манипуляция? – подсказал де Ла Кроз. – Возможно. Но разве не манипуляцией является вся современная структура власти? Церковь манипулирует страхом ада. Монархи – "божественным правом". Богатые – экономическим принуждением. – Он сделал паузу. – Мы лишь хотим использовать более... тонкие методы. Методы, которые не порабощают разум, а освобождают его.

Жан-Батист задумался. План маркиза звучал одновременно безумно и притягательно. Мир, где люди освобождены от предрассудков, где каждый может реализовать свой полный потенциал...

– А что делает ваш план лучше, чем планы консервативной фракции? – спросил он. – Чем планы кардинала?

– Кардинал хочет сохранить статус-кво с минимальными изменениями. – Де Ла Кроз покачал головой. – Сильная монархия, сильная церковь, традиционное общество с небольшими реформами. Это... застой, месье Ламбер. Человечество заслуживает большего.

– А если ваш план не сработает? Если вместо просвещения вы получите хаос?

– Риск есть всегда. – Маркиз пожал плечами. – Но бездействие – гарантированный застой.

Иногда нужно рискнуть всем ради великой цели.

Он допил вино и встал:

– Я не прошу вас принимать решение сейчас. Подумайте. Изучите перстень. Позвольте снам прийти. – Он положил на стол небольшой кожаный мешочек. – Здесь золото. Достаточно, чтобы нанять хороший экипаж до Парижа. А также рекомендательное письмо к моему другу в Реймсе, если вам понадобится безопасное убежище.

– Почему вы помогаете мне? – спросил Жан-Батист.

– Потому что верю в ваш потенциал. – Де Ла Кроз улыбнулся. – И потому что, в отличие от кардинала, я не боюсь свободного выбора. Пусть лучший аргумент победит, а не страх или принуждение.

С этими словами маркиз направился к двери. У самого выхода он обернулся:

– И ещё одно, месье Ламбер. Будьте осторожны с мадам де Вивье. Не всё в её истории так просто, как кажется. Спросите её о Флоренции, когда увидите.

Жан-Батист вздрогнул. Те же слова, что и Мария Медичи. Какая тайна связывала Селесту с Флоренцией?

Маркиз исчез в ночи, оставив Жана-Батиста с новыми вопросами, с мешочком золота и с растущим ощущением, что он находится в центре чего-то гораздо большего, чем обычная политическая борьба.

Париж, две недели спустя, 10 июля 1630 года

Возвращение в Париж прошло без происшествий. С золотом маркиза де Ла Кроза Жан-Батист смог нанять хороший экипаж и вооружённую охрану. На границе ему сообщили печальную новость – Жерар, его спутник, был найден мёртвым в лесу, с множеством ран от шпаги и пуль. Он, очевидно, дорого продал свою жизнь – рядом с телом нашли троих убитых.

Прибыв в столицу, Жан-Батист немедленно отправился в Пале-Кардинал для доклада. Но Ришелье не было на месте. Главный секретарь дю Трамбле сообщил, что кардинал находится в Фонтенбло с королём и вернётся не раньше, чем через неделю.

– Вас считали погибшим, месье Ламбер, – сказал старый секретарь с непонятной интонацией – то ли радости, то ли разочарования. – Когда нашли тело Жерара и следы схватки у реки...

– Мне повезло избежать засады, – кратко ответил Жан-Батист, не вдаваясь в подробности.

– Его высокопреосвященство будет рад услышать это. – Дю Трамбле указал на стол, заваленный бумагами. – А пока вы можете вернуться к своим обязанностям. За время вашего отсутствия накопилось много работы.

Следующие дни Жан-Батист провёл, разбирая накопившуюся корреспонденцию, составляя отчёты, систематизируя информацию. Работа была рутинной, но давала ему время обдумать всё услышанное – и от Марии Медичи, и от маркиза де Ла Кроза.

А ещё были сны. Каждую ночь Жан-Батист видел странные, яркие сновидения, в которых прошлое смешивалось с настоящим. Он видел рыцарей-тамплиеров, бегущих от преследования. Видел тайные собрания в подземельях средневековых замков. Видел учёных и философов, склонившихся над древними манускриптами. И каждый раз в этих снах присутствовал символ пчелы – на знамёнах, на перстнях, выгравированный на стенах.

Иногда в снах появлялись знакомые лица. Кардинал Ришелье, изучающий странные карты. Маркиз де Ла Кроз, проводящий какой-то ритуал в лесу. Селеста де Вивье в старинном флорентийском платье, беседующая с мужчиной, поразительно похожим на графа Россини.

Были ли это просто игры воображения, перерабатывающего дневные впечатления? Или нечто большее – активация того, что маркиз назвал "коллективной памятью ордена"?

На десятый день после возвращения, когда Жан-Батист работал в библиотеке Пале-Кардинал, к нему подошёл паж:

– Месье Ламбер, вас ожидает посетитель. В саду.

– Кто? – удивился Жан-Батист.

– Дама, месье. Она не назвала имени, но сказала, что вы её ждёте.

Заинтригованный, Жан-Батист отправился в сад. Среди аккуратно подстриженных кустов и цветущих роз он увидел знакомую фигуру – Селеста де Вивье в простом дорожном платье стояла у фонтана, рассеянно водя пальцами по воде.

– Мадам де Вивье, – произнес он, подходя. – Какой сюрприз.

– Месье Ламбер. – Она обернулась с улыбкой. – Я рада, что вы живы и здоровы. Ходили слухи...

– О моей смерти? – Жан-Батист улыбнулся. – Как видите, они сильно преувеличены.

– Чудесная новость. – Селеста жестом пригласила его сесть рядом на каменную скамью. – Я беспокоилась, когда узнала о нападении.

– Откуда вы узнали?

– У Хранителей свои способы коммуникации. – Она пожала плечами. – Даже между фракциями.

Они помолчали. Жан-Батист смотрел на неё, пытаясь увидеть за красивым лицом тайну, о которой намекали и Мария Медичи, и маркиз де Ла Кроз.

– Вы хотели меня видеть, мадам? – наконец спросил он.

– Да. – Селеста внимательно посмотрела на него. – Я слышала, что вы встречались с маркизом де Ла Крозом после Брюсселя. Это правда?

Жан-Батист напрягся:

– Кто вам сказал?

– Не важно. Важно то, что маркиз, очевидно, очень заинтересован в вас. В перстне, который вы носите. В том, что вы можете знать о Красной книге.

– И вы тоже заинтересованы?

– Разумеется. – Она не стала отрицать очевидное. – Но в отличие от маркиза, я не пытаюсь использовать её для изменения мирового порядка. Я лишь хочу сохранить баланс. Предотвратить катастрофу, которую могут вызвать необдуманные действия.

– Вы говорите как консерватор, – заметил Жан-Батист. – Как противник прогресса.

– Все нет. – Селеста покачала головой. – Я за прогресс, но постепенный, контролируемый. Безопасный. То, что предлагает де Ла Кроз, – не прогресс. Это авантюра с непредсказуемыми последствиями.

– Он говорит иначе. Говорит о мире, где каждый человек может раскрыть свой полный потенциал. О пробуждении скрытых способностей разума...

– И вы верите ему? – Селеста внимательно смотрела на него. – Верите, что маркиз действительно заботится о благе человечества, а не о собственной власти?

Жан-Батист задумался:

– Я не знаю, кому верить. Каждый говорит убедительно. Каждый утверждает, что действует ради высших целей. – Он посмотрел ей в глаза. – Может быть, вы поможете мне разобраться? Расскажите правду?

– Какую правду?

– О вас. О вашем прошлом. О Флоренции.

Селеста застыла. Её лицо побледнело.

– Кто сказал вам о Флоренции? Маркиз?

– И он тоже. И королева-мать. – Жан-Батист не отводил взгляда. – Они оба говорили, что вы не та, за кого себя выдаёте. Что история о вашем муже, графе де Вивье, не совсем правдива. Что вы связаны с семьёй Орсини.

Селеста долго молчала, глядя на воду в фонтане. Наконец она вздохнула:

– Они правы. Отчасти. Моя настоящая фамилия действительно Орсини. Старинный флорентийский род, связанный с Медичи узами крови и политики. – Она подняла глаза. – Но это не делает меня лжецом или предателем. Лишь... осторожным человеком с сложным прошлым.

– А граф де Вивье? Он действительно существовал? Действительно был вашим мужем?

– Да. И он действительно умер, защищая меня. Но... не от обычных убийц. И не на дуэли. – Селеста сжала руки. – Он погиб, защищая меня от агентов маркиза де Ла Кроза.

– Маркиза? Но почему?

– Потому что я знала слишком много. О его планах, о его связях с определёнными... оккультными кругами Флоренции. О ритуалах, которые он проводил в старых этрусских катакомбах под городом. – Селеста говорила тихо, но с нарастающей страстью. – Я была юной, наивной. Думала, что мы все работаем ради одной цели – просвещения, прогресса, свободы. Но потом увидела его истинное лицо. Увидела, что для него люди – лишь инструменты. Подопытные животные в его великом эксперименте.

– Каком эксперименте?

– По изменению человеческого сознания. По пробуждению... чего-то, что, возможно, лучше оставить спящим. – Она содрогнулась. – То, что он называет "скрытым потенциалом", может быть опасным, месть Ламбер. Дремлющие способности разума существуют не просто так. Возможно, они – защитный механизм, эволюционный барьер, предохраняющий нас от... самоуничтожения.

– Вы говорите загадками, мадам.

– Потому что полная правда может показаться безумием. – Селеста посмотрела на него с тревогой. – Скажите, вам снятся странные сны с тех пор, как вы получили перстень?

Жан-Батист вздрогнул:

– Да. Очень яркие, очень... реальные.

– Это начало. – Она кивнула. – Перстень активизирует определённые способности. Связывает вас с коллективной памятью ордена. Но есть и другие эффекты, о которых маркиз вам не рассказал. Эффекты, которые проявляются позже и могут быть... неприятными.

– Какие эффекты?

– Размытые границы между сном и явью. Видения, которые приходят среди бела дня. Голоса. Иногда – мысли, которые не кажутся вашими собственными. – Селеста положила

руку на его плечо. – Граф Россини был сильным человеком. Он научился контролировать эти эффекты за долгие годы. Но даже он в конце жизни жаловался на... побочные явления.

– Почему никто не предупредил меня об этом?

– Потому что каждая фракция хочет использовать вас. Использовать перстень. – Селеста грустно улыбнулась. – Даже я, признаюсь честно. Но в отличие от других, я хотя бы предупреждаю вас об опасностях.

– И что мне делать?

– Учиться контролировать эффекты перстня. Использовать его силу, не позволяя ей использовать вас. – Она наклонилась ближе. – Я могу помочь. Могу научить техникам, которые помогут сохранить рассудок и при этом получить доступ к нужной информации.

– Почему я должен доверять вам больше, чем другим?

– Не должны. – Селеста покачала головой. – Сделайте выбор сами. Но сначала послушайте, что я предлагаю.

Она рассказала ему о техниках медитации, позволяющих контролировать поток информации от перстня. О способах отличать собственные мысли от "внушённых". О древних практиках, помогающих сохранять ясность сознания даже при погружении в коллективную память ордена.

– Эти знания передаются в моей семье из поколения в поколение, – объяснила она. – Орсини всегда были связаны с Хранителями Печати, но занимали особое положение. Мы были не просто членами ордена, но и... наблюдателями. Хранителями равновесия между фракциями.

– И какова ваша цель сейчас?

– Предотвратить катастрофу. – Селеста выглядела искренне обеспокоенной. – План маркиза де Ла Кроза с Версалем опаснее, чем вы можете представить. Если он использует дворец как "усилитель", как он это называет, эффекты могут выйти далеко за пределы политических перемен. Это может изменить... саму реальность.

– Звучит фантастически, – заметил Жан-Батист.

– Потому что это фантастика. Безумная фантазия человека, ослеплённого жадной властью и знаний. – Селеста встала. – Я должна идти. Королева будет искать меня. Но обещайте, что подумаете над моими словами. Над моим предложением помощи.

– Обещаю.

– И ещё одно. – Она достала из кармана небольшой медальон на цепочке. – Носите это. Всегда. Это... защита от некоторых эффектов перстня. Особенно от нежелательных "вторжений" в ваш разум.

– Вторжений? – Жан-Батист озадаченно посмотрел на медальон. На нём был выгравирован странный символ – не пчела, а что-то вроде стилизованного солнца с глазом в центре.

– Есть те, кто может использовать связь, созданную перстнем, чтобы... влиять на ваши мысли. Внушать идеи, которые вы примете за свои. – Селеста вложила медальон в его руку. – Это старинный амулет моей семьи. Он не блокирует полностью эффекты перстня, но создаёт... фильтр. Барьер для нежелательных влияний.

Жан-Батист принял медальон, не зная, верить ли в его силу. Всё это звучало слишком похоже на суеверия, которые он, как человек Просвещения, склонен был отвергать. И всё же... его сны, его опыт с перстнем подсказывали, что в мире есть больше тайн, чем может объяснить рациональная наука его времени.

– Благодарю, – сказал он, надевая медальон и пряча его под одеждой. – Я буду осторожен.

– Надеюсь. – Селеста смотрела на него с неподдельной тревогой. – Потому что ставки в этой игре выше, чем вы думаете. И проигрыш будет стоить больше, чем жизнь.

С этими словами она ушла, оставив Жана-Батиста в смятении. Кому верить? Кардиналу с его консервативным прагматизмом? Маркизу с его радикальными идеями? Селесте с её предостережениями? Или только своему разуму, своей интуиции?

Ответ пришёл неожиданно – не из логических рассуждений, а из глубины его существа: верить нужно не людям, а идеям. Оценивать не намерения, а возможные последствия. И в этой оценке полагаться не только на разум, но и на то, что люди называют совестью.

Что, если маркиз прав, и его план действительно может "пробудить" человечество? Но что, если Селеста тоже права, и это пробуждение будет катастрофой? Как решить, какая цена приемлема для прогресса?

Эти вопросы преследовали Жана-Батиста весь день, пока он возвращался к своим обязанностям в Пале-Кардинал, не зная, что вскоре ему придётся столкнуться с ещё более сложным выбором.

Пале-Кардинал, 15 июля 1630 года

– Вы живы! – Кардинал Ришелье не скрывал удивления и радости, встречая Жана-Батиста в своём кабинете. – Когда доложили о нападении и смерти Жерара, я опасался худшего.

– Мне повезло избежать засады, ваше высокопреосвященство, – ответил Жан-Батист, склоняясь в поклоне.

Кардинал только что вернулся из Фонтенбло, где провёл более недели с королём. Он выглядел уставшим, но энергичным, как человек, получивший новый импульс для действий.

– Садитесь, месье Ламбер. – Ришелье указал на кресло. – И расскажите мне всё. О встрече с королевой-матерью. О нападении. О том, как вы спаслись. Не упускайте ни одной детали.

Жан-Батист подробно описал свою поездку, встречу с Марией Медичи, её слова о Красной книге и о связи перстня с ней. Рассказал о нападении на обратном пути, о героической гибели Жерара, о своём бегстве через реку.

Но он умолчал о встрече с маркизом де Ла Крозом в таверне. И о том, что маркиз помог ему вернуться во Францию, предоставив золото и охрану.

Также он не упомянул о недавней встрече с Селестой де Вивье и о медальоне, который теперь носил под одеждой.

Кардинал внимательно слушал, иногда задавая уточняющие вопросы. Когда Жан-Батист закончил, Ришелье задумчиво постукивал пальцами по столу.

– Королева-мать права насчёт перстня, – наконец сказал он. – Это действительно ключ к местонахождению Красной книги. Но не только в физическом смысле. – Он внимательно посмотрел на Жана-Батиста. – Вам снятся странные сны, месье Ламбер?

– Да, ваше высокопреосвященство, – признался Жан-Батист, удивлённый прямотой вопроса. – Очень яркие и... исторические. Словно воспоминания о событиях, которых я не мог видеть.

– Это начало. – Кардинал кивнул, почти дословно повторяя слова Селесты. – Перстень Хранителя Архива активирует определённые способности разума. Связывает вас с коллективной памятью ордена. Граф Россини сказал мне однажды, что носитель перстня может "вспомнить" события, произошедшие за столетия до его рождения, с такой же ясностью, как события вчерашнего дня.

– Это... пугающая перспектива, – признался Жан-Батист.

– И опасная. – Ришелье наклонился вперёд. – Есть риск потерять себя в этом потоке чужих воспоминаний. Забыть, где заканчиваетесь вы и начинаются они.

– Есть ли способ контролировать это?

– Россини использовал определённые техники медитации. Практики, пришедшие с Востока через тамплиеров. – Кардинал задумался. – Я могу найти учителя, который поможет вам освоить эти техники. Но это потребует времени.

– А пока?

– Пока старайтесь не погружаться слишком глубоко в сны. Отделяйте чужие воспоминания от своих собственных. И главное – помните, кто вы и чему служите. – Ришелье встал и подошёл к окну. – Маркиз де Ла Кроз будет пытаться использовать эту связь, чтобы влиять на вас. Внушать идеи, которые вы примете за свои.

Снова те же слова, что говорила Селеста. Жан-Батист невольно коснулся медальона под одеждой.

– Как он может это сделать?

– У маркиза есть... способности. Развитые за долгие годы изучения оккультных практик. – Кардинал говорил неохотно, словно признавая нечто, о чём предпочёл бы молчать. – Он может проникать в сны. Может создавать иллюзии, неотличимые от реальности. Может даже... временно подчинять волю людей со слабым разумом.

– Я думал, вы не верите в такие вещи, ваше высокопреосвященство, – осторожно заметил Жан-Батист.

– Я верю в то, что видел своими глазами, месье Ламбер. – Ришелье повернулся к нему. – А я видел, как маркиз использовал свои... таланты. Видел результаты его экспериментов. – Он помрачнел. – Именно поэтому я так опасуюсь его планов для Версаля.

– Вы знаете о его намерениях использовать дворец как "усилитель"?

– Да. – Кардинал кивнул. – Маркиз давно одержим идеей создать место, где барьеры между разумами истончаются. Где мысли могут передаваться напрямую, без слов. Где человеческое сознание может быть... перепрограммировано.

– Это звучит безумно.

– Безумно, но не невозможно. – Ришелье сел обратно за стол. – В истории есть прецеденты. Места, где архитектура, символика, даже расположение звёзд создавали... особые условия для человеческого разума. Древние храмы в Египте. Определённые соборы в Европе. Даже некоторые языческие святилища.

– И вы думаете, что план маркиза может сработать?

– Я думаю, что он может иметь эффект. Но не тот, на который рассчитывает де Ла Кроз. – Кардинал сложил руки домиком. – Видите ли, месье Ламбер, человеческий разум – хрупкий инструмент. Попытки форсировать его эволюцию могут привести не к просветлению, а к безумию. Массовому безумию.

– Тогда мы должны остановить его.

– Именно. Но для этого нам нужна Красная книга. – Ришелье подался вперёд. – В ней содержится информация не только об агентах ордена, но и о древних местах силы по всей Европе. О ритуалах и контр-ритуалах. О способах нейтрализовать эффекты подобных... экспериментов.

– И ключ к книге – мой перстень.

– Да. Поэтому маркиз будет охотиться за вами. Будет пытаться либо завербовать вас, либо... устранить и забрать перстень. – Кардинал посмотрел на него серьёзно. – Вы в опасности, месье Ламбер. Больше, чем можете представить.

Жан-Батист задумался. Слова кардинала перекликались с предостережениями Селесты. Но часть его всё ещё сомневалась. Что, если маркиз де Ла Кроз прав? Что, если его план действительно может привести к новой эре для человечества? Эре знаний, свободы, раскрытия полного потенциала человеческого разума?

– Ваше высокопреосвященство, – медленно произнёс он. – А что, если маркиз прав? Что, если мы упускаем возможность совершить скачок в эволюции? Стать... чем-то большим?

Ришелье внимательно посмотрел на него:

– Вы уже говорили с ним, не так ли? После Брюсселя.

Жан-Батист напрягся, но решил не лгать:

– Да. Он нашёл меня в таверне на границе, после того как я сбежал от преследователей.

– И он убедительно говорил о своём видении будущего, – это было утверждение, не вопрос.

– Да, – признал Жан-Батист. – Его идеи... привлекательны. Мир без предрассудков, без тирании, где каждый человек может реализовать свой полный потенциал...

– Утопия, – мягко сказал кардинал. – Прекрасная мечта, месье Ламбер. Но история учит нас, что за утопиями обычно следуют кровавые кошмары. – Он встал и подошёл к книжному шкафу. – Позвольте рассказать вам историю, которой нет в книгах. Историю о человеке, которого я знал лично.

Он достал с полки небольшой портрет в простой рамке. На нём был изображён молодой человек с умными глазами и мягкой улыбкой.

– Филипп де Ноай, – сказал Ришелье, протягивая портрет Жану-Батисту. – Мой друг юности. Блестящий ум. Философ, учёный, визионер. Он тоже мечтал о мире без предрассудков, о новой эре для человечества. И у него были... способности. Похожие на те, что есть у маркиза де Ла Кроза.

– Что с ним случилось?

– Он провёл эксперимент. Не такой масштабный, как планирует маркиз, но основанный на тех же принципах. – Кардинал помрачнел. – Он собрал двадцать добровольцев – молодых, идеалистичных, как и он сам. Они удалились в старинное аббатство в Бургундии, где Филипп создал... усилитель. Меньшую версию того, что планирует де Ла Кроза для Версаля.

– И что произошло?

– Сначала – эйфория. Участники эксперимента сообщали о расширении сознания, о способности читать мысли друг друга, о видениях прошлого и будущего. Филипп был в восторге, считал, что совершил прорыв. – Ришелье глубоко вздохнул. – А потом начался ад. Границы между разумами участников разрушились полностью. Они не могли отличить свои мысли от чужих. Свои воспоминания от коллективных. Своё "я" от других.

– Что случилось дальше?

– Массовое безумие. Паника. Насилие. – Кардинал говорил тихо, но каждое слово было тяжёлым, как камень. – Когда я прибыл туда, семнадцать из двадцати участников были мертвы. Некоторые убили себя, не выдержав потока чужих сознаний. Некоторые убили друг друга, не понимая, где заканчивается их личность и начинается чужая. Филипп был среди немногих выживших, но...

Ришелье забрал портрет и бережно вернул его на полку.

– Он никогда не оправился. Провёл остаток жизни в монастыре, где монахи заботились о нём. Он не узнавал меня. Не помнил своего имени. Просто сидел и смотрел в пустоту, иногда бормоча на языках, которых никогда не учил.

Жан-Батист почувствовал холодок по спине:

– И вы думаете, что план маркиза приведёт к подобному результату, но в гораздо большем масштабе?

– Я уверен в этом. – Кардинал вернулся к столу. – Человеческий разум не готов к такому... расширению. Не сейчас. Возможно, никогда. Эволюция работает медленно, постепенно, именно потому, что каждое изменение должно быть стабильным, прежде чем наступит следующее.

Он посмотрел Жану-Батисту прямо в глаза:

– Вот почему я так настаиваю на постепенных реформах, а не на революциях. Вот почему я поддерживаю консервативную фракцию Хранителей Печати, а не радикалов вроде де Ла Кроза. Не из страха перед переменами, а из понимания их цены.

Жан-Батист молчал, обдумывая услышанное. История о Филиппе де Ноае была убедительной. И пугающей. Особенно в свете его собственного опыта с перстнем – странных снов, ощущения чужих воспоминаний, проникающих в его сознание.

– Что вы хотите, чтобы я сделал, ваше высокопреосвященство? – наконец спросил он.

– Найдите Красную книгу, – просто ответил кардинал. – Используйте перстень, чтобы расшифровать код. Но будьте осторожны. Не погружайтесь слишком глубоко в коллективную память ордена. Сохраняйте своё "я".

– А когда я найду книгу?

– Принесите её мне. Я передам её Совету Хранителей. Они найдут способ нейтрализовать план маркиза без кровопролития. – Ришелье сделал паузу. – И потом вы будете свободны, месье Ламбер. Свободны вернуться к нормальной жизни, если пожелаете.

Жан-Батист не был уверен, что "нормальная жизнь" всё ещё возможна для него после всего, что он узнал и пережил. Но предложение кардинала звучало разумно. Найти книгу, предотвратить возможную катастрофу, а затем решить свою дальнейшую судьбу.

– Я сделаю всё, что в моих силах, ваше высокопреосвященство, – сказал он, вставая. – Но мне нужно время, чтобы научиться контролировать эффекты перстня. Чтобы понять, как прочесть код.

– Времени мало, месье Ламбер. – Кардинал тоже встал. – Строительство Версаля уже началось. Король полон энтузиазма. А маркиз де Ла Кроз уже влияет на планы архитекторов, внося свои... модификации.

– Я понимаю.

– И ещё одно. – Ришелье понизил голос. – Будьте осторожны с мадам де Вивье.

Жан-Батист напрягся:

– Почему?

– Потому что её лояльность... неоднозначна. – Кардинал внимательно смотрел на него. – Она не та, за кого себя выдаёт.

– Вы говорите о её прошлом? О Флоренции? О семье Орсини?

– Вижу, вы уже знаете, – кивнул Ришелье. – Но знаете ли вы, что Орсини были тесно связаны с де Ла Крозом в прошлом? Что они участвовали в его ранних... экспериментах? Что муж Селесты погиб при обстоятельствах гораздо более загадочных, чем она рассказывает?

Жан-Батист почувствовал, как медальон, подаренный Селестой, словно обжёг кожу под одеждой.

– Она сказала, что её муж погиб, защищая её от агентов маркиза.

– Возможно. Или это часть более сложной игры. – Кардинал пожал плечами. – В любом случае, держите свои мысли при себе, месье Ламбер. И помните: в этой игре каждый преследует свои цели. Даже те, кто кажется искренне заботящимся о вашем благе.

Улицы Парижа, тот же день, вечер

После встречи с кардиналом Жан-Батист решил прогуляться по улицам Парижа, чтобы проветрить голову и обдумать всё услышанное. Летний вечер был тёплым и приятным. Горожане заполняли улицы, спеша по своим делам или просто наслаждаясь хорошей погодой.

Он шёл без определённой цели, погружённый в свои мысли, когда вдруг заметил знакомую фигуру в толпе – д'Артаньян, молодой мушкетёр, с которым он подружился, направлялся к таверне "Серебряный голубь".

– Д'Артаньян! – окликнул его Жан-Батист.

Мушкетёр обернулся, и его лицо озарилось радостной улыбкой:

– Ламбер! Чёрт возьми, вы живы! – Он бросился к другу и крепко обнял его. – Я слышал о нападении на границе. Все думали, что вы погибли!

– Как видите, слухи о моей смерти сильно преувеличены, – улыбнулся Жан-Батист, повторяя фразу, сказанную Селесте.

– Это нужно отпраздновать! – воскликнул д'Артаньян. – Я как раз направлялся в "Серебряный голубь", где должен встретиться с Атосом, Портосом и Арамисом. Они будут рады видеть вас!

Жан-Батист колебался. С одной стороны, ему хотелось побыть одному, обдумать всю полученную информацию. С другой – компания жизнерадостного гасконца и его друзей могла быть именно тем, что нужно, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

– С удовольствием присоединюсь к вам, – решил он.

Таверна "Серебряный голубь" была полна посетителей. Громкий смех, звон бокалов, запах вина и жареного мяса – всё создавало атмосферу беззаботного веселья, такую непохожую на напряжённые интриги Пале-Кардинал и тайные заговоры Хранителей Печати.

В дальнем углу сидели трое мушкетёров – Атос, Портос и Арамис. Увидев д'Артаньяна с Жаном-Батистом, они приветственно подняли бокалы.

– Смотрите, кого я нашёл! – объявил д'Артаньян. – Наш друг Ламбер жив и здоров!

– Рад видеть вас целым и невредимым, месье, – сказал Атос, пожимая руку Жану-Батисту. – После истории с нападением мы опасались худшего.

– Садитесь, выпейте с нами, – предложил Портос, отодвигая стул. – И расскажите, как вам удалось спастись.

Жан-Батист сел и кратко, опуская некоторые детали, рассказал о нападении и своём бегстве через реку. Мушкетёры слушали с искренним интересом, иногда прерывая рассказ восклицаниями или вопросами.

– Отличная история! – воскликнул Портос, когда Жан-Батист закончил. – Дстойна романа! Но скажите, кто, по-вашему, стоял за этим нападением?

– Испанские агенты, скорее всего, – осторожно ответил Жан-Батист. – Им не понравилось, что доверенное лицо кардинала путешествует через их территории.

– Кстати о кардинале, – вмешался Арамис, самый утончённый из мушкетёров. – Говорят, он очень обеспокоен проектом Версаля. Вы что-нибудь знаете об этом, месье Ламбер?

Жан-Батист напрягся:

– С чего вы взяли, что кардинал обеспокоен?

– О, слухи при дворе распространяются быстрее чумы, – улыбнулся Арамис. – Говорят, между королём и кардиналом возникли разногласия по поводу планов строительства. Что-то связанное с расположением главных зданий, с архитектурой садов...

Атос бросил на Арамиса предупреждающий взгляд, но тот продолжил:

– И ещё говорят, что некий маркиз де Ла Кроз имеет необычное влияние на этот проект. Хотя он не архитектор и не строитель.

Жан-Батист почувствовал, как сердце забилось быстрее. Откуда мушкетёры знают о де Ла Крозе и его роли в проекте Версаля?

– Я всего лишь секретарь кардинала, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо. – Его высокопреосвященство не посвящает меня во все детали государственных дел.

– Конечно, конечно, – кивнул Арамис. – Просто любопытный факт. Особенно учитывая репутацию маркиза.

– Хватит о политике! – вмешался д'Артаньян. – Мы здесь, чтобы отпраздновать возвращение нашего друга, а не обсуждать придворные интриги.

Он поднял бокал:

– За месье Ламбера! За его счастливое спасение и возвращение!

– За месье Ламбера! – подхватили остальные.

Разговор перешёл на более лёгкие темы – последние дуэли, городские сплетни, новые моды. Жан-Батист расслабился, наслаждаясь простым мужским общением, так отличающимся от напряжённых бесед с кардиналом, маркизом или Селестой.

Но где-то в глубине души он чувствовал тревогу. Мушкетёры знали слишком много о вещах, которые должны были оставаться тайной. Знали о разногласиях кардинала с королём по поводу Версаля. Знали о роли маркиза де Ла Кроза.

Откуда эта информация? И что ещё они знают?

Вечер продолжался, вино лилось рекой, разговоры становились всё более оживлёнными. В какой-то момент Атос отвёл Жана-Батиста в сторону, когда тот направлялся к выходу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

– Будьте осторожны, месье Ламбер, – тихо сказал мушкетёр. – Вы оказались в центре игры, правила которой вам не полностью понятны.

Жан-Батист напрягся:

– О чём вы?

– О перстне, который вы носите, – так же тихо ответил Атос. – О Хранителях Печати. О Красной книге.

– Вы... – Жан-Батист был поражён. – Откуда вы знаете?

– У меня было... необычное прошлое, прежде чем я стал мушкетёром, – уклончиво ответил Атос. – Скажем так: я встречался с людьми, которые знали о таких вещах. – Он положил руку на плечо Жана-Батиста. – Я не прошу вас доверять мне полностью. Но знайте, что если вам понадобится помощь – настоящая помощь, а не совет – вы можете рассчитывать на меня. И на моих друзей.

– Почему вы готовы помочь мне? – недоверчиво спросил Жан-Батист.

– Потому что я вижу в вас честного человека, попавшего в нечестную игру. – Атос слабо улыбнулся. – И потому что когда-то я был на вашем месте. И знаю, как одиноко бывает, когда не знаешь, кому доверять.

Он извлёк из кармана небольшой предмет и незаметно передал его Жану-Батисту:

– Возьмите. Если вам когда-нибудь понадобится связаться со мной срочно, разломите его пополам и бросьте в огонь. Я найду вас.

Жан-Батист взглянул на предмет – это была маленькая восковая фигурка в форме лилии.

– Спасибо, – сказал он, пряча её в карман. – Но я всё ещё не понимаю...

– Всему своё время, месье Ламбер. – Атос похлопал его по плечу. – А сейчас вернёмся к нашим друзьям, пока они не начали искать нас.

Они вернулись к столу, где Портос рассказывал какую-то невероятную историю о своих приключениях, вызывая взрывы смеха у д'Артаньяна и скептическую улыбку Арамиса.

Вечер продолжался, но Жан-Батист уже не мог полностью расслабиться. Слова Атоса, маленькая восковая лилия в кармане, знание мушкетёра о Хранителях Печати – всё это добавляло новые вопросы к уже существующим.

Кому доверять? Кардиналу с его консервативным прагматизмом? Маркизу с его радикальными идеями? Селесте с её загадочным прошлым? Или Атосу, который, казалось, знал о тайных обществах больше, чем должен был знать королевский мушкетёр?

И главное – как найти Красную книгу, прежде чем она попадёт в руки тех, кто может использовать её для катастрофических последствий?

Ответы на эти вопросы Жану-Батисту предстояло найти в ближайшее время. И цена ошибки была слишком высока, чтобы позволить себе неверный выбор.

Пале-Кардинал, 20 июля 1630 года

Следующие несколько дней Жан-Батист провёл, пытаясь расшифровать код на внутренней стороне перстня. Он часами разглядывал тонкие бороздки, напоминающие не то карту, не то странные письма. Пробовал разные методы – накладывал перстень на карты Франции, Европы, пытался сопоставить узор с известными символами и шифрами.

Безуспешно.

Между тем, сны становились всё ярче и интенсивнее. Теперь он видел не только отрывочные сцены из прошлого ордена, но и целые последовательности событий, словно просматривал чьи-то полные воспоминания. Видел заседания тайного совета тамплиеров, спрятавшихся от преследования Филиппа IV. Видел основание первых лож Хранителей Печати по всей Европе. Видел тайные встречи с королями, папами, знаменитыми учёными и художниками.

И всё чаще в этих снах появлялся знакомый символ – не пчела, а стилизованное солнце с глазом в центре. Тот же символ, что был выгравирован на медальоне, подаренном Селестой.

Однажды утром, после особенно яркого сна, в котором он видел некий ритуал с участием семи человек в масках, Жан-Батист проснулся с ощущением, что что-то изменилось. Взглянув на перстень, он с удивлением обнаружил, что теперь видит узор на внутренней стороне совершенно иначе. То, что раньше казалось просто хаотичными бороздками, теперь складывалось в чёткую картину – миниатюрную карту части Парижа с отмеченной точкой.

Точкой, которая соответствовала местоположению... собора Нотр-Дам.

Осознание пришло внезапно – Красная книга спрятана в соборе! Но где именно? Собор Нотр-Дам огромен, с множеством тайников, часовен, скрытых помещений.

И тут он вспомнил ещё один фрагмент сна – человек в маске, возглавлявший ритуал, произнес фразу на латыни: "Sub pedibus angelorum veritas latet" – "Под ногами ангелов скрывается истина". Ангелы Нотр-Дама... статуи на фасаде? Или ангелы внутри собора?

Жан-Батист решил действовать немедленно. Он быстро оделся, оставил записку для дю Трамбле, что отправляется по личному делу, и поспешил к собору.

Нотр-Дам де Пари, величественный собор в сердце Парижа, был полон посетителей даже в ранний час. Туристы, паломники, священники, обычные горожане, пришедшие помолиться, – все они создавали живой поток, в котором Жан-Батист мог затеряться.

Он медленно обходил собор, внимательно изучая всех ангелов – на витражах, на капителях колонн, в скульптурных группах. Их было множество, и "под ногами" у каждого могла скрываться тайна.

После двух часов безрезультатных поисков Жан-Батист начал сомневаться в своей догадке. Может быть, он неправильно интерпретировал подсказку? Или перстень указывал на какое-то другое место рядом с собором?

Он уже собирался уходить, когда заметил группу статуй в северном трансепте, которую раньше не видел. Двенадцать ангелов, поддерживающих чашу для святой воды. Под ногами каждого был высечен символ – знаки зодиака. А под одним, изображавшим созвездие Рака, была едва заметная гравировка пчелы.

Сердце Жана-Батиста забилось быстрее. Он осторожно подошёл ближе, стараясь не привлекать внимания. Осмотрел основание статуи. На первый взгляд, ничего необычного – просто каменный блок, часть общего ансамбля.

Но когда он незаметно провёл пальцами по символу пчелы, почувствовал, что камень слегка поддаётся. Тайный механизм? Потайная дверца?

Жан-Батист огляделся. В этой части собора сейчас было мало людей. Он снял перстень и аккуратно вставил его в едва заметное углубление рядом с символом пчелы.

Раздался тихий щелчок, и небольшая часть основания отодвинулась, открывая крошечное пространство. Внутри лежал старинный ключ и маленькая записка.

Жан-Батист осторожно достал оба предмета, закрыл тайник и отошёл к ближайшей скамье, делая вид, что молится. Развернув записку, он прочитал всего одну фразу на латыни: "Crypta decem martyrum" – "Крипта десяти мучеников".

Крипта десяти мучеников... Жан-Батист напряг память. В Нотр-Даме было несколько крипт, но он никогда не слышал о такой. Возможно, это было старое название, известное только посвящённым?

Он незаметно спрятал ключ и записку и решил обратиться к одному из священников, но так, чтобы не вызвать подозрений.

– Отец, – обратился он к пожилому клирику, раскладывающему молитвенники, – я изучаю историю собора для небольшого трактата. Могли бы вы рассказать о древних криптах?

Священник поднял глаза:

– История собора, сын мой? Похвальный интерес. – Он оценивающе посмотрел на Жана-Батиста. – Что именно вас интересует?

– Я читал о некой крипте десяти мучеников, но не могу найти о ней информацию.

Лицо священника изменилось. Он напрягся, взгляд стал острым и внимательным.

– Откуда вы знаете это название, сударь?

– Из старой рукописи в библиотеке кардинала Ришелье, – не моргнув глазом солгал Жан-Батист. – Я его секретарь.

Священник заметно расслабился:

– Понимаю. – Он оглянулся по сторонам и понизил голос. – Эта крипта не упоминается в официальных документах собора уже почти три столетия. Она была... запечатана после определённых событий.

– Каких событий?

– Не здесь. – Священник покачал головой. – Если вы действительно от кардинала... Приходите сегодня в полночь к южному порталу. Стучите трижды, затем дважды. Вас встретят.

С этими словами он поклонился и отошёл, не дав Жану-Батисту возможности задать дополнительные вопросы.

Нотр-Дам, полночь

Ночной Париж был опасным местом. Жан-Батист, закутанный в тёмный плащ, быстро пробирался по пустынным улицам, держа руку на рукояти кинжала. Дважды ему пришлось уклоняться от подозрительных групп, маячивших в тёмных проулках. Но в конце концов он благополучно достиг цели.

Площадь перед собором была пуста и тиха. Только шум Сены и отдалённый лай собак нарушали безмолвие. Громадный собор, освещённый лишь лунным светом, казался ещё более величественным и таинственным, чем днём.

Жан-Батист подошёл к южному порталу и трижды, затем дважды постучал в тяжёлую дубовую дверь, как было указано.

Несколько долгих мгновений ничего не происходило. Затем раздался скрип, и дверь открылась. В щель выглянуло морщинистое лицо старика в рясе с горящей свечой в руке.

– Пароль? – прошептал старик.

Жан-Батист замер. Никто не говорил ему о пароле. Он лихорадочно искал в памяти что-нибудь подходящее, когда вдруг почувствовал, как перстень на пальце словно потеплел. И слова сами пришли на ум:

– Пчела знает путь к цветку.

Глаза старика расширились:

– Входите быстрее. – Он отступил, позволяя Жану-Батисту проскользнуть внутрь, и тут же запер дверь. – Следуйте за мной. И ни звука.

Они двигались через тёмный собор, освещаемый лишь одинокой свечой. Днём заполненный людьми, ночью Нотр-Дам казался совершенно другим местом – таинственным, почти нереальным. Каменные статуи, казалось, следили за ними. Витражи, даже в темноте, словно светились странным внутренним светом.

Старик привёл его к малозаметной двери рядом с одним из боковых алтарей. Достав связку ключей, он открыл её и указал на крутую винтовую лестницу, ведущую вниз.

– Там вас ждут, – сказал он, передавая свечу. – Я останусь здесь. На страже.

Жан-Батист начал спускаться по лестнице, держа свечу высоко, чтобы освещать путь. Ступеньки были стёртыми, скользкими от влаги. Воздух становился всё более затхлым, запах плесени усиливался.

Лестница, казалось, вела глубоко под собор, гораздо глубже, чем обычные крипты. Наконец, он достиг конца и оказался перед массивной железной дверью, покрытой странными сим-

волами и надписями на латыни. В центре двери был вмонтирован замок с необычной замочной скважиной.

Жан-Батист достал ключ, найденный в тайнике, и вставил его в замок. Идеальное совпадение. Он повернул ключ, и дверь со скрипом отворилась.

За дверью оказалась небольшая круглая комната с каменным полом, на котором была выложена мозаика в виде огромной пчелы. По периметру стояли каменные статуи – десять фигур в монашеских одеждах, с закрытыми лицами. Десять мучеников, догадался Жан-Батист.

В центре комнаты находился каменный стол, а на нём – книга в красном кожаном переплёте.

– Наконец-то, – произнёс голос позади него.

Жан-Батист резко обернулся. В дверях стоял человек в чёрном плаще с капюшоном. Он откинул капюшон, и Жан-Батист узнал утончённые черты маркиза де Ла Кроза.

– Я знал, что вы найдёте её, – сказал маркиз с улыбкой. – Граф Россини не ошибся в вас.

– Как вы меня нашли? – спросил Жан-Батист, чувствуя, как сердце колотится в груди.

– Я следил за вами с момента вашего возвращения в Париж. – Маркиз сделал шаг вперёд. – И я знал, что рано или поздно перстень приведёт вас сюда. К Красной книге.

Он указал на книгу на столе:

– Вот она. Ключ к новой эре человечества. К революции не только политической, но и... духовной.

– Или к катастрофе, – возразил Жан-Батист. – Кардинал рассказал мне о Филиппе де Ноае. О его эксперименте.

– Ах, да. Филипп. – Маркиз грустно покачал головой. – Талантливый, но неосторожный. Он пытался запустить процесс пробуждения без должной подготовки, без правильной структуры. – Он посмотрел на Жана-Батиста. – Его ошибка была в том, что он работал с маленькой группой в замкнутом пространстве. Энергия не могла рассеиваться, она... взорвалась внутрь.

– А вы хотите повторить тот же эксперимент, но с сотнями людей в Версале?

– С тысячами, – уточнил маркиз. – И с правильной архитектурой, позволяющей направлять и распределять энергию. Сады, фонтаны, расположение зданий – всё будет работать как единая система. Как... машина трансформации.

Он сделал ещё шаг вперёд:

– И Красная книга содержит необходимые знания. Схемы, формулы, символы, которые нужно встроить в структуру дворца. – Маркиз протянул руку. – Отдайте её мне, месье Ламбер. Станьте частью величайшей революции в истории человечества.

Жан-Батист колебался. Слова маркиза звучали убедительно. Но перед внутренним взором вставали образы из его снов – хаос, смешение сознаний, потеря индивидуальности...

– А если вы ошибаетесь? – тихо спросил он. – Если вместо пробуждения будет катастрофа?

– Всё великое требует риска, – пожал плечами де Ла Кроз. – Когда первые мореплаватели отправлялись к горизонту, они не знали, упадут ли с края земли. Когда учёные экспериментировали с новыми лекарствами, они не знали, вылечат ли болезнь или убьют пациента. – Он посмотрел Жану-Батисту в глаза. – Прогресс всегда сопряжён с риском. Вопрос лишь в том, готовы ли мы принять этот риск ради великой цели.

Жан-Батист медленно подошёл к столу. Красная книга лежала перед ним – древняя, таинственная, полная запретных знаний. Он протянул руку и осторожно коснулся кожаного переплёта.

И в этот момент в комнату вошли ещё двое – Селеста де Вивье и, к изумлению Жана-Батиста, мушкетёр Атос.

– Не делайте этого, месье Ламбер, – сказала Селеста. – Маркиз не рассказал вам всю правду.

Маркиз де Ла Кроз повернулся к вошедшим с ледяной улыбкой:

– Мадам де Вивье. И... шевалье де ла Фер? Или вы предпочитаете, чтобы вас называли Атос?

Жан-Батист посмотрел на мушкетёра с удивлением:

– Вы знаете друг друга?

– К сожалению, – мрачно ответил Атос. – Мы с маркизом... старые знакомые. Я входил в ту экспериментальную группу, о которой вам рассказывал кардинал. Группу Филиппа де Ноае.

– Один из трёх выживших, – кивнул маркиз. – И один из немногих, кто полностью восстановился после... инцидента.

– Благодаря Селесте и её семье, – сказал Атос, бросив благодарный взгляд на женщину. – Они нашли способ... стабилизировать мой разум. Вернуть мне моё "я".

– Да, семья Орсини всегда славилась своими... целительными практиками, – с лёгкой насмешкой сказал де Ла Кроз. – Жаль только, что они используют свои таланты, чтобы сдерживать прогресс, а не способствовать ему.

– Мы сдерживаем не прогресс, а безумие, – холодно ответила Селеста. – То, что вы называете пробуждением, на самом деле – разрушение естественных барьеров психики. Барьеров, защищающих индивидуальное сознание от растворения в коллективном.

Она повернулась к Жану-Батисту:

– Помните медальон, который я дала вам? Он защищает вас от влияния маркиза. От его способности... манипулировать разумом через перстень.

Маркиз де Ла Кроз рассмеялся:

– Манипулировать? Я лишь открываю доступ к знаниям, которые уже есть в коллективной памяти ордена! – Он посмотрел на Жана-Батиста. – Разве я хоть раз принуждал вас? Разве не давал возможность выбора?

– Выбора, основанного на неполной информации, – возразил Атос. – Вы не рассказали ему о долгосрочных последствиях. О том, что происходит с разумом после... пробуждения.

– Потому что каждый случай уникален! – Маркиз начинал терять терпение. – Некоторые адаптируются легко. Некоторым требуется больше времени. Но результат стоит временных неудобств.

– Неудобств? – Атос горько усмехнулся. – Вы называете неудобством состояние, когда не можешь отличить свои мысли от чужих? Когда слышишь голоса людей, которых никогда не встречал? Когда воспоминания о событиях, которые произошли за столетия до твоего рождения, кажутся реальнее собственной жизни?

Он сделал шаг вперёд:

– Я провёл пять лет, пытаюсь собрать осколки своего разума. Пять лет, учась заново быть... собой. И даже сейчас, спустя десятилетие, у меня бывают дни, когда я не уверен, кто я на самом деле.

Жан-Батист стоял неподвижно, глядя то на маркиза, то на Атоса и Селесту, пытаясь решить, кому верить. Красная книга лежала перед ним – источник знаний, способных изменить мир. Но к лучшему ли?

– Время истекает, месье Ламбер, – сказал де Ла Кроз, глядя на него испытующе. – Скоро здесь будут люди кардинала. Вы должны сделать выбор. Сейчас.

Жан-Батист глубоко вздохнул. Вся его жизнь, казалось, вела к этому моменту – выбору между старым порядком и новым, между осторожностью и риском, между безопасностью и прогрессом.

Он посмотрел на Красную книгу, затем на перстень на своём пальце. Граф Россини выбрал его. Доверил ему этот выбор. Почему?

И внезапно он понял. Не потому, что Россини считал его особенным или обладающим какой-то уникальной мудростью. А потому, что видел в нём человека, способного принять

решение не на основе личных амбиций или идеологических убеждений, а на основе простого человеческого чувства – что правильно, а что нет.

– Я сделал свой выбор, – тихо сказал Жан-Батист.

Он взял Красную книгу со стола и подошёл к одной из статуй мучеников. У подножия статуи горела маленькая масляная лампа – вечный огонь в память о погибших.

– Месье Ламбер, что вы делаете? – напряжённо спросил маркиз.

Жан-Батист не ответил. Он открыл книгу и начал просматривать страницы. Древние символы, схемы, формулы, списки имён и мест – всё мелькало перед его глазами, и его феноменальная память фиксировала каждую деталь.

– Остановите его! – воскликнул де Ла Кроз, бросаясь вперёд.

Но Атос преградил ему путь, обнажив шпагу:

– Ни шага больше, маркиз.

Жан-Батист продолжал листать страницы, запоминая всё. Когда он дошёл до последней страницы и закрыл книгу, то повернулся к остальным:

– Теперь знания в безопасности. – Он указал на свою голову. – Здесь. И теперь я могу сделать то, что должно быть сделано.

С этими словами он бросил Красную книгу в огонь лампы.

– Нет! – закричал маркиз, пытаясь прорваться мимо Атоса.

Но было поздно. Сухие страницы вспыхнули мгновенно. Книга, существовавшая столетиями, хранившая секреты, способные изменить мир, превращалась в пепел на глазах.

Маркиз де Ла Кроз застыл, глядя на горящую книгу с выражением ужаса и отчаяния на лице:

– Вы не понимаете, что натворили... Столетия знаний... Надежда человечества...

– Книга была лишь инструментом, – спокойно ответил Жан-Батист. – Знания остаются.

Но теперь они не будут использованы для рискованных экспериментов. Для насильственного изменения человеческой природы.

– Вы предали орден, – процедил маркиз.

– Напротив. – Жан-Батист покачал головой. – Я защитил его от раскола. От войны между фракциями, которая неизбежно последовала бы за получением книги любой из сторон.

Он повернулся к Селесте и Атосу:

– Знания не исчезли. Они здесь. – Он снова указал на свою голову. – И я буду делиться ими постепенно. С теми, кто готов использовать их ответственно. С теми, кто понимает, что прогресс должен идти рука об руку с осторожностью.

Селеста смотрела на него с изумлением и восхищением:

– Вы поступили мудро, месье Ламбер. Мудрее, чем многие члены ордена, прожившие столетия.

Маркиз де Ла Кроз медленно отступил к двери:

– Вы думаете, что победили, но это только начало. – Его глаза горели фанатичным огнём. – Версаль всё равно будет построен. И я найду другие способы реализовать свой план.

– Возможно, – согласился Жан-Батист. – Но без Красной книги ваш план будет неполным. А значит, менее опасным.

Маркиз бросил на них последний взгляд, полный ненависти, и исчез в темноте лестницы.

– Он не сдастся, – предупредил Атос. – Люди вроде де Ла Кроза никогда не отказываются от своих амбиций.

– Знаю, – кивнул Жан-Батист. – Но теперь у нас есть время. Время подготовиться. Время найти способ нейтрализовать его план, не уничтожая полностью.

Он посмотрел на пепел, оставшийся от Красной книги:

– Потому что маркиз прав в одном – мир нуждается в переменах. В прогрессе. Но не любой ценой. И не насильственным путём.

Селеста взяла его за руку:

– Пойдёмте отсюда. Скоро рассвет, и служители собора начнут свои обязанности. – Она помолчала. – Кардинал будет ждать вашего отчёта.

– Что мне сказать ему? – спросил Жан-Батист. – Правду?

– Всегда лучше говорить правду, – ответил Атос. – Но необязательно всю правду сразу.

Они поднялись по винтовой лестнице и вышли в собор, который уже начинал наполняться утренним светом, проникающим через витражи. Старик-священник ждал их у двери.

– Всё сделано? – спросил он.

– Да, – ответил Жан-Батист. – Крипта может быть запечатана снова. И, надеюсь, надолго.

Выйдя из собора, они разошлись – Атос отправился в казармы мушкетёров, Селеста – в Лувр к королеве, а Жан-Батист – в Пале-Кардинал, где ему предстоял непростой разговор с кардиналом Ришелье.

Но впервые за долгое время он чувствовал внутреннюю уверенность в правильности своего выбора. Он не спас мир и не изменил его – но, возможно, предотвратил катастрофу, которая могла бы стоить человечеству слишком дорого.

И это было не так уж мало для провинциального дворянина, волей судьбы оказавшегося в центре борьбы, определяющей будущее Европы.

Глава 6: Красная книга

Пале-Кардинал, утро, 21 июля 1630 года

Кардинал Ришелье выслушал доклад Жана-Батиста в полном молчании, не перебивая и не задавая вопросов. Его лицо, обычно выражающее ироничное любопытство или сдержанное удовлетворение, оставалось непроницаемым. Лишь иногда его пальцы начинали барабанить по столу – признак глубокой задумчивости или сдерживаемого раздражения.

Жан-Батист рассказал почти всё – о поисках Красной книги, о встрече с маркизом де Ла Крозом, Селестой и Атосом в крипте, об уничтожении книги. Он умолчал лишь о том, что успел запомнить её содержимое полностью, благодаря своей феноменальной памяти. Это было его личной страховкой – знанием, которое он не доверил бы никому полностью, даже кардиналу.

Когда Жан-Батист закончил свой рассказ, в кабинете повисла тяжёлая тишина. Кардинал смотрел на него долгим, изучающим взглядом, словно пытался проникнуть в самые сокровенные уголки его сознания.

– Вы уничтожили Красную книгу, – наконец произнес Ришелье. Это было утверждение, не вопрос.

– Да, ваше высокопреосвященство, – подтвердил Жан-Батист. – Я решил, что это единственный способ предотвратить её использование любой из фракций.

– Включая мою, – заметил кардинал с едва заметной ноткой упрёка.

– Включая вашу, – не стал отрицать Жан-Батист. – Я посчитал, что такое знание слишком опасно, чтобы быть сосредоточенным в руках одной группы. Даже если эта группа преследует благородные цели.

Кардинал поднялся и подошёл к окну, глядя на утренний Париж.

– Знаете, месье Ламбер, большинство людей на вашем месте выбрали бы иначе. – Он говорил, не оборачиваясь. – Они бы отдали книгу одной из сторон, той, которая обещала больше власти, влияния, богатства... В конце концов, что такое абстрактное "благо человечества" по сравнению с вполне конкретными личными выгодами?

Он обернулся и посмотрел на Жана-Батиста:

– Но вы рассудили иначе. Вы предпочли уничтожить источник потенциальной власти, чем отдать его кому-либо. Включая себя самого.

– Я всего лишь сделал то, что считал правильным, – просто ответил Жан-Батист.

– В этом-то и дело. – Ришелье слегка улыбнулся. – "Правильное" – редкий критерий в нашем мире, месье Ламбер. Особенно в мире политики и тайных обществ. Обычно люди руководствуются критериями "выгодного", "целесообразного", "эффективного"... Но не "правильного" в моральном смысле.

Он вернулся к своему креслу и сел:

– Должен признать, что восхищён вашим решением. Хотя как политик я, разумеется, предпочёл бы, чтобы книга попала в мои руки.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство. И готов принять любое наказание, которое вы сочтёте справедливым.

– Наказание? – Кардинал поднял бровь. – За что? За то, что вы проявили независимость суждений и моральную твёрдость? Нет, месье Ламбер. Я не наказываю за качества, которые ценю.

Он сложил руки домиком:

– К тому же, возможно, ваше решение было оптимальным в данных обстоятельствах. Маркиз де Ла Кроз непредсказуем и опасен. Если бы книга попала к нему, последствия могли бы быть катастрофическими.

– А если бы она попала к вам?

– Я бы использовал её с большей... осторожностью, – ответил кардинал. – Но всегда существует риск злоупотребления знанием. Даже с лучшими намерениями. – Он помолчал. – Может быть, граф Россини предвидел это, когда выбрал вас своим преемником.

– Вы думаете, он ожидал, что я уничтожу книгу?

– Возможно. Россини был мудрым человеком. И великим стратегом. – Ришелье задумчиво потёр подбородок. – Он мог рассудить, что в текущих обстоятельствах, с расколом ордена и амбициями де Ла Кроза, лучшим решением будет именно уничтожение книги.

Жан-Батист обдумал эту мысль. Если кардинал прав, и граф Россини действительно планировал такой исход, это многое объясняло. Включая выбор именно его, Жана-Батиста, с его специфическим набором качеств – феноменальной памятью, аналитическим умом и при этом сильным моральным компасом.

– Что теперь, ваше высокопреосвященство? – спросил он. – Маркиз де Ла Кроз не оставит своих планов относительно Версаля.

– Несомненно. Но без Красной книги его возможности ограничены. Он будет действовать наугад, экспериментировать. А это даёт нам время и преимущество. – Кардинал встал, показывая, что аудиенция подходит к концу. – Продолжайте свои обычные обязанности, месье Ламбер. И будьте готовы к новым заданиям, связанным с проектом Версаля. Я хочу, чтобы вы внимательно следили за действиями маркиза.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство.

Жан-Батист поклонился и направился к двери. Но голос кардинала остановил его:

– И месье Ламбер... Я понимаю, что вы, вероятно, успели ознакомиться с содержанием книги перед её уничтожением. С вашей памятью это было бы естественно.

Жан-Батист замер, не оборачиваясь, чтобы не выдать своего удивления.

– Я не прошу вас делиться всем, что вы узнали, – продолжил Ришелье. – Но если в этих знаниях есть что-то, что может представлять непосредственную угрозу короне или Франции, я рассчитываю на вашу лояльность.

– Разумеется, ваше высокопреосвященство, – ответил Жан-Батист, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Вы можете рассчитывать на меня.

– Я знаю, – почти мягко сказал кардинал. – Именно поэтому вы всё ещё здесь.

Улицы Парижа, полдень

После встречи с кардиналом Жан-Батист чувствовал потребность побыть одному, привести мысли в порядок. Он решил пройтись по улицам Парижа, наслаждаясь редким для себя свободным днём – кардинал дал ему отдых после бессонной ночи и напряжённых событий.

Июльское солнце припекало, но лёгкий ветерок с Сены делал жару вполне терпимой. Жан-Батист брёл без определённой цели, перебирая в памяти события последних дней и недель. Его жизнь изменилась кардинально с момента той роковой встречи с графом Россини на постоялом дворе. Из никому не известного провинциального дворянина он превратился в важную фигуру в игре тайных обществ, в человека, принявшего решение, которое могло повлиять на судьбу Европы.

Эта мысль одновременно пугала и вдохновляла его.

Проходя мимо рынка Ле-Аль, он услышал знакомый голос:

– Месье Ламбер! Какая удача!

Обернувшись, он увидел Селесту де Вивье. Она была одета гораздо проще, чем обычно – в скромное платье горожанки среднего достатка, без драгоценностей и вычурных украшений. Очевидно, она не хотела привлекать внимания, выйдя в город без сопровождения.

– Мадам де Вивье, – Жан-Батист поклонился. – Рад встрече. Хотя должен признать, что удивлён видеть вас здесь без свиты и охраны.

– Иногда полезно затеряться в толпе, – улынулась она. – Особенно когда нужно обсудить что-то... конфиденциальное.

Она взяла его под руку, как если бы они были супружеской парой или близкими друзьями, и повела к небольшой таверне на углу.

– Здесь мы сможем поговорить без лишних ушей.

Таверна оказалась тихим, уютным заведением с чистыми столами и приличной клиентелой – в основном, ремесленниками и мелкими торговцами. Они заняли столик в углу, и Селеста заказала вино и лёгкие закуски.

– Вы уже виделись с кардиналом? – спросила она, когда слуга отошёл.

– Да, сегодня утром.

– И что он сказал о вашем... решении?

– Был удивлён, но, кажется, не разгневан, – ответил Жан-Батист. – Он даже предположил, что граф Россини мог предвидеть такой исход.

– Интересная мысль. – Селеста задумчиво покрутила бокал в руке. – Альберто был мудрым человеком. И великим стратегом, как любит говорить кардинал. Возможно, он действительно планировал нечто подобное.

– А что думаете вы, мадам? – прямо спросил Жан-Батист. – Вы одобряете моё решение уничтожить книгу?

– Я... – Селеста замешкалась, подбирая слова. – Я думаю, что в данных обстоятельствах это было, возможно, лучшее решение. Хотя, признаюсь, часть меня сожалеет об утрате такого источника знаний.

– Книга уничтожена, но знания остаются, – тихо сказал Жан-Батист. – По крайней мере, некоторые из них.

Селеста внимательно посмотрела на него:

– Вы запомнили содержание.

– С моей памятью это было несложно, – признал он. – Хотя я не уверен, что понимаю всё, что запомнил. Многие символы, формулы, схемы... Они требуют интерпретации, контекста.

– Который я могу предоставить. – Селеста наклонилась ближе. – Моя семья хранит знания, параллельные тем, что были в Красной книге. Знания, передаваемые через поколения Хранителей Света.

– Хранителей Света? – удивлённо переспросил Жан-Батист. – Вы не говорили мне, что принадлежите к этому ордену.

– Потому что это не совсем так. – Селеста огляделась, убеждаясь, что их никто не подслушивает. – Хранители Света – не отдельный орден, а... противовес внутри Хранителей Печати. Группа семей, которые на протяжении столетий следят за тем, чтобы знания ордена не использовались во вред.

Жан-Батист вспомнил строки из книги, подаренной кардиналом в первый день их знакомства. Там упоминалось "Общество Света" как одно из тайных обществ, противостоящих Хранителям Печати.

– В книге, которую мне дал кардинал, говорилось, что Общество Света – противники Хранителей Печати.

– Намеренное искажение, – улынулась Селеста. – Созданное, чтобы запутать новичков и проверить их реакцию. На самом деле Хранители Света – это внутренний круг внутри самих Хранителей Печати. Своего рода... надзирающий орган.

– И ваша семья принадлежит к этому кругу?

– Уже много поколений. Женщины рода Орсини традиционно становились Хранительницами Света. Мы следили за балансом сил в ордене, предотвращали злоупотребления знанием, сдерживали тех, кто был слишком радикален или безрассуден.

– Как маркиз де Ла Кроз?

– Он один из самых опасных, но не единственный. – Селеста отпила вина. – На протяжении истории возникали и другие... экстремисты, желающие использовать знания ордена для резкого изменения мирового порядка. Мы всегда противостояли им.

– И граф Россини был вашим союзником?

– Более чем союзником. – Лицо Селесты на мгновение смягчилось, в глазах мелькнула тень печали. – Альберто был... особенным человеком в моей жизни.

– Вы любили его, – догадался Жан-Батист.

– Да, – просто ответила она. – Мы были вместе много лет. Тайно, конечно. Моя официальная история о муже, графе де Вивье, была создана для прикрытия. – Она помолчала. – Но это не значит, что всё остальное было ложью. Мои предупреждения о маркизе, о Версале, об опасностях перстня – всё это правда.

Жан-Батист обдумывал услышанное. Если Селеста говорила правду, то она действительно могла помочь ему понять то, что он запомнил из Красной книги. И, возможно, найти способ противостоять планам маркиза относительно Версаля.

– Что вы предлагаете? – спросил он.

– Сотрудничество, – ответила Селеста. – Вы обладаете знаниями из книги. Я могу помочь вам их интерпретировать. Вместе мы сможем разработать план противодействия маркизу.

– А что насчёт кардинала? Он тоже хочет, чтобы я следил за действиями маркиза в Версале.

– Кардинал преследует свои цели, которые не всегда совпадают с интересами ордена или Франции, – осторожно сказала Селеста. – Он великий государственный деятель, но у него есть... слепые пятна.

– Какие именно?

– Он слишком сосредоточен на политике. На балансе сил между государствами. Для него Версаль – прежде всего символ власти, инструмент престижа Франции. – Селеста покачала головой. – Он не полностью понимает мистические аспекты проекта. Опасность, которую представляет план маркиза не только для текущего политического порядка, но и для... самой ткани реальности.

Жан-Батист нахмурился:

– Вы говорите загадками, мадам. Что значит "ткань реальности"?

– То, что мы воспринимаем как твёрдую, неизменную действительность, на самом деле гораздо более... пластично, чем кажется. – Селеста говорила тихо, но с растущим волнением. – Есть точки, где граница между нашим миром и... другими реальностями тоньше. Версаль построен на одной из таких точек. И если план маркиза сработает, эта граница может быть не просто истончена, а разорвана.

– Что это означает на практике?

– Хаос. – Селеста посмотрела ему в глаза. – Не просто политический или социальный, а... фундаментальный. Смещение времён, пространств, сознаний. То, что произошло в эксперименте Филиппа де Ноае, но в масштабе не двадцати человек, а тысяч. И с эффектом не локализованным, а распространяющимся как волны по воде.

Жан-Батист почувствовал холодок по спине. Если то, что говорила Селеста, было правдой, опасность была гораздо серьёзнее, чем он думал.

– И как мы можем это предотвратить?

– Для начала – обмениваться информацией. – Селеста снова огляделась по сторонам. – Мы не можем встречаться слишком часто. Это вызовет подозрения. Но есть способы поддерживать связь.

Она достала из кармана маленький серебряный медальон, почти идентичный тому, что уже носил Жан-Батист.

– Это парный медальон к тому, что я дала вам раньше. Если вам нужно будет срочно связаться со мной, нагрейте свой над пламенем свечи. Мой станет тёплым, и я буду знать, что вы хотите встретиться. Приду, как только смогу, к собору Нотр-Дам, к той же статуе ангела, где вы нашли ключ.

– А если вам понадобится связаться со мной?

– То же самое в обратном порядке. – Она улыбнулась. – Древняя технология ордена. Не спрашивайте, как она работает. Просто примите, что есть вещи, которые современная наука ещё не объяснила.

Жан-Батист кивнул. После всего, что он пережил за последние недели, странный медальон казался почти обыденностью.

– Что мы будем делать дальше? – спросил он.

– Вы продолжите работать на кардинала как обычно. Будете посещать Версаль, наблюдать за строительством, за действиями маркиза де Ла Кроза. А я буду анализировать информацию, которую вы соберёте, и сопоставлять её с тем, что вы запомнили из Красной книги. – Селеста сжала его руку. – Вместе мы найдём способ нейтрализовать план маркиза, не причиняя вреда проекту Версаля в целом.

– Звучит разумно, – согласился Жан-Батист.

– И ещё одно. – Селеста понизила голос до шёпота. – Будьте осторожны с мушкетёром Атосом.

– Почему? – удивился Жан-Батист. – Он помог нам в крипте. И, судя по его словам, у него личные счёты с маркизом.

– Всё это правда. Но Атос... сложный человек с непростой историей. – Селеста выглядела встревоженной. – После эксперимента де Ноае его разум не полностью восстановился. Иногда он... нестабилен. Подвержен влияниям, которые сам не всегда осознаёт.

– Вы думаете, маркиз может манипулировать им?

– Или уже манипулирует. – Селеста вздохнула. – Я не говорю, что Атос враг. Просто... будьте осторожны с информацией, которой делитесь с ним.

Они закончили трапезу в молчании, каждый погружённый в свои мысли. Когда пришло время прощаться, Селеста на мгновение задержала его руку в своей:

– Берегите себя, Жан-Батист. Вы стали важнее, чем сами понимаете. Не только для ордена или для Франции, но и... для меня лично.

С этими словами она быстро поцеловала его в щёку и исчезла в толпе, оставив Жана-Батиста с лёгким румянцем на лице и новыми вопросами в голове.

Версаль, три дня спустя, 24 июля 1630 года

Король Людовик XIII был в восторге от начавшегося строительства в Версале. Его охотничий домик должен был превратиться в великолепный дворец, символ могущества Франции и её монарха.

Жан-Батист прибыл в Версаль в составе свиты кардинала, который, несмотря на свои сомнения относительно проекта, публично выражал полную поддержку королевской инициативе. Ришелье был слишком умным политиком, чтобы открыто противостоять страсти монарха.

Строительная площадка кипела жизнью. Сотни рабочих расчищали территорию, копали котлованы, закладывали фундаменты. Архитекторы с планами и чертежами руководили процессом, указывая, где должны располагаться будущие здания, сады, фонтаны.

Король лично водил кардинала и его свиту по территории, с мальчишеским энтузиазмом показывая, где будут располагаться те или иные элементы дворцового комплекса.

– Здесь будет главное крыло дворца, – говорил он, указывая на расчищенную площадку. – А там – Мраморный двор. А дальше – великолепные сады с фонтанами, которых не видел ещё свет!

Кардинал кивал и улыбался, но Жан-Батист, хорошо изучивший его за время службы, видел тень беспокойства в глазах Ришелье.

В какой-то момент к королю подошёл высокий, стройный мужчина в элегантном костюме – маркиз де Ла Кроз. Он поклонился с изысканной грацией:

– Ваше Величество, архитектор Лево хотел бы обсудить с вами некоторые... модификации первоначального плана.

– Модификации? – Король слегка нахмурился. – Какие именно, маркиз?

– Касательно расположения главных осей дворца относительно сторон света. И размещения фонтанов в саду. – Де Ла Кроз бросил быстрый взгляд на Жана-Батиста и кардинала. – Есть определённые... эстетические соображения, которые стоит учесть.

– А, понимаю! – Людовик XIII оживился. – Конечно, эстетика прежде всего! Ведите нас к Лево, маркиз!

Когда король удалился вместе с де Ла Крозом, кардинал тихо сказал Жану-Батисту:

– "Эстетические соображения"... Как изящно он это формулирует. – Ришелье покачал головой. – Следуйте за ними, месье Ламбер. Запомните все изменения, которые предлагает маркиз. Каждую деталь.

– Слушаюсь, ваше высокопреосвященство.

Жан-Батист поспешил вслед за королем и де Ла Крозом, сохраняя почтительную дистанцию, но достаточно близкую, чтобы слышать разговор.

Архитектор Лево, невысокий энергичный человек с острой бородкой, ждал их у большого стола, на котором были разложены планы будущего дворца и садов.

– Ваше Величество! – воскликнул он, кланяясь. – Какая честь! Маркиз де Ла Кроз упомянул о ваших... особых пожеланиях касательно планировки.

– Моих пожеланиях? – удивился король. – Но я думал, это вы хотели предложить изменения.

Маркиз де Ла Кроз ловко вмешался:

– Я взял на себя смелость передать архитектору те идеи, которые Ваше Величество высказывали во время нашей последней беседы. О символическом значении определённых элементов дворца. О том, как архитектура может отражать величие французской монархии.

– А, да, конечно! – Король, очевидно, не помнил такой беседы, но не хотел выглядеть забывчивым. – Покажите, что вы придумали, Лево.

Архитектор развернул новый план:

– Вот, Ваше Величество. Согласно вашим пожеланиям, переданным маркизом, мы изменили ориентацию главной оси дворца. Теперь она точно соответствует направлению восхода солнца в день вашего рождения.

Жан-Батист напрягся. Это было именно то, о чём предупреждала Селеста – изменения в планировке, направленные на усиление мистических свойств места.

– А здесь, – продолжал Лево, указывая на план садов, – система фонтанов образует... особый узор. Маркиз сказал, что вы хотели бы видеть символы, связанные с историей вашей династии.

– Именно так! – с энтузиазмом подхватил Людовик XIII, хотя было очевидно, что он впервые слышит об этом. – Династия Бурбонов должна быть прославлена в каждом элементе Версаля!

Жан-Батист внимательно изучал план. С его обострённым восприятием, усиленным знаниями из Красной книги, он видел то, чего не видели другие: система фонтанов в садах образовывала сложный символ, похожий на те, что он запомнил из книги. Символ, связанный с усилением энергетических потоков, с истончением барьеров между различными уровнями реальности.

Король и его окружение продолжали обсуждать детали проекта, а Жан-Батист незаметно сделал несколько набросков в своём маленьком блокноте, фиксируя ключевые элементы нового плана.

В какой-то момент он поймал на себе внимательный взгляд маркиза де Ла Кроза. На мгновение их глаза встретились, и Жан-Батист увидел в глазах маркиза странную смесь эмоций – вызов, уважение и что-то похожее на... сожаление?

Вечером, когда основная часть визита была завершена, и придворные разошлись по временным павильонам, устроенным для высоких гостей, Жан-Батист решил ещё раз осмотреть строительную площадку, теперь уже в одиночестве.

Сумерки окутывали Версаль, придавая месту особую, мистическую атмосферу. Затихали голоса рабочих, расходящихся по своим временным жилищам. Из леса доносились первые ночные звуки – уханье совы, шорох мелких животных в подлеске.

Жан-Батист медленно шёл по территории, где должны были располагаться будущие сады, мысленно накладывая на местность план, который он видел днём. Система фонтанов, предложенная маркизом, действительно образовывала странный узор, напоминающий древний магический символ из Красной книги.

Вдруг он услышал голоса. Кто-то разговаривал неподалёку, на месте будущего фонтана Аполлона. Осторожно приблизившись, Жан-Батист укрылся за грудой строительных материалов и прислушался.

Маркиз де Ла Кроз и архитектор Лево стояли у колышков, отмечающих расположение будущего фонтана. Рядом с ними находились ещё двое мужчин, которых Жан-Батист не знал.

– Здесь будет центральная точка, – говорил маркиз, указывая на определённое место. – Фокус, через который будет проходить основной поток энергии. Важно, чтобы статуя Аполлона была размещена точно по этой оси.

– А как насчёт материалов? – спросил один из незнакомцев.

– Бронза с определёнными... добавками, – ответил де Ла Кроз. – Я предоставлю формулу сплава. Он должен обладать специфическими резонансными свойствами.

– Король одобрит такие расходы? – осторожно спросил Лево. – Этот сплав будет дороже обычной бронзы.

– Король одобрит всё, что я предложу, – уверенно сказал маркиз. – Он полностью захвачен идеей Версаля как символа своего величия. Он не понимает истинного значения проекта, и это к лучшему.

– А кардинал? – спросил второй незнакомец. – Он кажется... подозрительным.

– Кардинал – препятствие, но не непреодолимое. – Маркиз усмехнулся. – У него свои планы на Версаль. Политические планы. Он видит дворец как инструмент престижа Франции, как способ удержать короля подальше от Парижа, где Ришелье сможет более свободно управлять государством. Но он не видит... высшего предназначения Версаля.

– А месье Ламбер? – спросил Лево. – Он явно следит за нами по поручению кардинала.

Жан-Батист напрягся, услышав своё имя.

– Молодой месье Ламбер... – Маркиз задумчиво покачал головой. – Он представляет интерес. И опасность. Особенно после того, что произошло в Нотр-Даме.

– Вы думаете, он помнит содержание Красной книги?

– Несомненно. С его памятью он запомнил каждую страницу, каждую схему, каждый символ. – Маркиз вздохнул. – Жаль, что он выбрал не ту сторону. Он мог бы быть ценным союзником.

– Может быть, ещё не поздно переубедить его? – предложил один из незнакомцев.

– Возможно. Но пока нам нужно действовать, исходя из того, что он враг. – Маркиз повернулся к Лево. – Продолжайте работу по плану. Я займусь королем и кардиналом. А что касается месье Ламбера...

Он не закончил фразу, но в его голосе Жан-Батист услышал угрозу.

Решив, что услышал достаточно, он осторожно начал отступать. Но в темноте не заметил лежащую доску и наступил на неё. Доска треснула с громким звуком.

– Что это? – резко спросил маркиз, поворачиваясь в сторону шума. – Кто здесь?

Жан-Батист бросился бежать, не заботясь больше о тишине. Позади раздались крики и звук преследования. Он петлял между грудками строительных материалов, стараясь оторваться от погони.

Внезапно чья-то рука схватила его за плечо и затащила за большой штабель бревен.

– Тише, – прошептал знакомый голос. – Это я, Атос.

Жан-Батист с удивлением узнал мушкетёра в темноте.

– Что вы здесь делаете? – прошептал он.

– То же, что и вы. Слежу за маркизом, – быстро ответил Атос. – Нет времени объяснять.

Они приближаются. Следуйте за мной.

Он повёл Жана-Батиста через строительную площадку, ловко избегая встречи с людьми маркиза. Вскоре они достигли края леса, где были привязаны две лошади.

– Садитесь, – скомандовал Атос. – Нам нужно убираться отсюда. Маркиз не из тех, кто прощает шпионов.

– А как же кардинал? – спросил Жан-Батист, запрыгивая в седло. – Я должен доложить ему о том, что услышал.

– Доложите завтра. – Атос уже сидел на своей лошади. – Если доживёте до завтра.

Они поскакали прочь от Версаля, углубляясь в лес. Позади раздавались крики и звуки погони, но вскоре они затихли – в темноте леса преследователи потеряли их след.

Через час быстрой езды Атос направил лошадь к маленькой охотничьей хижине, скрытой среди деревьев.

– Здесь мы будем в безопасности, – сказал он, спешиваясь. – По крайней мере, на ночь.

Внутри хижина оказалась простой, но чистой. Атос зажёл свечу, и в её свете Жан-Батист увидел скромное убранство – стол, два стула, узкую кровать, маленький камин.

– Чья это хижина? – спросил он.

– Моя, – коротко ответил мушкетёр. – Иногда мне нужно место, где можно побыть одному. Вдали от казарм и Парижа.

Он достал из шкафа бутылку вина и два кубка:

– Выпейте. Вам нужно успокоиться.

Жан-Батист принял кубок и сделал глоток. Вино было хорошим, терпким, с богатым букетом.

– Вы говорили, что следили за маркизом, – сказал он, глядя на мушкетёра. – По чьему поручению? Кардинала?

– Нет. – Атос покачал головой. – По своей инициативе. У меня, как я уже говорил, личные счёты с де Ла Крозом. После того эксперимента...

– С Филиппом де Ноае.

– Да. – Мушкетёр мрачно кивнул. – Я потерял всё – имя, титул, состояние. Но хуже всего – я почти потерял рассудок. Если бы не семья Орсини...

– Вы знаете Селесту де Вивье?

– Конечно. – Атос слабо улыбнулся. – Она помогала мне восстановиться после... того, что случилось с моим разумом. Её мать была великой целительницей. Знала древние методы лечения сознания, нарушенного... необычным образом.

– Селеста предупреждала меня быть осторожным с вами, – честно сказал Жан-Батист. – Говорила, что ваш разум не полностью восстановился. Что вы можете быть... нестабильны.

Атос не выглядел обиженным:

– Она права. Бывают дни, когда я не полностью... здесь. Когда воспоминания, не принадлежащие мне, становятся слишком яркими, слишком реальными. – Он сделал большой глоток вина. – Но сейчас у меня хороший период. Ясное сознание. И твёрдое намерение остановить маркиза, прежде чем он сделает с другими то же, что сделал со мной и моими товарищами.

– Что именно произошло тогда? – осторожно спросил Жан-Батист. – Если вам не сложно рассказать.

Атос долго молчал, глядя в пламя свечи. Наконец, он заговорил:

– Нас было двадцать. Молодых, идеалистичных, жаждущих тайных знаний и великих открытий. Филипп де Ноае был нашим лидером – гением, визионером, человеком, опередившим своё время. – Он сделала паузу. – Маркиз де Ла Кроз был его наставником, хотя держался в тени. Это он предоставил Филиппу древние тексты, формулы, символы... Знания, с которыми тот экспериментировал.

– И что пошло не так?

– Всё шло... слишком хорошо. Сначала. – Атос говорил тихо, словно боялся разбудить спящие воспоминания. – Мы действительно достигли того, что Филипп называл "расширением сознания". Мы могли чувствовать мысли друг друга. Видеть образы из прошлого. Иногда – проблески будущего. Это было... опьяняющее. Словно стать больше, чем человек.

Он допил вино одним глотком и налил ещё:

– А потом барьеры рухнули. Полностью. Внезапно. Словно плотину прорвало. – Голос мушкетёра дрогнул. – Представьте: двадцать разных сознаний, внезапно слившихся в одно. Без фильтров. Без границ. Каждая мысль, каждое воспоминание, каждый страх, каждое желание – всё перемешалось, как в чудовищном водовороте.

– Боже, – выдохнул Жан-Батист. – Как вы выжили?

– Я не знаю. – Атос покачал головой. – Я помню только крики. Кровь. Людей, разбивающих свои головы о стены, пытаюсь заставить голоса умолкнуть. Других, убивающих друг друга, потому что не могли отличить себя от других. – Он закрыл глаза. – Я помню, как бежал. Как меня нашли в лесу, бредящего, почти безумного. Как доставили в поместье Орсини во Флоренции. Как месяцами лечили, возвращая моё "я" обратно.

– И маркиз де Ла Кроз? Он был там, когда всё случилось?

– Нет. Он уехал за день до... катастрофы. Словно знал, что произойдёт. – Атос посмотрел на Жана-Батиста. – Вот почему я не верю, что его проект в Версале – просто эксперимент с непредсказуемым результатом. Я думаю, он точно знает, к чему это приведёт. И его цель – не просвещение человечества, а... что-то другое.

– Что именно?

– Не знаю. – Атос пожал плечами. – Но после того, что я слышал сегодня... Его слова о "высшем предназначении" Версаля... – Он покачал головой. – Что бы это ни было, мы должны остановить его.

Жан-Батист согласно кивнул. Рассказ Атоса только усилил его решимость противостоять планам маркиза. Если в эксперименте с двадцатью добровольцами результатом стала катастрофа, то что могло произойти при реализации того же плана в масштабе целого королевского двора?

– Что нам делать дальше? – спросил он.

– Завтра утром вы вернётесь к кардиналу и расскажете ему всё, что слышали сегодня, – сказал Атос. – Несмотря на свои... особенности, Ришелье любит Францию. Он не допустит, чтобы ей был причинён вред.

– А вы?

– У меня своя роль в этой игре. – Атос загадочно улыбнулся. – Скажем так: не все мушкетёры короля служат только королю.

Жан-Батист внезапно вспомнил странный предмет, который Атос дал ему в таверне – восковую лилию.

– Вы член Общества Света, – догадался он. – Как и Селеста.

– Не совсем. – Мушкетёр покачал головой. – Но я их союзник. И враг тех, кто, как маркиз де Ла Кроз, использует древние знания для разрушения, а не для созидания.

Он встал и указал на кровать:

– Отдыхайте, месье Ламбер. Завтра нас ждёт трудный день. Я посторожу первым.

Жан-Батист, измученный событиями дня, не стал спорить. Он лёг на узкую кровать, не снимая одежды, и почти сразу погрузился в беспокойный сон, полный странных видений и шепчущих голосов.

Пале-Кардинал, 25 июля 1630 года

Утром Атос благополучно доставил Жана-Батиста обратно к королевской свите в Версале. Там царило некоторое волнение – отсутствие секретаря кардинала было замечено, и Ришелье выглядел обеспокоенным. Однако Жан-Батист объяснил своё исчезновение желанием более тщательно изучить территорию будущего строительства, и кардинал, казалось, принял это объяснение, хотя в его глазах читалось недоверие.

Вернувшись в Париж, Жан-Батист был немедленно вызван в кабинет Ришелье для подробного доклада.

– Итак, месье Ламбер, – начал кардинал без предисловий, – расскажите мне, что на самом деле произошло в Версале. И не утруждайте себя повторением той сказки о ночной прогулке, которую вы рассказали при дворе.

Жан-Батист понял, что ложь бесполезна. Он рассказал кардиналу правду – о подслушанном разговоре маркиза с архитектором и его помощниками, о погоне, о спасении, предложенном Атосом.

Ришелье внимательно слушал, не перебивая. Когда Жан-Батист закончил, кардинал долго молчал, барабанил пальцами по столу.

– Мушкетёр Атос, – наконец произнёс он. – Интересный персонаж. Я давно подозревал, что он не просто солдат. – Кардинал посмотрел на Жана-Батиста. – Вы доверяете ему?

– Я... не уверен, – честно ответил Жан-Батист. – У него, кажется, искренняя ненависть к маркизу де Ла Крозу. И он помог мне, когда мог бы этого не делать. Но в то же время...

– В то же время его лояльность неясна, – закончил кардинал. – Как и лояльность мадам де Вивье. Как и лояльность многих в этой игре.

Он встал и подошёл к карте Франции, висевшей на стене:

– Маркиз движется быстрее, чем я ожидал. Уже изменил планировку Версаля, уже внедрил свои... особые элементы в архитектуру. – Ришелье покачал головой. – Король полностью очарован этим проектом. Он не видит скрытых мотивов, не понимает опасности.

– Что мы можем сделать, ваше высокопреосвященство?

– Противодействовать тонко, месье Ламбер. Очень тонко. – Кардинал повернулся к нему. – Мы не можем открыто выступить против проекта Версаля – это вызовет гнев короля. Но мы можем... модифицировать план маркиза. Внести свои изменения, которые нейтрализуют его намерения, не привлекая внимания.

– Как именно?

– Для этого мне нужны ваши знания, месье Ламбер. – Ришелье внимательно посмотрел на него. – Знания из Красной книги, которые вы, несомненно, запомнили перед её уничтожением.

Жан-Батист напрягся. Он ожидал этого вопроса, но всё равно был не готов.

– Я... действительно запомнил много, ваше высокопреосвященство. Но не уверен, что понимаю всё правильно. Многие символы, формулы, схемы требуют интерпретации.

– Которую может предоставить мадам де Вивье? – тонко улыбнулся кардинал. – Да, я знаю о вашей встрече с ней в таверне. Знаю о медальонах, которыми вы обменялись. – Он

поднял руку, видя удивление Жана-Батиста. – Не смотрите так удивлённо. Я же говорил вам – в Париже у меня глаза и уши повсюду.

– Тогда вы знаете, что она предложила помощь в противодействии маркизу.

– Да. И я не возражаю против этого сотрудничества. – Кардинал вернулся к своему креслу. – Мадам де Вивье обладает знаниями, которых нет у меня. Её семья веками изучала то, что мы сейчас называем "окультурными науками". Если она может помочь нам нейтрализовать план маркиза – хорошо.

– Но?.. – Жан-Батист чувствовал, что есть какое-то "но".

– Но я хочу, чтобы вы помнили, кому на самом деле служите, месье Ламбер. – Ришелье наклонился вперёд. – Не Хранителям Печати. Не Обществу Света. Не мадам де Вивье или мушкетёру Атосу. Даже не мне лично. Вы служите Франции. И ваш долг – защищать её интересы превыше всего.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство.

– Я надеюсь. – Кардинал выпрямился. – А теперь расскажите мне, что вы запомнили из Красной книги о Версале. О его... особом положении. О способах усиления или нейтрализации его свойств.

И Жан-Батист начал рассказывать, тщательно подбирая информацию, которой можно было поделиться, не раскрывая всех тайн Красной книги. Он говорил о древних линиях силы, пересекающихся в Версале. О символах, которые могли усиливать или ослаблять эти энергетические потоки. О способах встраивания этих символов в архитектуру и ландшафт.

Кардинал слушал внимательно, иногда делая пометки, иногда задавая уточняющие вопросы. Когда Жан-Батист закончил, Ришелье откинулся в кресле, глубоко задумавшись.

– Интересно... – наконец произнёс он. – Очень интересно. И опасно, если маркиз действительно намерен использовать эти знания в полном объёме. – Он посмотрел на Жана-Батиста. – Вы упомянули, что есть способы нейтрализовать эти... эффекты. Расскажите подробнее.

– Согласно Красной книге, каждый символ силы имеет свою противоположность, – объяснил Жан-Батист. – Символ, который может блокировать или перенаправлять энергетические потоки. Если маркиз встраивает в архитектуру Версаля символы усиления, мы можем построить противоположные символы, которые будут... нейтрализовать эффект.

– И как это сделать практически? Король не одобрит изменений в плане, который ему представил маркиз.

– Эти символы не обязательно должны быть видимыми или очевидными, – сказал Жан-Батист. – Они могут быть скрыты в декоративных элементах, в пропорциях зданий, в расположении садовых дорожек... Архитектор, знающий, что искать, мог бы внедрить их без изменения общего плана.

– Нам нужен свой человек среди архитекторов, – задумчиво сказал кардинал. – Кто-то, кто может влиять на детали проекта, не привлекая внимания маркиза.

– У меня есть предложение, ваше высокопреосвященство, – осторожно сказал Жан-Батист. – Вместо того чтобы противодействовать плану маркиза напрямую, почему бы не модифицировать его? Сохранить общую структуру, которая понравилась королю, но внести небольшие изменения, которые превратят Версаль не в инструмент хаоса, а в... нечто другое.

– В нечто другое? – Кардинал поднял бровь. – Что именно вы имеете в виду?

– Место гармонии. Баланса. Центр не разрушения, а созидания. – Жан-Батист говорил с растущим энтузиазмом. – В Красной книге были не только схемы усиления деструктивных энергий, но и способы направления их в созидательное русло. Превращения потенциально опасной силы в полезную.

– Интересная мысль. – Ришелье выглядел заинтригованным. – Вы предлагаете превратить оружие маркиза против него самого. Использовать его же план, но с противоположной целью.

– Именно так, ваше высокопреосвященство.

– Это потребует тонкой работы, месье Ламбер. И глубокого понимания символов и формул из Красной книги. – Кардинал внимательно посмотрел на него. – Вы уверены, что справитесь?

– С помощью мадам де Вивье – да, – честно ответил Жан-Батист. – Её знания дополнят мои. Вместе мы сможем разработать необходимые модификации.

Кардинал долго смотрел на него, словно взвешивая риски. Наконец, он кивнул:

– Хорошо. Работайте с мадам де Вивье. Разработайте план модификаций. Но докладывайте мне о каждом шаге. – Он поднял палец. – И помните: наша цель – не просто нейтрализовать план маркиза, но и создать что-то положительное. Версаль, который станет символом не только мощи французской монархии, но и её... мудрости.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство.

– И ещё одно, месье Ламбер. – Кардинал подался вперёд. – Будьте осторожны с мадам де Вивье. Не потому, что я не доверяю её намерениям, а потому, что... есть определённая опасность в слишком тесном сближении с ней.

– Опасность? – не понял Жан-Батист.

– Эмоционального характера, – мягко пояснил Ришелье. – Я видел, как она смотрит на вас. И как вы смотрите на неё. Это... естественно. Она красивая, умная женщина. Вы молодой, впечатлительный мужчина. – Он сделал паузу. – Но в нашем деле эмоции могут быть опасны. Они затуманивают рассудок. Заставляют принимать решения сердцем, а не головой.

Жан-Батист почувствовал, как краска заливает его лицо. Он не думал, что его влечение к Селесте так очевидно.

– Я буду осторожен, ваше высокопреосвященство, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Я не запрещаю вам... сближаться с ней, если оба того хотите, – с лёгкой улыбкой сказал кардинал. – В конце концов, я священник, а не тюремщик. Просто не позволяйте чувствам влиять на ваши решения в вопросах, касающихся Версаля и планов маркиза. Слишком многое поставлено на карту.

– Я понимаю.

Кардинал встал, показывая, что аудиенция окончена:

– Отдохните сегодня, месье Ламбер. Завтра я хочу, чтобы вы вместе с мадам де Вивье начали работу над планом противодействия маркизу. Я предоставлю вам кабинет здесь, в Пале-Кардинал, где вы сможете работать... не привлекая внимания.

– Благодарю, ваше высокопреосвященство.

– И помните: маркиз не оставит своих планов из-за уничтожения Красной книги. Он будет действовать, возможно, более осторожно, но не менее решительно. – Кардинал выглядел серьёзным. – Будьте готовы к противодействию. Возможно, даже к прямой опасности.

– Я буду начеку, – пообещал Жан-Батист, понимая, что эти слова – не просто формальность, а вполне реальное предупреждение.

Секретный кабинет в Пале-Кардинал, 26 июля 1630 года

Кабинет, предоставленный кардиналом, оказался небольшой комнатой в дальнем крыле Пале-Кардинал, со скромной мебелью и одним зарешеченным окном. Но главное его преимущество заключалось в полной изоляции – никто, кроме Ришелье, не знал, что Жан-Батист и Селеста работают здесь.

Селеста прибыла рано утром, под предлогом передачи письма от королевы кардиналу. Жан-Батист уже ждал её, расположив на большом столе все материалы, которые им могли понадобиться – карты Версаля, планы будущего дворца, свои заметки о символах и формулах из Красной книги.

– Итак, – сказала Селеста, осматривая разложенные материалы, – кардинал согласился с планом модификации, а не прямого противодействия. Мудрое решение.

– Это была моя идея, – признался Жан-Батист. – Я подумал, что вместо того чтобы просто заблокировать план маркиза, мы можем преобразовать его. Использовать ту же энергию, но направить её к другой цели.

– Вы мыслите как настоящий Хранитель, – с одобрением сказала Селеста. – Баланс всегда предпочтительнее конфронтации. – Она наклонилась над планами. – Покажите, что именно задумал маркиз.

Жан-Батист указал на планировку садов и расположение основных зданий:

– Вот главная ось дворца, ориентированная на восход солнца в день рождения короля. А здесь, в садах, система фонтанов образует символ, похожий на тот, что был в Красной книге, – связанный с усилением энергетических потоков и истончением барьеров между реальностями.

Селеста внимательно изучила план:

– Да, я вижу. Это древний символ, использовавшийся в определённых... ритуалах трансформации сознания. – Она провела пальцем по линиям на карте. – А здесь, в расположении аллей, скрыт ещё один символ – связанный с расширением восприятия за пределы обычных чувств.

– Вы можете интерпретировать эти символы лучше меня, – заметил Жан-Батист. – Я запомнил их формы и общее назначение из Красной книги, но не все нюансы их действия.

– Моя семья веками изучала эти символы, – кивнула Селеста. – Мы называем их "ключами реальности" – формы, которые при правильном использовании могут влиять на то, как люди воспринимают мир. Или даже на сам мир.

Она взяла чистый лист бумаги и начала рисовать:

– Вот, смотрите. Каждый символ имеет своё... дополнение. Не противоположность, а именно дополнение, которое может изменить его действие, не блокируя полностью.

Жан-Батист внимательно наблюдал, как она рисует сложные узоры, похожие на те, что были в планах маркиза, но с тонкими изменениями.

– Если мы добавим эти элементы здесь и здесь, – продолжала Селеста, указывая на план садов, – энергия будет течь по-прежнему, но её эффект изменится. Вместо хаотического слияния сознаний, которое планирует маркиз, мы получим... более управляемое расширение восприятия.

– Расширение восприятия? – настороженно переспросил Жан-Батист. – Но разве это не опасно? После того, что случилось с группой Филиппа де Ноае...

– Есть разница между неконтролируемым слиянием сознаний и осознанным расширением восприятия, – объяснила Селеста. – Представьте: в плане маркиза люди теряют границы своего "я", не могут отличить свои мысли от чужих, свои воспоминания от коллективных. Это ведёт к безумию и хаосу.

– А в вашем плане?

– В нашем плане люди сохраняют целостность своего "я", но получают доступ к новым уровням восприятия. Способность яснее видеть связи между явлениями. Интуитивно понимать скрытые мотивы. Чувствовать эмоции других, не теряясь в них. – Она посмотрела на него. – Это то, что Хранители Света называют "пробуждением без растворения".

– Звучит всё равно рискованно, – заметил Жан-Батист.

– Жизнь вообще рискованное предприятие, месье Ламбер, – улыбнулась Селеста. – Но мы можем минимизировать риск, встроив определённые... защитные механизмы в саму структуру Версаля.

Она нарисовала ещё несколько символов:

– Вот эти элементы можно внедрить в орнаменты фасадов, в рисунок мощёных дорожек, в форму клумб. Они будут действовать как... стабилизаторы. Не позволят процессу выйти из-под контроля.

Жан-Батист внимательно изучал рисунки. Некоторые символы он узнавал из Красной книги, другие были ему незнакомы.

– Эти символы не были в книге, – заметил он.

– Потому что они происходят не из традиции Хранителей Печати, а из знаний моей семьи. – Селеста отложила перо. – Книга содержала много древней мудрости, но не всю. Некоторые знания передаются только устно, от учителя к ученику. Или, в случае нашей семьи, от матери к дочери.

– И вы уверены, что эти... модификации будут работать?

– Насколько вообще можно быть уверенным в чём-то, связанном с древними силами, – пожалала плечами Селеста. – Но моя интуиция говорит "да". А интуиция женщин рода Орсини редко ошибается.

Они работали весь день, разрабатывая план модификаций проекта Версаля. Жан-Батист использовал свою феноменальную память, воспроизводя символы и формулы из Красной книги, а Селеста интерпретировала их и предлагала способы трансформации.

К вечеру у них был готов предварительный план – детальная схема изменений, которые нужно было внести в архитектуру и ландшафт Версаля, чтобы превратить потенциально опасный проект маркиза в нечто более позитивное.

– Осталось самое сложное, – сказал Жан-Батист, глядя на результат их трудов. – Как внедрить эти изменения в реальный проект без ведома маркиза?

– Для этого нам нужен союзник среди архитекторов, – ответила Селеста. – Кто-то, кто сможет незаметно внедрять наши модификации в процессе строительства.

– Кардинал говорил о том же. Но кого мы можем привлечь? Лево полностью под влиянием маркиза.

– Лево – главный архитектор, да. Но не единственный. – Селеста задумчиво покрутила перо в руках. – У меня есть на примете один человек. Молодой архитектор по имени Франсуа Мансар. Талантливый, амбициозный, не боящийся экспериментировать. И, что самое важное, уже знакомый с... определёнными аспектами нашего дела.

– Он Хранитель?

– Не совсем. Скорее... посвящённый. Его дед был членом ордена и передал внуку некоторые знания. – Селеста улыбнулась. – К тому же, Мансар имеет определённое влияние на короля. Людовик ценит его стиль и уже поручал ему несколько небольших проектов.

– Он согласится помочь нам?

– Если подойти к нему правильно... – Селеста кивнула. – Я могу организовать встречу. Но вы должны быть тем, кто убедит его. У вас есть определённый... дар убеждения, месье Ламбер. И искренность, которая внушает доверие.

Жан-Батист смутился от комплимента:

– Я сделаю всё возможное.

Они собрали свои материалы, тщательно сложив их в запираемый ящик, который должен был оставаться в секретном кабинете. Когда всё было готово, Селеста повернулась к Жану-Батисту:

– Вы проделали отличную работу сегодня. Граф Россини не ошибся в вас.

– Спасибо, но большая часть заслуги принадлежит вам, – искренне ответил он. – Без ваших знаний я бы не смог правильно интерпретировать символы из книги.

– Мы хорошая команда, – просто сказала она. – Как и должно быть.

Их взгляды встретились, и на мгновение между ними возникло напряжение – не враждебное, а иного рода. Жан-Батист внезапно осознал, как близко они стоят, как легко было бы сделать шаг вперёд, преодолеть то небольшое расстояние, которое разделяло их...

Но предупреждение кардинала эхом отозвалось в его сознании: "В нашем деле эмоции могут быть опасны."

Он сделал шаг назад и кашлянул:

– Я доложу кардиналу о наших успехах. Когда мы сможем встретиться с Мансаром?

Селеста, казалось, поняла его сомнения. Тень разочарования промелькнула в её глазах, но быстро сменилась деловым выражением:

– Я постараюсь организовать встречу в ближайшие дни. Как только будет известно время и место, я активирую медальон.

– Буду ждать, – кивнул Жан-Батист.

Они покинули кабинет разными выходами, чтобы не привлекать внимания. Жан-Батист направился прямо к кардиналу для доклада, а Селеста вернулась в Лувр к своим обязанностям фрейлины.

Их план был разработан, первые шаги намечены. Теперь предстояло самое сложное – реализовать его в мире, полном интриг, предательств и скрытых мотивов. В мире, где нельзя было полностью доверять никому, даже самым близким людям.

Глава 7: Заговор

Париж, мастерская архитектора Мансара, 30 июля 1630 года

Франсуа Мансар оказался энергичным человеком средних лет, с живым интеллигентным лицом и пронзительными глазами художника. Его мастерская, расположенная в тихом квартале недалеко от Лувра, поражала обилием чертежей, эскизов, моделей зданий, развешанных по стенам и расставленных на столах.

– Мадам де Вивье говорила о вас с большим уважением, месье Ламбер, – сказал Мансар после представления. – Это редкость – она нечасто хвалит людей.

– Мы с мадам де Вивье работаем над общим проектом, – осторожно ответил Жан-Батист.

– Проектом, связанным с Версалем, как я понимаю, – кивнул архитектор. – И с определёнными... аспектами его планировки, которые интересуют не только эстетику, но и другие сферы.

Жан-Батист переглянулся с Селестой. Очевидно, Мансар был гораздо лучше посвящён в тайны Хранителей, чем она говорила.

– Да, – подтвердил Жан-Батист. – Нас беспокоят планы маркиза де Ла Кроза относительно Версаля. Мы считаем, что они могут быть... опасны.

– "Опасны" – мягко сказано, месье, – серьёзно ответил Мансар. – Если то, что я слышал о его намерениях, верно, результатом может быть катастрофа, выходящая далеко за рамки архитектурного провала. – Он указал на один из чертежей на стене. – Я был в группе архитекторов, первоначально рассматривавшихся для проекта. Видел ранние планы. И сразу заметил определённые... особенности планировки.

– Символы силы, встроенные в архитектуру и ландшафт, – кивнула Селеста.

– Именно. – Мансар подошёл к большому столу и развернул чистый лист бумаги. – Маркиз использует древние формулы, известные Хранителям, чтобы превратить Версаль в гигантский... усилитель. Место, где барьеры между разными уровнями сознания истончаются до предела.

– Вы знаете о Хранителях Печати? – прямо спросил Жан-Батист.

– Мой дед был членом ордена, – спокойно ответил Мансар. – Он посвятил меня в некоторые аспекты его истории и знаний. Особенно в те, которые касаются архитектуры и символики. Многие великие зодчие прошлого принадлежали к ордену, месье Ламбер. Строители соборов, дворцов, мостов... Они внедряли древние знания в свои творения, создавая не просто здания, а... инструменты трансформации реальности.

– И вы считаете, что маркиз де Ла Кроз пытается сделать то же самое?

– С одной существенной разницей. – Мансар нахмурился. – Старые мастера работали в гармонии с природными энергетическими потоками. Усиливали их, направляли, но не искажали радикально. Маркиз же стремится к резкому, насильственному изменению. К прорыву барьеров, которые, возможно, существуют не просто так, а для защиты.

– Защиты от чего? – спросил Жан-Батист.

Мансар и Селеста обменялись взглядами.

– От того, что лежит за пределами обычного человеческого восприятия, – осторожно ответила Селеста. – Существуют... сферы реальности, с которыми обычное сознание не готово взаимодействовать. По крайней мере, не напрямую и не в полном объёме.

– Вы говорите о... других мирах? – недоверчиво спросил Жан-Батист.

– Не совсем, – покачал головой Мансар. – Скорее о других измерениях того же мира. Представьте себе, что реальность подобна книге с множеством страниц. Мы обычно воспринимаем только одну страницу – ту, на которой находится наше физическое существование. Но есть и другие страницы. И иногда границы между ними становятся... проницаемыми.

Жан-Батист вспомнил странные сны, которые преследовали его с момента получения перстня. Видения других времён, других мест, других людей... Были ли это проблески тех самых "страниц реальности", о которых говорил Мансар?

– И Версаль находится в месте, где эти границы тоньше обычного? – догадался он.

– Именно, – кивнул архитектор. – Древние знали об этом. Дрииды, римляне, затем тампьеры... Все они отмечали это место как особенное. Точку соприкосновения нашего мира с... иными сферами.

– И что конкретно планирует маркиз? – спросил Жан-Батист, возвращаясь к практическим вопросам. – Какова его истинная цель?

– Мы не знаем наверняка, – вздохнула Селеста. – Но если судить по символам, которые он встраивает в план Версаля, речь идёт о массовом изменении сознания всех, кто будет находиться во дворце и садах. О своего рода... коллективной трансформации восприятия.

– Подобной той, что произошла в эксперименте Филиппа де Ноае?

– Похожей, но в гораздо большем масштабе. – Мансар подошёл к одному из чертежей. – Смотрите, вот план системы фонтанов и водоёмов, которую предложил маркиз. На первый взгляд – просто красивый архитектурный ансамбль. Но если наложить на него древний символ из традиции Хранителей...

Он взял прозрачную бумагу с нарисованным сложным геометрическим узором и положил поверх плана. Узор идеально совпал с расположением фонтанов, бассейнов и каналов.

– Видите? Это символ, известный как "Врата Порога". Древний знак, связанный с переходом между различными состояниями сознания. Или, если верить некоторым источникам, между различными реальностями.

Жан-Батист внимательно изучал наложение. Действительно, совпадение было поразительным. Слишком точным, чтобы быть случайным.

– Мы с мадам де Вивье разработали план модификаций, – сказал он, доставая свёрнутый лист из-за пазухи. – Изменения, которые, по нашему мнению, могут преобразовать потенциально опасную схему маркиза в нечто более... сбалансированное.

Он развернул чертёж на столе. Мансар склонился над ним, внимательно изучая предложенные модификации.

– Интересно... – пробормотал он. – Очень интересно. Вы используете древнюю технику "дополнения", а не "противодействия". Умный подход.

– Это была идея месье Ламбера, – с лёгкой гордостью сказала Селеста. – Я лишь помогла с интерпретацией символов.

– И вы хотите, чтобы я внедрил эти изменения в процессе строительства? – Мансар выпрямился, глядя на них. – Не будучи официально назначенным архитектором проекта?

– Мы надеемся, что вы найдёте способ, – сказал Жан-Батист. – Возможно, через влияние на Лево или других архитекторов. Или через прямое обращение к королю с предложениями "эстетических улучшений".

Мансар задумчиво потёр подбородок:

– Это сложно, но возможно. У меня действительно есть определённое влияние на Лево – он уважает моё мнение в вопросах пропорций и декоративных элементов. А король... он восприимчив к новым идеям, особенно если они представлены как улучшения его видения.

– Вы поможете нам? – прямо спросила Селеста.

– Да, – решительно ответил архитектор. – Не только потому, что уважаю вас и традицию, которую вы представляете, мадам де Вивье. Но и потому, что как архитектор я не могу допустить, чтобы великий проект был искажён для... сомнительных целей.

Он взял лист с их модификациями:

– Я изучу это более детально и разработаю способы внедрения изменений, которые не вызовут подозрений у маркиза. Это потребует времени и осторожности.

– Время у нас есть, – сказал Жан-Батист. – Строительство Версаля займет годы. Главное – заложить правильные основы с самого начала.

– Именно. – Мансар кивнул. – Фундаментальные элементы – ориентация главной оси, расположение основных зданий, планировка садов – вот что определит общий... эффект комплекса.

– Когда вы сможете начать? – спросила Селеста.

– Немедленно. – Архитектор улыбнулся. – По счастливому совпадению, король пригласил меня посетить Версаль завтра. Якобы для консультации по вопросам интерьеров, но я могу использовать эту возможность, чтобы осмотреть территорию и внести первые предложения.

– Будьте осторожны, – предупредил Жан-Батист. – Маркиз де Ла Кроз наблюдателен и подозрителен. Если он заметит, что вы вмешиваетесь в его планы...

– Я буду действовать крайне осмотрительно, месье Ламбер, – заверил его Мансар. – Всю свою жизнь я работаю при дворе, где каждый проект – это поле битвы амбиций и интриг. Я знаю, как продвигать идеи, не привлекая нежелательного внимания.

Они договорились о способе поддерживать связь – через надёжного слугу Мансара, который будет доставлять зашифрованные послания на условленный адрес. Прощаясь, архитектор крепко пожал руку Жану-Батисту:

– Я рад познакомиться с наследником графа Россини. Он был великим человеком и верным хранителем традиции.

– Вы знали его? – удивился Жан-Батист.

– Не лично, но через моего деда. – Мансар слегка улыбнулся. – В определённых кругах имя графа Россини было легендой. Хранитель Архива, обладающий не только совершенной памятью, но и мудростью, необходимой для правильного использования знаний.

Он посмотрел на Жана-Батиста оценивающим взглядом:

– Он выбрал достойного преемника, как я вижу. Человека, который понимает, что знание – инструмент, который может служить как созиданию, так и разрушению. Всё зависит от рук, которые его держат.

Эти слова эхом отозвались в сознании Жана-Батиста, когда они с Селестой покидали мастерскую архитектора. Действительно, знание само по себе не было ни добром, ни злом. Всё зависело от намерений того, кто его использовал.

И в этом была главная разница между ним и маркизом де Ла Крозом. Не в количестве знаний или силе, а в целях, которым они служили.

Сады Тюильри, тот же день, вечер

После встречи с Мансаром Жан-Батист и Селеста решили пройтись по садам Тюильри, чтобы обсудить дальнейшие планы. Летний вечер был тёплым, аромат цветов наполнял воздух. Парижане всех сословий прогуливались по аккуратным аллеям, наслаждаясь хорошей погодой.

– Я впечатлён Мансаром, – сказал Жан-Батист, когда они отошли на безопасное расстояние от мастерской. – Он гораздо глубже понимает символику Хранителей, чем я ожидал.

– Некоторые семьи хранят связь с орденом на протяжении поколений, даже если не являются полноправными членами, – ответила Селеста. – Особенно семьи мастеров – архитекторов, художников, скульпторов. Для их искусства знание древних символов и пропорций всегда было ценным.

Они шли по аллее, обсаженной подстриженными липами. Прохожие не обращали на них особого внимания – просто еще одна пара, наслаждающаяся вечерней прогулкой.

– Что вы думаете о словах Мансара насчёт "других измерений реальности"? – спросил Жан-Батист. – Это звучит почти как... суеверие.

Селеста задумалась, прежде чем ответить:

– Для современной науки – возможно. Но наука постоянно расширяет свои границы, не так ли? То, что вчера казалось суеверием, сегодня становится объектом серьёзного изучения. –

Она посмотрела на него. – Подумайте о недавних открытиях в области оптики, математики, астрономии. О работах Галилея, Кеплера. Разве они не изменили наше представление о мире?

– Изменили, – согласился Жан-Батист. – Но одно дело – открытия, основанные на наблюдениях и расчётах, и совсем другое – разговоры о "других измерениях" и "барьерах между реальностями".

– А что, если это просто вопрос инструментов наблюдения? – предположила Селеста. – У нас есть телескопы для наблюдения за далёкими звёздами, микроскопы для изучения мельчайших существ. Но у нас нет... инструментов для наблюдения за теми аспектами реальности, которые лежат за пределами наших обычных чувств.

– Кроме нашего собственного сознания, – задумчиво сказал Жан-Батист.

– Именно! – Селеста оживилась. – Сознание – вот инструмент, который мы только начинаем по-настоящему изучать. И Хранители Печати веками исследовали его возможности, его... гибкость, его способность воспринимать то, что обычно скрыто.

Жан-Батист вспомнил свои странные сны, видения прошлого, которые казались такими реальными, словно он действительно был там.

– Я начинаю понимать, – медленно сказал он. – С тех пор, как я получил перстень, я вижу сны... о прошлом. О людях и событиях, которых не мог знать. Это... воспоминания предыдущих Хранителей Архива?

– Отчасти, – кивнула Селеста. – Перстень действительно связывает вас с коллективной памятью ордена. Но это также может быть пробуждение ваших собственных... скрытых способностей восприятия.

Они дошли до небольшого фонтана и сели на скамью рядом с ним. Брызги воды создавали приятную прохладу в тёплом вечернем воздухе.

– То, что планирует маркиз с Версалем, – это своего рода... принудительное пробуждение таких способностей у всех, кто будет находиться там? – спросил Жан-Батист.

– Да, но без необходимой подготовки и защиты. – Селеста выглядела обеспокоенной. – Представьте, что вы всю жизнь жили в тёмной пещере, а потом вас внезапно вытащили на яркое солнце. Ваши глаза не готовы к такому свету – вы будете ослеплены, возможно, даже получите необратимые повреждения зрения.

– То же самое с сознанием, – понял Жан-Батист. – Резкое расширение восприятия без подготовки может привести к... повреждению разума.

– Именно. Вот что случилось в эксперименте Филиппа де Ноае. И что может произойти в Версале, если план маркиза будет реализован в первоначальном виде.

– А наши модификации?

– Они сделают процесс более... постепенным. Более естественным. – Селеста задумалась. – Представьте это как фильтр для того самого яркого света. Люди всё равно увидят больше, чем привыкли, но это не ослепит их. Не сведёт с ума.

– И что именно они увидят? – настаивал Жан-Батист. – Какова конечная цель всей этой... трансформации восприятия?

Селеста долго смотрела на него, словно решая, сколько можно рассказать.

– Конечная цель, как её видят Хранители Света, – это постепенное расширение человеческого сознания до уровня, когда мы сможем видеть... взаимосвязи всех вещей. Понимать, как наши действия влияют не только на непосредственное окружение, но и на более широкий контекст. – Она помолчала. – Возможно, это звучит слишком абстрактно. Но представьте мир, где люди интуитивно понимают последствия своих решений. Где правители видят, как их политика влияет не только на сиюминутные интересы, но и на будущее поколений. Где каждый человек осознаёт свою связь со всеми остальными.

– Звучит утопично, – заметил Жан-Батист.

– Возможно. Но разве не к этому стремится любая философия, любая религия, любая этическая система? К расширению нашего понимания, нашей эмпатии, нашей способности видеть дальше собственных непосредственных интересов? – Селеста взяла его за руку. – Маркиз де Ла Кроз хочет форсировать этот процесс, не заботясь о цене. Мы же стремимся к более естественному, органичному развитию.

Они сидели в молчании, наблюдая за игрой воды в фонтане. Рука Селесты была тёплой в ладони Жана-Батиста, и он не спешил её отпускать.

– Есть ещё кое-что, что я хотел бы спросить, – наконец сказал он. – О вас. О вашем прошлом.

Селеста напряглась:

– Что именно?

– Королева-мать говорила мне спросить вас о Флоренции. О семье Орсини. И о том... как на самом деле погиб ваш муж.

Рука Селесты вздрогнула, но она не отняла её.

– Мария Медичи всегда знала слишком много, – тихо сказала она. – Как и подобает флорентийке из дома Медичи.

Она глубоко вздохнула:

– Я действительно из семьи Орсини. Древнего рода, связанного с Хранителями Света почти с момента их основания. – Женщины нашей семьи всегда обладали... особыми способностями. Интуицией, выходящей за рамки обычного. Способностью видеть то, что скрыто от обычных глаз. – Селеста смотрела на воду в фонтане, словно видя там образы прошлого. – Меня готовили к определённой роли с самого детства. К роли Хранительницы Света.

– А ваш муж? Граф де Вивье?

– Его никогда не существовало, – тихо призналась Селеста. – По крайней мере, не как моего супруга. Это была... легенда, созданная для прикрытия. Чтобы объяснить моё положение при французском дворе, мою независимость как "вдовы". – Она помолчала. – На самом деле я прибыла во Францию по поручению Хранителей Света. Чтобы следить за активностью маркиза де Ла Кроза и его фракции.

– А граф Россини?

– Альберто был... – Её голос дрогнул. – Моим наставником сначала. Затем партнёром. И да, возлюбленным. Мы работали вместе много лет, отслеживая действия радикалов внутри ордена. – Она сжала руку Жана-Батиста. – Когда маркиз начал продвигать свой план с Версалем, Альберто понял, что нам нужны доказательства. Документы, подтверждающие истинные намерения де Ла Кроза. Он отправился в Италию, чтобы найти эти доказательства.

– И был убит на обратном пути, – тихо закончил Жан-Батист.

– Да. Не обычными разбойниками, как могло показаться, а агентами маркиза. – Селеста смотрела вдаль, но Жан-Батист видел, что её взгляд обращён в прошлое. – Перед отъездом Альберто говорил мне, что нашёл кого-то... особенного. Человека с феноменальной памятью и чистым сердцем, который мог бы стать его преемником, если с ним что-то случится.

– Меня, – выдохнул Жан-Батист.

– Вас. – Селеста наконец посмотрела на него. – Он планировал нашу встречу. Но не успел. Когда я узнала, что перстень перешёл к вам, я начала следить за вами. Попыталась понять, что за человека выбрал Альберто. Можно ли вам доверять.

– И ваш вердикт? – мягко спросил Жан-Батист.

– Мой вердикт... – Селеста слабо улыбнулась. – Что Альберто, как всегда, оказался прав. Вы тот, кто нам нужен. Человек с памятью архивариуса и совестью философа.

На мгновение между ними повисло молчание, наполненное невысказанными словами и чувствами. Затем Селеста мягко отняла свою руку и выпрямилась.

– Уже поздно, и нас могут хватиться. Мне нужно вернуться в Лувр до того, как королева заметит моё отсутствие.

– Позвольте проводить вас, – предложил Жан-Батист, вставая.

– Нет, лучше нам разойтись здесь. – Селеста покачала головой. – Чем меньше нас видят вместе, тем лучше. Маркиз имеет глаза и уши повсюду, не только в Версале.

Она встала, готовясь уходить, но задержалась на мгновение:

– Будьте осторожны, Жан-Батист. Теперь, когда мы активно противодействуем планам маркиза, он может предпринять более... решительные меры.

– Я буду начеку, – пообещал он.

Селеста неожиданно наклонилась и легко поцеловала его в щёку:

– До нашей следующей встречи, – прошептала она и быстро ушла по аллее, растворившись в сумерках.

Жан-Батист стоял неподвижно, ощущая тепло её поцелуя на своей коже и странное смешение чувств в сердце. Что это – рождающееся чувство к женщине, которая становилась всё дороже ему с каждой встречей? Или привязанность к единственному человеку, по-настоящему разделяющему его новый, таинственный мир?

Он не знал ответа. Но одно было ясно – их судьбы теперь переплетены гораздо теснее, чем можно было представить.

Пале-Кардинал, кабинет кардинала, следующий день

– Мансар, значит, – задумчиво сказал кардинал Ришелье, выслушав доклад Жана-Батиста о встрече с архитектором. – Интересный выбор. Талантливый человек с определёнными... амбициями.

– Вы его знаете, ваше высокопреосвященство?

– Конечно. Я слежу за всеми, кто имеет доступ к королю. – Ришелье слегка улыбнулся. – Мансар давно пытается получить более значительные заказы. Ему не хватает не таланта, а... гибкости в обращении с высокопоставленными клиентами. Он слишком настаивает на своём видении, что не всегда нравится знатным заказчикам, предпочитающим, чтобы их вкусы уважали.

– Мне показалось, что он искренне заинтересован в противодействии планам маркиза.

– Возможно. Или в продвижении собственной карьеры через участие в самом престижном проекте десятилетия. – Кардинал пожал плечами. – Мотивы людей редко бывают простыми, месье Ламбер. Особенно в нашем мире.

Жан-Батист задумался. Кардинал, как всегда, смотрел на ситуацию через призму политики и личных интересов. В его мире чистая идеалистическая мотивация была редкостью, если не иллюзией.

– В любом случае, Мансар может быть полезен, – продолжил Ришелье. – Если он действительно имеет влияние на Лево и может внести необходимые изменения в проект, не привлекая внимания маркиза, это даёт нам преимущество. – Кардинал наклонился вперёд. – Но нам нужен запасной план. На случай, если маркиз обнаружит наше вмешательство или если Мансар окажется... ненадёжным.

– Какой план, ваше высокопреосвященство?

– Дискредитация маркиза в глазах короля. – Ришелье говорил деловым тоном, словно обсуждал повседневную административную задачу, а не интригу против влиятельного придворного. – Людовик любит Версаль, но его любовь к проекту во многом основана на энтузиазме маркиза. Если де Ла Кроз потеряет доверие короля...

– Его заменят, – закончил Жан-Батист. – И проект будет реализован в более... безопасном варианте.

– Именно. – Кардинал кивнул. – Нам нужны компрометирующие материалы на маркиза. Доказательства того, что он преследует личные цели, противоречащие интересам короны.

– Но если его истинная цель – изменение человеческого восприятия через архитектуру Версаля, как мы можем доказать это королю? Людовик XIII вряд ли поверит в... мистические аспекты проекта.

– Вы правы, король скептически относится к таким вещам. – Ришелье задумчиво постукивал пальцами по столу. – Но маркиз наверняка имеет и другие... уязвимости. Связи с иностранными державами? Тайные встречи с подозрительными лицами? Переписка, содержание которой может быть истолковано как антимонархическое?

Жан-Батист почувствовал дискомфорт. Сбор компромата, шпионаж, интриги – всё это было далеко от его представлений о служении истине и справедливости.

– Вас что-то беспокоит, месье Ламбер? – проницательно спросил кардинал.

– Я просто... не уверен, что такие методы соответствуют высоким целям, которые мы преследуем, – осторожно ответил Жан-Батист.

Ришелье долго смотрел на него, затем неожиданно улыбнулся – искренне, без обычной иронии:

– Ваша моральная щепетильность делает вам честь, месье Ламбер. Но позвольте спросить: если бы вы знали, что человек планирует убийство, и единственный способ остановить его – скомпрометировать его репутацию, разве вы не сделали бы это?

– Я... не знаю, – честно ответил Жан-Батист. – Зависит от обстоятельств. От уверенности в его намерениях.

– Именно. – Кардинал кивнул. – И в нашем случае, если мы верим, что план маркиза де Ла Кроза с Версалем представляет реальную опасность для тысяч людей, разве не оправданы определённые... компромиссы с чистотой средств?

Жан-Батист задумался. Логика кардинала была убедительной. И всё же...

– Я понимаю вашу точку зрения, ваше высокопреосвященство. Но боюсь, что как только мы начнём оправдывать любые средства благородной целью, мы рискуем потерять моральный компас.

Вместо того чтобы рассердиться, кардинал выглядел заинтригованным:

– Интересная дилемма, не так ли? Где провести линию между необходимой гибкостью и принципиальностью? – Он откинулся в кресле. – В любом случае, я не прошу вас лично заниматься... грязной работой. У меня есть люди для этого. Просто имейте в виду, что если наш план с архитектурными модификациями не сработает, нам придётся прибегнуть к более... решительным мерам.

– Я понимаю, ваше высокопреосвященство.

– Хорошо. – Кардинал сменил тему. – Теперь о другом деле. Я получил интересную информацию от своих агентов. Похоже, маркиз де Ла Кроз организует некое... собрание в своём поместье под Парижем. Нечто вроде тайного совета своих сторонников.

– Когда?

– Через три дня. В ночь полнолуния. – Ришелье усмехнулся. – Любопытное совпадение, не находите? Для человека, утверждающего, что руководствуется чистой рациональностью, маркиз демонстрирует удивительную приверженность... оккультным традициям.

– Что нам известно об этом собрании?

– Немного. – Кардинал покачал головой. – Мои информаторы смогли узнать только дату и место. И то, что съедутся люди из разных частей Европы. Некоторые, предположительно, высокопоставленные члены ордена Хранителей Печати.

– Возможно, они будут обсуждать план с Версалем, – предположил Жан-Батист. – Особенно после потери Красной книги.

– Вполне вероятно. Что делает это собрание исключительно интересным для нас. – Ришелье посмотрел на Жана-Батиста. – Я хочу, чтобы вы были там. В качестве наблюдателя.

– Я? – удивился Жан-Батист. – Но как я попаду на закрытое собрание сторонников маркиза?

– Не на само собрание. – Кардинал покачал головой. – Это было бы слишком рискованно. Но поблизости. Поместье маркиза расположено в лесистой местности. Есть возможности для... наблюдения извне.

– Вы хотите, чтобы я шпионил за ними?

– Я хочу, чтобы вы узнали их планы, – мягко поправил кардинал. – Информация – ключ к победе в любой игре, месье Ламбер. А мы определённо участвуем в игре, ставки в которой исключительно высоки.

Жан-Батист неохотно кивнул. Кардинал был прав. Им нужно было знать, что замышляет маркиз после потери Красной книги. Изменил ли он свои планы? Нашёл ли другие источники древнего знания?

– Я сделаю это, ваше высокопреосвященство.

– Прекрасно. Жерар, старый охранник графа Россини, сопровождает вас. Он знает местность и имеет опыт в... деликатных операциях. – Кардинал встал, показывая, что аудиенция окончена. – Будьте осторожны, месье Ламбер. Маркиз де Ла Кроз – опасный противник. Если он обнаружит ваше присутствие...

– Я понимаю риск, – спокойно ответил Жан-Батист. – И готов его принять.

Когда он вышел из кабинета кардинала, в голове роились мысли. Собрание сторонников маркиза могло дать ценную информацию о их планах. Но оно также представляло серьёзную опасность для того, кто осмелился бы шпионить за ними.

И всё же другого выхода не было. Чтобы противостоять планам де Ла Кроза, им нужно было знать, что именно он замышляет.

Таверна "Серебряный голубь", вечер того же дня

Жан-Батист решил посетить таверну "Серебряный голубь", надеясь встретить там д'Артаньяна или других мушкетёров. После разговора с кардиналом он чувствовал потребность в обществе людей, менее погружённых в мир тайных интриг и оккультных знаний. Людей, чьи представления о чести и долге были более... прямолинейными.

Таверна была полна посетителей – в основном военных, горожан среднего достатка, мелких чиновников. Громкие разговоры, смех, звон кружек создавали атмосферу беззаботного веселья, такую непохожую на напряжённую тишину кабинетов Пале-Кардинал.

К своему удовольствию, Жан-Батист заметил в углу знакомую компанию – четверых мушкетёров, увлечённых карточной игрой и беседой. Д'Артаньян первым заметил его и радостно помахал:

– Ламбер! Сюда, друг мой!

Жан-Батист подошёл к их столу, где был встречен тёплыми приветствиями. Даже обычно сдержанный Атос казался более оживлённым, чем обычно.

– Присаживайтесь, месье, – сказал он, подвигая стул. – Мы как раз обсуждаем последние новости из Версаля.

– Версаля? – напрягся Жан-Батист, усаживаясь.

– Да, этот грандиозный проект короля, – с энтузиазмом подхватил Портос. – Говорят, это будет самый великолепный дворец в Европе! С фонтанами, садами, бальными залами...

– И самыми красивыми фрейлинами, – подмигнул Арамис. – Когда двор переедет туда из Лувра, это будет настоящий рай на земле.

– Если его вообще когда-нибудь закончат, – скептически заметил Атос. – Такие проекты часто начинаются с большим энтузиазмом, но затем сталкиваются с... непредвиденными трудностями.

Жан-Батист внимательно посмотрел на него. Была ли это просто общая скептическая оценка или намёк на то, что Атос знал больше, чем говорил?

– Вы были в Версале недавно, месье Ламбер? – спросил Арамис. – Как секретарь кардинала, вы наверняка посещаете строительство вместе с ним.

– Да, несколько дней назад, – осторожно ответил Жан-Батист. – Работы идут полным ходом. Король очень воодушевлён проектом.

– А кардинал? – пронзительно спросил Атос. – Он разделяет энтузиазм Его Величества? Жан-Батист почувствовал, что вопрос не так прост, как кажется.

– Его высокопреосвященство поддерживает все начинания короля, – дипломатично ответил он.

– Конечно, конечно, – с лёгкой иронией согласился Атос. – Кардинал всегда был... преданным слугой короны.

Д'Артаньян, заметив напряжение, сменил тему:

– Расскажите лучше, как поживаете вы, мой друг? Мы не виделись с тех пор, как... – Он запнулся, очевидно не желая упоминать их последнюю встречу в лесу возле Версаля в присутствии других мушкетёров.

– С тех пор, как вы помогли мне выбраться из неприятной ситуации? – спокойно закончил Жан-Батист, глядя на Атоса. – Да, я до сих пор благодарен за вашу своевременную помощь.

Атос едва заметно кивнул, но ничего не сказал. Портос и Арамис переглянулись с любопытством.

– Что за неприятная ситуация? – заинтересованно спросил Арамис.

– О, ничего особенного, – небрежно ответил д'Артаньян. – Просто наш друг заблудился в лесу возле Версаля, и я помог ему найти дорогу.

Жан-Батист был благодарен молодому мушкетёру за тактичность. Очевидно, д'Артаньян не рассказал своим товарищам о том, как нашёл Жана-Батиста, преследуемого людьми маркиза, и как Атос помог ему скрыться в своей охотничьей хижине.

– В любом случае, – продолжил д'Артаньян, – я рад видеть вас в добром здравии, месье Ламбер. В наши дни Париж становится опасным местом для людей, связанных с... определёнными кругами.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Жан-Батист.

– Слухи, – вступил в разговор Арамис. – Тревожные слухи о странных происшествиях. Люди исчезают. Некоторые – люди не последнего ранга при дворе. Архивариус королевской библиотеки. Секретарь испанского посольства. Младший сын герцога де Бофора. – Он понизил голос. – Все они имели одну общую черту – интерес к... эзотерическим знаниям.

Жан-Батист почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это не могло быть совпадением.

– И когда это началось?

– Около месяца назад, – ответил Атос, внимательно глядя на него. – Примерно тогда, когда вы прибыли в Париж, месье Ламбер. И когда начал набирать обороты проект Версаля.

– Вы не думаете, что я...

– Никто не выдвигает обвинений, – мягко прервал его Атос. – Я лишь отмечаю временное совпадение. И предполагаю, что вы, как человек наблюдательный, могли заметить... закономерности, которые не видны другим.

Жан-Батист понял, что Атос пытается передать ему какое-то сообщение. Намекает на связь между исчезновениями и проектом Версаля. Или, точнее, между исчезновениями и маркизом де Ла Крозом.

– Я слышал о некоторых исчезновениях, – осторожно сказал он. – Но не придавал им значения. Думал, что это обычные происшествия большого города.

– Возможно, так и есть, – согласился Атос. – Но в таком случае, странное совпадение, что все исчезнувшие интересовались древними символами, алхимией, оккультными науками...

– И имели связи с определёнными... общественными кругами, – многозначительно добавил Арамис.

Жан-Батист понял, что мушкетёры знают гораздо больше о Хранителях Печати и внутреннем конфликте ордена, чем он предполагал. Оставался вопрос: на чьей они стороне?

– Если кому-то известно что-то конкретное об этих исчезновениях, – осторожно сказал он, – было бы правильно сообщить властям.

– Властям? – Атос горько усмехнулся. – А кто эти "власти", месье Ламбер? Король, который видит только то, что хочет видеть? Кардинал, ведущий собственную игру? Или, может быть, городская стража, которая боится вмешиваться в дела аристократов?

– Есть ещё люди чести, – тихо сказал д'Артаньян. – Люди, готовые защищать справедливость, даже если это не входит в их официальные обязанности.

Жан-Батист посмотрел на четырёх мушкетёров, и внезапное понимание озарило его. Эти люди не просто случайно знали о Хранителях Печати. Они активно противостояли фракции маркиза де Ла Кроза. Возможно, под руководством Атоса, который явно имел личные счёты с маркизом.

– Если бы кто-то владел информацией о... закономерностях этих исчезновений, – медленно сказал Жан-Батист, – и если бы этот кто-то хотел поделиться этой информацией с людьми чести... Как бы это могло произойти?

– В таверне "Зелёный дракон" на улице Сен-Жак есть комната на втором этаже, – тихо ответил Атос. – Комната, где иногда собираются люди, обеспокоенные... необычными событиями. Эти люди будут там завтра вечером, в девять часов. – Он сделал паузу. – Любой, кто разделяет их озабоченность, будет желанным гостем.

– Я передам это тем, кого это может заинтересовать, – кивнул Жан-Батист.

Разговор перешёл на более лёгкие темы – последние дуэли, городские сплетни, модные наряды придворных дам. Но Жан-Батист оставался задумчивым. Мушкетёры только что пригласили его на встречу какой-то группы, явно связанной с противодействием маркизу де Ла Крозу. Но были ли они связаны с Хранителями Света, как Селеста? Или представляли третью силу в этом конфликте?

И стоит ли ему посещать эту встречу, не посоветовавшись сначала с кардиналом?

Когда вечер подходил к концу, и мушкетёры собирались уходить, Атос отвёл Жана-Батиста в сторону:

– Будьте осторожны, месье Ламбер. Особенно в ближайшие дни. Полнолуние всегда было... особым временем для определённых ритуалов. – Он пристально посмотрел на Жана-Батиста. – И если вы планируете быть где-то поблизости от поместья маркиза в эту ночь, помните: не всё, что вы увидите там, может быть объяснено рациональным разумом.

Жан-Батист вздрогнул:

– Откуда вы знаете о поместье маркиза?

– У меня свои источники, – уклончиво ответил мушкетёр. – Но важно не это. Важно, чтобы вы были подготовлены. – Он достал из кармана небольшой предмет, завернутый в ткань, и незаметно передал его Жану-Батисту. – Носите это при себе. Особенно когда будете рядом с... местами силы.

Жан-Батист осторожно принял свёрток, чувствуя через ткань что-то твёрдое и холодное.

– Что это?

– Защита, – просто ответил Атос. – От влияний, которые могут... исказить ваше восприятие. Особенно учитывая ваш перстень и его связь с коллективной памятью ордена.

С этими загадочными словами мушкетёр присоединился к своим товарищам, оставив Жана-Батиста с новыми вопросами и смутным чувством тревоги.

Вернувшись в свои апартаменты в Пале-Кардинал, Жан-Батист развернул ткань. Внутри оказался небольшой металлический диск с выгравированным на нём странным символом – не

пчелой Хранителей Печати и не солнцем с глазом Хранителей Света, а чем-то иным. Символ напоминал стилизованный цветок с восемью лепестками, вписанный в круг из непонятных знаков.

Жан-Батист внимательно изучил предмет. Он не был похож ни на что, виденное им раньше – ни в Красной книге, ни среди символов, которые показывала ему Селеста. Но металл диска излучал странное, едва уловимое тепло, даже несмотря на то, что на ощупь он был холодным.

Что это? И кем на самом деле был Атос? Просто бывшей жертвой эксперимента маркиза, ищущей мести? Или представителем какой-то третьей силы, о которой Жан-Батист ещё не знал?

Размышляя об этом, он внезапно почувствовал тепло на груди. Медальон, подаренный Селестой, нагревался – сигнал, что она хочет встретиться с ним.

Судьба, казалось, решила, что у Жана-Батиста не будет спокойного вечера.

Собор Нотр-Дам, полночь

Жан-Батист прибыл к условленному месту встречи – к статуе ангела с символом Рака у подножия. Собор был закрыт для посещений в столь поздний час, но боковая дверь оказалась незапертой, как будто кто-то специально оставил её открытой для него.

Внутри было темно и тихо. Лишь несколько свечей горели перед алтарём, и лунный свет проникал сквозь витражи, создавая причудливые узоры на каменном полу. Жан-Батист осторожно продвигался между колоннами, держа руку на рукояти кинжала.

Силуэт Селесты он заметил у статуи ангела. Она была закутана в тёмный плащ, и только когда он подошёл совсем близко, он увидел её лицо – бледное, с выражением тревоги.

– Что случилось? – тихо спросил Жан-Батист.

– У нас проблемы, – так же тихо ответила она. – Маркиз де Ла Кроз узнал о нашем плане с Мансаром. Кто-то его предупредил.

– Кто? – напрягся Жан-Батист. – Кардинал? Мансар?

– Неизвестно. – Селеста покачала головой. – Но Мансар сегодня утром был вызван к королю, где присутствовал и маркиз. Ему прямо сказали, что его "творческие предложения" по изменению планировки Версаля не требуются. И что любые модификации проекта должны быть согласованы лично с маркизом.

– Значит, наш план провалился, – мрачно заключил Жан-Батист.

– Не совсем. – Селеста заговорила быстрее, с нотками возбуждения в голосе. – Мансар успел внести некоторые изменения в детали проекта. Небольшие, но важные. Символы защиты, встроенные в орнаменты фасадов. Модификации в планировке садовых дорожек. Не всё, что мы планировали, но достаточно, чтобы... смягчить эффект.

– Маркиз не заметил?

– Пока нет. Эти изменения слишком тонкие для неспециалиста. Но если он тщательно изучит новые чертежи...

– Он обнаружит их, – закончил Жан-Батист. – И тогда Мансар в опасности.

– Именно. – Селеста выглядела встревоженной. – Мы должны предупредить его. Защитить, если потребуется.

– Где он сейчас?

– В своей мастерской. Я отправила к нему надёжного человека с предупреждением, но не уверена, что этого достаточно. – Селеста подошла ближе. – Маркиз не из тех, кто прощает вмешательство в свои планы.

Жан-Батист вспомнил недавний разговор с мушкетёрами об исчезновениях людей, интересовавшихся эзотерическими знаниями.

– Вы думаете, маркиз может... устранить Мансара?

– Если посчитает его серьёзной угрозой – да, – твёрдо ответила Селеста. – Он делал это раньше. С теми, кто слишком много знал или мешал его планам.

– Как с графом Россини?

– Да. – Её голос дрогнул. – Альберто был не первой его жертвой. И, боюсь, не последней.

Жан-Батист принял решение:

– Мы должны проверить, в безопасности ли Мансар. Если нет – помочь ему скрыться.

– Я надеялась, что вы это скажете, – с облегчением произнесла Селеста. – У меня готова лошадь возле южной стены собора. Мы можем быть в мастерской Мансара через полчаса.

Они быстро покинули собор и направились к месту, где была привязана лошадь – крепкая вороная кобыла, способная нести двоих всадников. Селеста легко вскочила в седло, и Жан-Батист устроился позади неё.

Ночной Париж был опасным местом, но они избегали главных улиц, двигаясь по тёмным переулкам, где риск встретить ночную стражу или разбойников был минимальным. Селеста, казалось, прекрасно знала все тайные тропы города.

Когда они приблизились к дому, где располагалась мастерская Мансара, их встревожила необычная темнота. Ни одного огонька в окнах, хотя было известно, что архитектор часто работал до поздней ночи.

– Что-то не так, – прошептала Селеста, когда они спешили у входа.

Дверь была приоткрыта – ещё один тревожный знак. Жан-Батист вытащил кинжал и осторожно толкнул дверь.

Внутри царил хаос. Столы перевернуты, чертежи разбросаны по полу, модели зданий разбиты. Следы борьбы были очевидны.

– Мы опоздали, – тихо сказала Селеста, осматривая разгром.

Жан-Батист обшарил мастерскую, ища следы Мансара или его нападателей. На одном из столов он нашёл клочок бумаги с наспех нацарапанной запиской:

"Если кто-то ищет меня – я у Защитников Ключа. Только для СдВ и ЖБЛ."

– СдВ и ЖБЛ, – прочитал Жан-Батист. – Селеста де Вивье и Жан-Батист Ламбер. Это для нас.

– Защитники Ключа, – задумчиво повторила Селеста. – Я знаю эту группу. Небольшой орден, отколовшийся от Хранителей Печати много лет назад. Они... нейтральны в нынешнем конфликте, но имеют свои интересы.

– Вы знаете, где их найти?

– Да. У них есть убежище в старом аббатстве за городом. – Селеста выглядела обеспокоенной. – Но если Мансар обратился к ним, значит, он считал угрозу очень серьёзной. Защитники Ключа не вмешиваются в дела других орденов без крайней необходимости.

– Мы должны найти его, – решительно сказал Жан-Батист. – Убедиться, что он в безопасности. И узнать, что именно произошло.

– Согласна. – Селеста повернулась к выходу. – Но сначала мы должны предупредить кардинала. Если маркиз начал действовать так открыто, возможно, его планы продвинулись дальше, чем мы думали.

Они быстро покинули разгромленную мастерскую и направились обратно к лошади. Но едва они вышли на улицу, как заметили группу всадников, приближающихся со стороны главной дороги. В свете луны блеснули шпаги и пистолеты.

– Люди маркиза, – прошептала Селеста. – Они вернулись, чтобы замести следы. Быстро, сюда!

Она потянула Жана-Батиста в тёмный переулок рядом с домом Мансара. Они укрылись за грудой бочек, наблюдая, как всадники остановились перед мастерской. Их было пятеро – мрачные фигуры в тёмных плащах, вооружённые до зубов.

– Осмотрите всё, – приказал один из них, очевидно главный. – Найдите все чертежи, все наброски. Ничего не должно остаться.

Четверо спешили и вошли в дом, а предводитель остался на улице, настороженно оглядываясь по сторонам. В лунном свете Жан-Батист с удивлением узнал его – это был шевалье де Рошфор, тот самый молодой франт, которого он встретил на приёме у испанского посла в компании маркиза де Шатовьё.

Селеста тоже узнала его:

– Рошфор, – прошептала она. – Один из ближайших сторонников маркиза. Опасный человек.

– Я встречал его раньше, – тихо ответил Жан-Батист. – На приёме в испанском посольстве. Он был с маркизом де Шатовьё.

– Шатовьё? – Селеста удивлённо посмотрела на него. – Старый сторонник королевы-матери? Интересно... Не знала, что он связан с де Ла Крозом.

Они замолчали, когда люди Рошфора начали выносить из мастерской свёртки с чертежами, книги, инструменты. Всё это грузилось на лошадей.

– Они забирают все работы Мансара, – прошептал Жан-Батист. – Все его проекты, связанные с Версалем.

– И не только, – мрачно ответила Селеста. – Там могут быть и другие его работы. Исследования старинных зданий. Расшифровки древних архитектурных символов. Всё, что могло бы помочь нам противодействовать плану маркиза.

Когда грабёж был завершён, Рошфор отдал ещё один приказ:

– Теперь сожгите всё. Дом, мастерскую, всё, что осталось внутри. Никаких следов.

Один из его людей достал факел и масляную лампу:

– А как же соседние дома, месье? Пожар может распространиться.

– Не моя забота, – холодно ответил Рошфор. – Приказ маркиза был ясен: никаких следов.

Жан-Батист и Селеста переглянулись. Если они позволят этим людям поджечь дом Мансара, огонь может перекинуться на соседние здания, где жили невинные люди, ничего не знающие о конфликте тайных обществ.

– Мы должны остановить их, – решительно сказал Жан-Батист, сжимая рукоять кинжала.

– Нас только двое против пятерых вооружённых людей, – возразила Селеста. – Это самоубийство.

– Тогда мы должны отвлечь их. Создать шум, привлечь внимание соседей, ночной стражи...

Селеста задумалась на мгновение, затем кивнула:

– У меня есть идея. Оставайтесь здесь.

Прежде чем Жан-Батист успел возразить, она выскользнула из укрытия и растворилась в тени соседних домов. Через минуту он услышал женский крик, полный ужаса, доносящийся с противоположного конца улицы:

– Пожар! Помогите! Пожар в доме месье Лебрена!

Соседи начали просыпаться. В окнах зажигались свечи, послышались встревоженные голоса.

Рошфор и его люди переглянулись.

– Чёрт! – выругался шевалье. – Забудьте о пожаре. Уходим немедленно.

Они вскочили на лошадей и быстро удалились, увозя с собой награбленные материалы. Жан-Батист с облегчением вздохнул. По крайней мере, им удалось предотвратить пожар и возможную гибель невинных людей.

Через несколько минут Селеста вернулась, запыхавшаяся, но довольная:

– Сработало! Они ушли.

– Блестящая идея, – искренне похвалил Жан-Батист. – Но теперь вся улица на ногах. Нам тоже лучше уйти, пока нас не заметили рядом с разгромленной мастерской.

Они быстро вернулись к своей лошади и поскакали прочь. Только отъехав на безопасное расстояние, они остановились, чтобы решить, что делать дальше.

– Мы должны найти Мансара, – сказала Селеста. – Убедиться, что он в безопасности, и узнать, что именно произошло. Аббатство Защитников Ключа находится в нескольких часах пути от Парижа.

– А как же кардинал? – напомнил Жан-Батист. – Вы говорили, что нужно предупредить его.

Селеста задумалась:

– Вы правы. Но я не могу появиться в Пале-Кардинал в такой час без объяснений. Да и у меня нет той свободы доступа к кардиналу, какая есть у вас.

– Я мог бы вернуться и доложить ему о случившемся, а вы тем временем отправились бы на поиски Мансара, – предложил Жан-Батист.

– Нет, – решительно возразила Селеста. – Я не поеду к Защитникам Ключа одна. Этот орден... сложный. Они не доверяют посторонним. Мансар упомянул нас обоих в своей записке не случайно – возможно, только вместе мы сможем получить к нему доступ.

– Тогда что вы предлагаете?

– Мы оставим сообщение для кардинала. – Селеста спешила и достала из седельной сумки небольшой кожаный футляр с письменными принадлежностями. – У меня есть надёжный курьер, который доставит послание в Пале-Кардинал ещё до рассвета.

Она быстро написала короткую записку, запечатала её и передала Жану-Батисту:

– Проверьте. Я не хочу, чтобы между нами были секреты.

Жан-Батист был тронут этим жестом доверия. Он взломал печать и прочитал:

"Ваше высокопреосвященство, Мансар в опасности. Его мастерская разгромлена людьми маркиза де Ла Кроза под руководством шевалье де Рошфора. Все материалы, связанные с модификациями Версаля, захвачены. Мансар, по-видимому, успел скрыться у Защитников Ключа. Мы отправляемся туда, чтобы убедиться в его безопасности и спасти то, что можно спасти из его работ. Будем в Париже через день. Оставайтесь настороже – маркиз активизирует свои действия. С уважением, СдВ и ЖБЛ"

– Всё верно, – кивнул Жан-Батист, возвращая записку.

Селеста запечатала её снова и свистнула особым образом. Из тени ближайшего дома появился молодой человек в простой одежде.

– Доставь это в Пале-Кардинал, – сказала она, передавая ему записку. – Лично в руки кардинала или его главного секретаря дю Трамбле. Никому больше.

Юноша кивнул и исчез так же тихо, как появился.

– Надёжный человек? – спросил Жан-Батист.

– Мой кузен, – ответила Селеста. – Один из немногих членов семьи Орсини во Франции. Ему можно доверять абсолютно.

Они снова сели на лошадь и направились к воротам города. Предстоял долгий путь к аббатству Защитников Ключа, и они не знали, что ждёт их там. Но одно было ясно: маркиз де Ла Кроз перешёл от тайных манёвров к открытым действиям. А это означало, что его планы относительно Версаля вступили в решающую фазу.

И времени на противодействие оставалось всё меньше.

Глава 8: Строительство Версаля

Дорога к аббатству Защитников Ключа, раннее утро, 27 июля 1630 года

Рассвет застал Жана-Батиста и Селесту в пути. Они покинули Париж через восточные ворота ещё до того, как стража начала тщательную проверку выезжающих. Теперь дорога вела их через поля и леса к старому аббатству, расположенному, по словам Селесты, в нескольких часах езды от столицы.

– Расскажите мне о Защитниках Ключа, – попросил Жан-Батист, когда они остановились на короткий привал у небольшого ручья, чтобы напоить лошадь. – Кто они? Какое отношение имеют к Хранителям Печати?

Селеста умылась холодной водой из ручья, освежая лицо после бессонной ночи.

– Защитники Ключа отделились от Хранителей Печати около ста пятидесяти лет назад, во времена религиозных войн во Франции, – начала она. – Изначально они были... архивариусами, хранителями древних текстов и артефактов ордена. Но постепенно их роль изменилась. Они стали считать, что главное предназначение ордена – не влиять на ход истории, а сохранять баланс между различными силами, действующими в мире.

– Силами?

– Как физическими, так и... другого порядка. – Селеста неопределённо взмахнула рукой. – Есть энергии, течения, потоки, которые пронизывают наш мир, хотя обычные люди их не замечают. Защитники Ключа считают своим долгом следить, чтобы эти потоки оставались в равновесии.

– И какое отношение к этому имеет Мансар? – спросил Жан-Батист, передавая Селесте ломоть хлеба и кусок сыра, которые им удалось купить у раннего торговца перед выездом из города.

– Архитектура – один из способов влиять на эти энергетические потоки, – ответила она, благодарно принимая еду. – Правильно построенное здание может служить... усилителем, фокусом, точкой пересечения. Или, наоборот, барьером, фильтром, защитой. – Она задумчиво посмотрела вдаль. – Мансар изучал древнее знание о том, как архитектура влияет на невидимые силы. Его дед был Защитником Ключа, прежде чем присоединиться к Хранителям Печати. Очевидно, он передал внуку больше знаний, чем мы предполагали.

Они закончили короткий завтрак и снова тронулись в путь. Дорога становилась всё более уединённой, проходя через густой лес, где лишь изредка встречались другие путники – в основном крестьяне, направлявшиеся на рынки в близлежащие деревни.

– Вы когда-нибудь были у Защитников Ключа раньше? – спросил Жан-Батист, когда они въехали в особенно тёмную часть леса, где деревья смыкались над дорогой, создавая зелёный туннель.

– Однажды, с Альберто, – ответила Селеста, и в её голосе послышалась нотка печали при упоминании графа Россини. – Мы консультировались с их главным архивариусом по вопросу о... определённых символах, найденных в древних катакомбах под Римом.

– И каковы они? Я имею в виду – люди, не символы.

– Отстранённые. Погружённые в свои исследования. Не слишком заинтересованные во внешнем мире. – Селеста помолчала. – Но невероятно знающие. Их библиотека содержит тексты, которых нет даже в архивах Хранителей Печати. Древние манускрипты, предшествующие основанию ордена тамплиеров.

– Они опасны?

– Только если их спровоцировать или если они решат, что ты угрожаешь балансу, который они стремятся поддерживать. – Селеста обернулась к Жану-Батисту. – Но нам нечего

бояться. Мансар – один из них, по крайней мере, по происхождению. И если он попросил у них убежища, значит, они согласились его защищать.

Около полудня лес начал редеть, и вскоре они выехали на открытую местность. Впереди, на невысоком холме, виднелись серые стены старинного аббатства. Строение выглядело древним, но хорошо сохранившимся. Высокие башни по углам, мощные стены с узкими окнами-бойницами, массивные ворота – всё говорило о том, что когда-то это было не только религиозное, но и оборонительное сооружение.

– Выглядит впечатляюще, – заметил Жан-Батист, разглядывая аббатство.

– И неприступно, – согласилась Селеста. – Во времена религиозных войн монахи успешно отражали атаки как католиков, так и гугенотов. Говорят, у них были... особые способы защиты, выходящие за рамки обычного военного искусства.

Они приблизились к воротам аббатства. К удивлению Жана-Батиста, стражи не было видно, да и вообще никаких признаков жизни не наблюдалось.

– Странно, – пробормотала Селеста, останавливая лошадь. – Обычно у ворот всегда есть дежурный.

Она спешила и подошла к массивным дубовым дверям. На одной из них был прикреплён странный металлический диск с отверстием в центре. Селеста осмотрела его, затем повернулась к Жану-Батисту:

– Это замок особой конструкции. Открыть его может только... определённый ключ.

– У вас есть такой?

– Нет. Но возможно... – Селеста задумалась. – Покажите мне то, что дал вам Атос.

Жан-Батист удивлённо посмотрел на неё:

– Откуда вы знаете об этом?

– Я видела, как он передал вам что-то в таверне, – просто ответила Селеста. – И судя по выражению вашего лица, это было что-то необычное.

Жан-Батист достал из кармана металлический диск, который вручил ему мушкетёр. Селеста внимательно осмотрела его, затем кивнула:

– Я так и думала. Это ключ к аббатству. – Она указала на символ цветка с восемью лепестками. – Это знак Защитников Ключа. Атос явно имеет с ними связь, более тесную, чем я предполагала.

– Но почему он дал мне этот ключ? – недоумевал Жан-Батист. – Он не мог знать, что мы отправимся сюда.

– Возможно, знал. Или предвидел. – Селеста загадочно улыбнулась. – Некоторые люди обладают... особыми способностями предвидения. Особенно те, кто, как Атос, пережил слияние сознаний в эксперименте де Ноае. – Она протянула руку. – Позвольте мне попробовать.

Жан-Батист передал ей диск. Селеста вставила его в отверстие в центре замка и повернула. Раздался мелодичный звон, и тяжёлые двери начали медленно открываться.

– Впечатляюще, – прошептал Жан-Батист.

Они вошли во внутренний двор аббатства, ведя лошадь под уздцы. Двор был просторным, с ухоженным садом в центре и колодцем. Вокруг располагались различные постройки – жилые помещения, мастерские, конюшни. Но по-прежнему не было видно ни одного человека.

– Куда все подевались? – спросил Жан-Батист, оглядываясь.

– Они здесь, – уверенно ответила Селеста. – Просто наблюдают за нами. Оценивают.

Как будто в ответ на её слова, из главного здания аббатства вышел высокий, худой человек в длинной серой рясе. У него было аскетичное лицо с глубоко посаженными тёмными глазами и длинная седая борода. В руке он держал посох, увенчанный тем же символом восьмилепесткового цветка, что был на диске Атоса.

– Селеста Орсини, – произнёс незнакомец голосом, неожиданно глубоким для его тщедушного телосложения. – И Жан-Батист Ламбер. Мы ждали вас.

– Брат Амброзий, – поклонилась Селеста. – Благодарю за приём. Мы ищем Франсуа Мансара. Он оставил нам сообщение, что нашёл убежище здесь.

– Мансар в безопасности, – кивнул старик. – Но прежде чем вы увидите его, мы должны убедиться в вашей... чистоте намерений.

– Разве тот факт, что ключ Атоса открыл ваши ворота, не является достаточным доказательством? – спросил Жан-Батист.

– Ключ можно украсть, – спокойно ответил Амброзий. – Или отобрать силой. Или получить обманом. – Он внимательно посмотрел на Жана-Батиста. – Хотя в вашем случае, Хранитель Архива, я склонен верить, что вы пришли с добрыми намерениями. Перстень графа Россини не перешёл бы к вам, если бы вы не были достойны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.